

СМЕНА 88

18

ISSN 0131-6656

**Индейцы
с Алтая**
(читайте стр. 4—5)

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Оправдать доверие. Позиция коммуниста
Трагедия культурного наследия. Хроника
Хозяин или лавочник? Мнение философа
Стихи Владимира Высоцкого
Контрасты города-курорта. Репортаж-исследование

С первым секретарем Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС Валерием ПЕРВУШИНЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Андрей КУЧЕРОВ.

ПАРАД

ПРОБЛЕМ

Фото Евгения СТЕЦКО

Вначале представлю собеседника. Его фамилия Первушин, зовут Валерий Петрович. Одним из главных своих недостатков считает категоричность мнений. В литературе отдает предпочтение Ивану Ефремову, любит также историческую прозу. А еще его кумир — Высоцкий, — философ Высоцкий и Высоцкий как «образ мысли и жизни»: «Я из повиновения вышел, за флажки!..». После окончания Свердловского юридического института два года работал в Салехарде следователем прокуратуры. Затем был переведен на партийную работу. Исколесил всю область, прежде чем стал первым секретарем Ямало-Ненецкого окружного комитета партии и снова приехал в Салехард. Когда мне рассказывали о немногочисленных достоинствах города, люди обязательно упоминали: «А еще у нас очень толковый первый секретарь. Да-да, действительно толковый!..» Такое услышишь не часто, особенно когда говорят об этом те, кто не имеет никакого отношения к партийной работе, — рыбаки, шоферы, все повидавшие журналисты, медики... Можно еще добавить, что Первушин был делегатом XIX партийной конференции. Что у него неординарная внешность, и как-то по-особому ложатся у глаз морщины, и по первому впечатлению — «деловой человек». Все перечисленное выше беспристрастно, и, если бы мне пришлось когда-нибудь голосовать за кандидатуру Первушина на пост секретаря ЦК, я бы поднял руку безо всяких колебаний совести. А разговор наш начался так:

— Валерий Петрович, давайте сразу договоримся о степени откровенности. Чтобы ни я, ни вы не тратили лишнего времени на заранее обреченные вопросы.

— А давайте не будем устанавливать степеней. Будем просто говорить откровенно, размышляя?

— Тогда у меня сразу такой вопрос: вы всегда согласны с тем, что говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС?

— Если можно, я отвечу чуть позже. Мне просто кое-что нужно будет уточнить. Поэтому, не теряя времени, пока что другие вопросы...

— Как скажете... Тогда вот о чем: на одном из недавних заседаний вы, обратившись к аудитории, сказали: «Если люди перестанут мне верить, я завтра же уйду с этой работы...» Ничуть не сомневаюсь в искренности ваших слов, но спросить хочу о другом: кем вы сможете работать, если вдруг придется уйти?

— Вопрос, конечно, врасплох... Ну, по идее, я смог бы работать по своей специальности — юристом... Хотя, если честно, какой из меня сегодня юрист, уже двадцать лет я занимаюсь другими делами. Скорее всего я бы пошел учителем истории в школу. За годы работы накопилось многое, и мне есть что сказать детям. Но вопрос, конечно, большой. И сегодня этот вопрос надо пересмысливать всем партийным и советским работникам — теперь всем нам рано или поздно, но придется этот вопрос решать.

— А вы не думаете, что партийная работа потеряет от этого некоторую свою привлекательность? Ведь раньше было проще: человека «передвигали» на другое руководящее место, и нет проблем.

— Я бы даже сказал, что нынче этот вопрос — ахиллесова пята многих пар-

тийных руководителей, которым грозит сокращение или переизбрание. И потому многие ведут отчаянную борьбу за свое место. Люди, которые потеряли свои изначальные профессиональные навыки, естественно, занимают «круговую оборону», утверждая, что управленческий аппарат нужен в прежнем количестве, а возможно, и качестве...

— Ну, причины «круговой обороны» не только в боязни остаться не у дел. А льготы? А социальные блага, которые имеют партийные работники? Или вы станете утверждать, что их нет?

— На мой взгляд, главная льгота состояла в том, что раньше партийный аппарат не нес ответственности за социально-экономические последствия своих действий. А работа «на виду», да еще и безответственная, очень привлекает.

— Валерий Петрович, но я имею в виду другие привлекательные льготы. О которых говорят в народе. Вот, скажем, не случайно здесь, в городе, вдруг сенсация: первый секретарь окружкома партии, то есть вы, Валерий Петрович, были замечены в очереди за молоком. Если бы походы первых секретарей за молоком были обычным явлением, разве это становилось бы сенсацией? К вопросу о льготах...

— Я сочувствую вашему радостному

ехидству: вот вопросик задал так вопросик... Но должен заметить, что в магазины я хожу всю жизнь. И даже считаю, что это еще и моя служебная обязанность — хочется знать, что продают в этих магазинах. Другое дело, что в силу обстоятельств я не могу ходить в них каждый день и делаю это в субботу или воскресенье, но меня никто не может упрекнуть, что я добываю себе продукты каким-то особым способом. Первым секретарем я стал недавно, может, потому и начали замечать в очередях? Раньше на меня никто не обращал внимания. Впрочем, нынче модно соиздавать о руководителях небывлицы. Возможно, потому, что руководители никогда не раскрывали своей жизненной кухни, а людям страшно интересно заглядывать в эту кухню. Что ж, хотя мне это и не нравится, я готов ее показать. По-видимому, сегодня это тоже входит в мои партийные обязанности.

— Валерий Петрович, да вы обиделись.

— Отчасти. Но мне действительно становится обидно, когда меня начинают спрашивать о каких-то там спецлайках, дачах, машинах, магазинах. У меня нет никаких спецкоров, которые дают спецпартийное молоко, поэтому или я, или моя жена покупаем его, как и все остальные люди.

— Вы где обедаете?

— Дома.

— А другие руководящие работники окружкома и окрисполкома?

— Я понял. Если вы насчет отдельной комнаты в нашей столовой, то ее уже упразднили. Теперь она — филиал столовой, ее оригинальное прошлое закончилось...

— Кстати, и на партконференции поднимался этот вопрос: о благах высокопоставленных руководителей. И один из выступавших даже назвал среднюю заработную плату партийного работника...

— Я готов подписаться под словами еще одного выступившего на партконференции, который говорил, что, если страна испытывает трудности, они должны распределяться поровну между всеми членами общества. Но, с другой стороны, я категорически против всеобщей уравниловки. И если кто-то благодаря труду живет лучше, а кто-то — хуже, не вижу в этом социальной несправедливости. А если говорить о партийном работнике, то его зарплата на сегодняшний день значительно ниже, чем у многих других людей. Могу сказать, что, например, средняя заработная плата буровика в нашем регионе около восьмисот рублей. Партийный работник никогда и близко не получал столько денег. При этом мы должны приглашать на партийную работу самых умных, талантливых, инициативных людей. А чем мы их привлечем? На энтузиазме — и об этом надо сказать откровенно — люди сегодня работать не хотят, они семьдесят лет работали на энтузиазме...

Вот представим для примера, что мы приглашаем в окружком талантливого человека, который работает начальником цеха на каком-нибудь предприятии новостройки округа, скажем, в Новом Уренгое. Взять мы его можем только на должность инструктора. Получать он будет 200 рублей. А получал 300, плюс северный коэффициент один и восемь. У нас коэффициент — один и пять. А у него семья, которую надо кормить и где-то разместить. Можем мы предоставить ему хорошие жизненные условия? Опять нет. Там у него есть квартира с паровым отоплением, горячей водой и так далее. А в Салехарде вместо благоустроенной квартиры он получит рядовую квартиру в деревянном доме без горячей воды и прочих прелестей цивилизации. Дальше... Там он работает на производстве, у него регламентированный рабочий день. Даже если он бывает в командировках, у него остается время на семью. Инструктор окружного комитета партии минимум полгода, а то и больше находится в разъездах. При этом мы не имеем столов заказов, как на предприятиях, не имеем и рабочей столовой, где цены гораздо ниже цен нашей окружкомовской столовой. Питается наш работник через магазины кооперации, а в районах новостроек все продукты питания реализуются по государственной цене. Так что же выигрывает партийный работник? Дач тут нет, огородов тоже. Правда, у нас есть бронебилеты. Но я ее завтра отдам любому, только бы куда не ездить. Я ведь уйму времени провожу в самолете. Почти никогда не могу пообедать вовремя. И все это привилегии? Вы их хотите иметь?

— Нет.

— Я тоже не хочу, но имею.

— Валерий Петрович, по-моему, «теория привилегий» относительно руководящих работников появилась еще и потому, что в сознании народа любой власть имущий всегда отождествлялся с партией. А говоря попросту, если народ знал, что ворует, скажем, директор завода, то его тут же мысленно «повязывали» с «отцами города», то есть с партий-

ным руководством. Вы же прекрасно знаете расхожее мнение: «все они одним миром мазаны». ...Но, согласитесь, основания для этого были?

— Были. Согласен. Но даже когда «были», то далеко не везде. На партийной работе трудились и кристально честные люди. Не надо всех валить в одну кучу. Меня просто поражает наша страсть к обобщениям. Давайте предъявлять конкретные претензии к конкретным руководителям. Давайте называть тех, кто еще недавно организовывал себе персональную охоту, строил персональные дачи, добывал продукты, разваливал хозяйство. Но давайте называть конкретные фамилии. А еще полезнее проследить, где эти фамилии можно встретить сейчас, где эти люди — бывшие первые, вторые секретари, бывшие советские руководители — работают. И существует неверное мнение, будто первый секретарь обязательно дружит с другими руководителями — заводов, организаций, предприятий. Могу сказать другое: должность первого секретаря обрекает на одиночество, на душевную изолированность.

— Не понял?

— А что тут непонятного? Жизнь заставляет. Если я начну ходить в гости к какому-нибудь человеку, занимающему руководящий пост, скажем, к директору комбината, сразу пойдут кривотолки, сплетни. Начну я дружить, и моя дружба может незаметно повлиять и на человека, ему тоже придется встречаться с этими понимающими улыбочками и разговорами за спиной. Это можно назвать глупостью, но, поверьте, такую осаду окружающих выдерживает не каждый — наша психика сложнее теорем.

— Валерий Петрович, как, по-вашему, что на сегодняшний день является «камнем преткновения» для перестройки? На каких участках ее жизни «промедление смерти подобно»?

— По-моему, самое трудное и важное — создание механизма экономического взаимодействия. Почему сегодня экономика пробуксовывает по всем позициям? Закон о государственном предприятии приняли, а он не действует. Предприятия дали самостоятельность, а она оказалась формальной. Люди до сих пор не имеют возможности себя проявить. Мы говорим человеку: будь предприимчивым — и вместе с тем связываем ему руки. От предприятия на сегодняшний день не зависят результаты его работы. Желание трудиться есть, а поставщики все срывают. Должна быть отработана четкая структура материальной заинтересованности каждого человека. И одними директивными указаниями ничего тут не решишь. Человек никогда не будет работать хорошо, если не поймет, что работает и на свой карман.

— А как, простите, он будет работать на свой карман, ничего своего не имея? Как рабочий может хорошо работать, зная, что станок ему не принадлежит? Это когда человек покупает автомобиль и вкладывает в него кровные деньги, тогда он «вылизывает» этот автомобиль до последнего винтика. А чем автомобиль отличается от станка? Или же у наших людей особая психология, и они начисто победили в себе интересы собственника?

— Мне кажется, это один из главных философских вопросов нашей экономики, на который мы не можем ответить уже семьдесят лет. Да, действительно, станок ничем не отличается от автомобиля. И когда мы провозгласили всеобщую собственность, нас как-то радовало и умиляло, что у нас наконец все стали хозяевами всего. Но хозяевами

мы были очень абстрактными. Вот, например, должны мы любить Родину? Да, отвечаем, должны. Но ведь Родину можно любить только в том случае, когда ты любишь свой дом, свою улицу, свой город. Примерно так должно быть и на предприятии. Если бы каждый рабочий был его частичным совладельцем...

— То есть, если не изобретать велосипеда, имел бы в своих руках акции завода?

— Пусть как угодно называется... Если бы рабочий был совладельцем, то его отношение к родному заводу было бы другим. Кажется, именно к этому мы и стремимся нынче приблизиться. Но для этого предприятие должно распределять часть дохода, которую можно тратить на свои нужды. Идея вроде бы такая. И все понимают ее выгоду, но экономический механизм идею душит.

— Почему?

— Я ж говорю — очень высокий процент госзаказа и очень высокий процент отчислений от прибыли предприятий. Не слишком ли много у нас кормится надстроек только потому, что они существуют? А люди уже сейчас начали терять веру в то, что их производительный труд будет эквивалентно вознагражден и не только в виде заработной платы. Ведь у современного человека масса естественных потребностей. Например, ему хочется во время отпуска по-человечески отдохнуть с семьей, а индустрия семейного отдыха в нашей стране вообще не развита. Словом, я к тому, что человеку важно не только получать много денег, но еще важнее суметь их истратить себе во благо. А вот, скажем, здесь, на Севере, куда можно истратить деньги? Да никуда...

— Но, быть может, истратить помогут кооператоры, которые никогда не откажутся от «лишних» денег?

— Я вообще-то с большой осторожностью отношусь к кооперации. Несомненно, это движение имеет массу положительных, но я не уверен, что кооперация снимет все наши проблемы. Вот даже маленький пример: сейчас на откуп кооперации отдано многое из того, что всегда называлось товарами легкой промышленности. Но что-то не очень заметно, чтобы мы бросили все силы на развитие государственного сектора в легкой промышленности. Она, государственная, до сих пор такая же убогая, как и раньше. А наши самоучки-кооператоры, не имея в руках никакого оборудования, вряд ли решат проблему товарного потребления.

— А кооперативное движение в сельском хозяйстве? Разве его нельзя назвать прогрессивным?

— Конечно, можно. Но это «прогресс назад». Я, честно говоря, не понимаю, почему мы выдаем за великое завоевание то, что уже было когда-то и к чему мы возвращаемся? Мы ведь всю жизнь кормили сами себя. Это когда начались всевозможные реформы, борьба с частной собственностью, то есть со свиньями и коровами, появилась продовольственная проблема, которую мы тут же назвали продовольственной программой. И мы бы очень далеко ушли вперед, если бы не разрушили то, что уже было когда-то создано в сельском хозяйстве. Мы бы уже решили количественные показатели и перешли к качественным, продвинулись бы и дальше — к решению проблем переработки и товарного вида — то, что сейчас даже не прогнозируется, поскольку нет элементарного — количества. Но я считаю, что думать о качестве все равно надо уже сейчас. Нас ведь никогда не волновала «начинка» того же картофеля и овощей, которые нам поставляет государственный сектор. А ведь должен быть установлен единый для всей стра-

ны контроль за теми же нитратами, которыми опасно насыщены продукты. А вдруг причины многочисленных болезней именно тут? И, может быть, сегодня стоит тратить деньги на устранение этих причин, чтобы не строить новые больницы? Сколько можно говорить о том, что мы вроде бы лечим алкоголиков. Да не лечим мы их! Сколько можно говорить, что мы якобы изобрели действенные средства против курения. Да нет их! Так почему бы именно сюда не перелить некоторые средства из государственного бюджета? А вдруг окупится сторицей?

— Валерий Петрович, а вы любите свой город? Я не вдруг затрагиваю эту тему. Дело в том, что на глаз приезжего Салехард производит просто жалкое впечатление. Кажется, что время остановилось здесь где-то в 40-х годах, но все убого и мрачно. Эти двухэтажные деревянные домишки, разбитые дороги, деревянные так называемые тротуары, люди, которые не видят овощей даже летом, покупают мясо по талонам, живут без горячей воды... И все это — центр округа, который сильно выручает экономику страны, поставя газ и нефть, не считая с тем колоссальным вредом, который наносится при этом природе и соответственно коренным жителям — ненцам, хантам, селькупам. Где же справедливость?

— Ну, это вы как-то уж очень мрачно все нарисовали... Хотя в целом оценки правильные. Но вы начали с вопроса: люблю ли я Салехард? Я не могу его не любить уже потому, что на этих землях родился, но, согласен, любить его в таком виде очень трудно. Конечно же, пора всерьез задуматься об архитектурном облике наших населенных пунктов. Пора пересмотреть все типовые проекты, которые существуют до сих пор. Категорически необходимо пересмотреть позицию: чем дешевле, тем лучше. Настала пора заниматься капитальным строительством. Временные деревянные дома в условиях Крайнего Севера не оправдывают, хотя и поглощают громадные деньги. А все наши беды, я считаю, происходят из-за централизованности источников финансирования. Если бы местный исполком имел свои деньги и распоряжался бы ими по своему усмотрению, он бы и градостроительную политику вел по-другому. Назову несколько цифр. Только двенадцать процентов от суммы годовых капиталовложений предназначено на социальную культуру. А по линии местных Советов на строительство и благоустройство расходуется всего 8 миллионов рублей. Это справедливо? Нам до сих пор указывают из Москвы, какой построить дом, магазин, столовую. У меня вопрос: им что, там больше нечем заниматься? Что там в штабе отрасли, в Министерстве газовой промышленности, больше некуда силы девать, расписывая по каждому району новостроек все объекты? Я уверен, так происходит потому, что там сидит огромный аппарат, который ищет себе работу и потому не хочет упускать ключевые позиции. А решает все просто: надо дать деньги и сказать: распоряжайтесь по своему усмотрению, потом отчитаетесь. Если мы ошибемся или что-то нарушим — пусть тогда и спрашивают. А иначе будет вечный вопрос: почему ни в одном городе нашего округа нет общественного туалета?

— А эти нужные «заведения» тоже из Москвы планируются? Или, вернее, в Москве про них забывают, так как там в учреждениях все есть и не дуют такие ветры.

— Увы, еще ни один туалет не был запланирован при составлении планов

городского обустройства. А у исполкома нет своих денег, на которые он мог бы построить этот самый туалет. Сейчас разрабатывается проект обустройства Бованенковского месторождения и полуострова Ямал, и снова те же методы — вновь пытаются записать по объектно, где что строить, сидят... в Москве.

— Странно как-то. Вроде бы не надо быть страшно умным, чтобы понять: здесь, на месте, виднее, что людям надо построить и как улучшить их жизнь...

— А кому сегодня в нашей стране не понятно, что идея централизованного капитального строительства полностью себя изжила? Кому не ясно, что объектами социальными должны заниматься местные Советы? Всем ясно. И про это «ясно» уже столько сказано слов, что я лично их выучил наизусть. Так что же мешает нашему правительству принять такое решение? И если его не принимают, значит, у нашего правительства другие мысли по этому поводу. Но я этих мыслей почему-то не знаю. А знать очень хочется. Почему же нам об этом не говорят? Почему мы не знаем правды, продолжая своими действиями отбивать у людей веру в перестройку, — ведь терпение людей не беспредельно. Или вот зачем заместителю Председателя Совета Министров РСФСР товарищу О.И. Лобову надо было говорить на сессии Верховного Совета республики, что к 1995 году проблема жилья в сельской местности в РСФСР будет решена? Ну, я не понимаю, почему надо было произносить заведомую ложь. Для соблюдения каких-то интересов? Каких? Для того, чтобы отрапортовать, будто наша республика имеет более мощные, нежели другие республики, потенциальные возможности? Или потому, что рапортующий человек знал, что к 1995 году он уже не будет там работать, и оправдываться из-за его громкого обещания будут другие? Я могу сказать наверняка: если к 1995 году где-то и возможно решить проблему с жильем, то только не в нашей округе. Да вы сами видели, как мы живем... Вы верите, что мы сможем вылезти из этого состояния за семь лет?

— Я, конечно, не специалист, но сомнения одолевают...

— Вся беда в том, что сомневающихся становится все больше. Мы до сих пор не сказали народу всей правды. Но народ, между прочим, все знает и понимает и только ждет — хватит ли у нас сил сказать ему эту правду. По-моему, мы должны устраивать всенародные обсуждения наших экономических проблем, мы должны познакомить людей с распределением нашего государственного бюджета, о котором не знаем ничего. Мы обязаны обратиться к народу и посоветоваться с ним, ничего не утаивая, какой бы тяжелой ни была наша «экономическая» правда.

— А вы не боитесь, что, если нашим уставшим людям сказать всю правду, их нынешний энтузиазм может сильно поумнеться?

— Еще раз повторяю: люди понимают больше нас с вами. Не надо держать их за дураков. Когда меня во время встреч молодые рабочие спрашивают, а чем отличается работа на конвейере АЗЛК от работы на подобном конвейере, но только на предприятиях Запада, где, как мы утверждаем, царят потогонные методы, то есть выжимающие максимальную энергию из работающего... когда меня об этом спрашивают, я понимаю, что сегодня люди поумнели очень сильно и на многие вопросы уже ответили для себя раз и навсегда. Так что зря мы думаем, будто все нынче заражены энтузиазмом. Далеко не все. Потому и оценки действительности должны быть трезвыми и реальными. Потому и за слова насчет жилья к 1995 году надо отвечать.

— Валерий Петрович, а у вас часто бывают спорные или конфликтные ситуации с руководством? Например, с первым секретарем Тюменского об-

кома партии товарищем Богомяковым?

— Нельзя сказать, чтобы мы как-то уж очень конфликтовали... пытаемся договариваться... но спорим часто. Свою позицию я всегда пытаюсь отстаивать.

— И когда вы это делали в последний раз?

— Когда обсуждали программу освоения Ямальского полуострова.

— В чем не сошлись?

— Не то чтобы не сошлись... Ну, например, обком считает, что объединение, которое будет заниматься эксплуатацией Бованенковского месторождения, должно располагаться в Тюмени. А мы считаем, что оно должно находиться или в Лабитнангах — неподалеку от Салехарда или в самом Бованенкове. Я уже говорил, что мне кажется странным, когда из Тюмени, за полторы тысячи километров от Бованенкова, будут руководить промыслами. Кроме того, я настаиваю на том, что база вахтовиков, которые будут летать на месторождение, должна быть тоже в Лабитнангах, а не в Тюмени. Потому что летать им отсюда гораздо ближе и, кроме того, отчасти будет решаться проблема так называемых временщиков, то есть людей, прилетающих сюда на месяц или два, чтобы отработать и вернуться домой. К сожалению, такой вахтовый метод имеет много негативного: прибывающие люди часто наплевательски относятся к природе и к последствиям своей работы.

— Вы вышли на проблему крайне серьезную: промышленное освоение Ямала несет громадные сложности для коренных жителей, и лозунг «Газ любой ценой» — лозунг страшный и аморальный...

— Да, не хотелось бы повторять ошибки, которые мы наделали ранее. Такая громадная программа освоения Ямала требует тщательного обсуждения. И свое слово здесь должны сказать все жители нашего полуострова. Но, боюсь, что и тут благие пожелания останутся благими пожеланиями. Проект программы опять носит чисто производственный характер — дать газ и, как вы говорите, любой ценой. Учитываются интересы газовой промышленности, но интересы людей, которые здесь живут, не волнуют, получается, никого. Поэтому сегодня окружком партии борется как может за разработку комплексной программы освоения нашей территории, которая учитывала бы интересы всех жителей: и оленеводов, и рыбаков, и охотников, и многих других людей, которые не виноваты в том, что живут и работают здесь постоянно. Да, стране нужен газ, с этим никто не спорит. Но все ли сделано разумно, чтобы взять этот газ с наименьшими потерями для людей? В конце концов, выгода, которую дает нам газ, полученная за счет человеческого горя, очень дурно пахнет. И я не верю, что эта «выгода» во благо человека, если это благо изначально строится на горе другого человека. Потому мы просим, как только будет готов документ, пришлите его нам, чтобы мы имели возможность обсудить его с народом и, выслушав его пожелания и замечания, внести их в этот документ. Но, честно говоря, я не уверен, что нас с ним познакомят.

— Вы не ответили на ту часть моего вопроса, которая касалась последствий промышленного освоения для коренных жителей полуострова.

— Здесь остались те же проблемы, что были и раньше. Просто многое приукрашивалось, и статистика выдавала «успокоительные» данные. Среди представителей народностей Севера много безработных, и пока что я не могу сказать, как решить проблему их трудоустройства. Есть заболелания туберкулезом. Велика детская смертность. Развита алкоголизм. Это самые болевые точки, остальное более-менее терпимо.

— А как вы относитесь к тому, что люди выходят на площадь, требуя осуществления своих прав и выражая несогласие с каким-либо решением?

— Иногда бывает так, что по-другому человек не может проявить свою активность и высказать свое мнение. Правда, мне думается, лучше не вынуждать людей на такие крайние действия. Вот недавно на реке Сосье рыбаки поселка перегородили реку своими лодками и не пустили к месту работы земснаряды, которые углубляли дно реки, добывая гравий. Я считаю, они поступили правильно. Они вынуждены были пойти на эти меры от отчаяния, защищая свой промысел, которым они живут. Раз в объединении «Сибрыбпром» никто не хочет думать и действовать, решили рыбаки, они будут действовать сами. И исполкомы районного, окружного и областного Советов их поддерживали.

— В каком случае вы попросите отставки?

— Если меня перестанет понимать и поддерживать народ.

— А как вы об этом узнаете?

— По реакции людей.

— А вы не думаете, что эта реакция всегда будет корректироваться вашим должностным авторитетом? И, кроме того, всегда найдутся люди, которые будут поддерживать лидера только за то, что он их выделил и приблизил?

— Мне кажется, сегодня не то время, когда должность диктует почитание... Может, я, конечно, и не прав. Но очень хочется в это верить. А вообще сегодня нелегко быть руководителем. Еще и потому, что несешь ответственность не только за свои дела, но и за дела своих предшественников...

— Очень интересная тема. Вот мы яростно вспомнили все, что было сделано отвратительного в период культуры личности, затем уже бегло повспомнили о временах Хрущева, а потом как-то вдруг, на мой взгляд, споткнулись, накинута на весь период брежневского правления серенькую занавесочку под названием «период застоя». Правильно ли это? Нет ли здесь полумер и полуправды? Ведь страшно полезно знать, кто, как и каким способом создавал этот самый застойный период?

— Я обеими руками «за». Я считаю, что именно во времена Брежнева был создан самый сильный механизм торможения. И — самый изощренный. Именно в это время цементировались кирпичи, сложенные ранее. Именно из этого времени идут и не решаются многие сегодняшние проблемы. Потому что живы люди, которые принимали самое активное участие в формировании периода застоя. Многие из этих людей — если не сказать большинство — еще сидят в своих креслах, находятся у руководящих постов, и, я уверен, без жестокого боя они не сдвигут своих позиций. Потребуются колоссальная народная активность, чтобы эти позиции отвоевать. А народная активность еще, к сожалению, не так высока...

— Члены бюро вашего окружного комитета партии работают одинаково хорошо?

— Нет.

— И тех, кто работает плохо, вы, естественно, знаете?

— Естественно. Это секретарь окружкома Ильина Розалия Ивановна, рабочая Чернышева Надежда Сергеевна и Пронькин Алексей Николаевич, председатель окружного Совета народных депутатов Тишин Николай Петрович. От этих людей хотелось бы иметь больше мыслей и инициативы.

— Как вы считаете, назначили бы вас первым секретарем окружкома, если бы не началась перестройка?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Мое назначение — вообще какой-то нестандартный шаг. Дело в том, что раньше я заведовал отделом пропаганды в обкоме и назначение идеолога первым секретарем — явление в нашей жизни нетипичное. У нас ведь на «первых» обычно ставят хозяйственников, а тут вдруг меня, юриста по образованию... Честное слово, странно.

— Наверное, вы талантливы...

— Наверное. Но если вы мне объясните, что такое талант...

— А вы тщеславны?

— Да, а что в этом плохого?

— Как по-вашему, когда мы ощутили первые реальные плоды перестройки? Не те, про которые можно услышать, а те, которые можно увидеть и, что называется, потрогать своими руками. Но и тут я не имею в виду пирожки, которые продают кооператоры.

— Это вопрос на засыпку. Не могу ответить. Не знаю. Даже в пределах нашего округа что-либо спрогнозировать во времени не могу.

— Тогда так: какие, по-вашему, проблемы будут остро стоять на XXVIII съезде партии?

— По-видимому, те же, что и нынче, но уже глубже и острее. Ведь, я надеюсь, те идеи, которые мы высказали на партконференции, уже будут проверены первой практикой и появятся какие-то результаты...

— А как вы считаете, будет ли съезд решать кадровые вопросы? В том числе и в отношении членов Политбюро?

— Наверное, будет.

— А кому лично вы симпатизируете из членов Политбюро?

— Генеральному секретарю. Я не хочу умалять роли членов Политбюро, но так получается, что сегодня мы больше всего знаем о деятельности товарища Горбачева и можем судить об этой деятельности и давать ей оценки. Хотя, полагаю, все, что он говорит и делает, является плодом коллективного мнения. И тем не менее хотелось бы, чтобы члены Политбюро более активно проявляли свои личные качества для общественного мнения. Хотелось бы знать, как работает каждый человек на своем участке. Нужно больше информации о работе и секретарей ЦК, и членов Политбюро, и министров, о сложностях, которые возникают в ходе этой работы.

— Честно сказать, упомянув Генерального секретаря, вы мне сами напомнили о вопросе, с которого мы начали разговор, и о своем обещании ответить на этот вопрос. Итак: всегда ли вы согласны с тем, что говорит Генеральный секретарь?

— Одну секунду... (Первушин подошел к стеллажам и достал какую-то брошюру.) Так... Вот нашел. Да, сказано это было во время встречи Михаила Сергеевича Горбачева с активом Ленинградской партийной организации в октябре 1987 года. Он говорил... цитирую: «...хочу несколько слов сказать о районных и городских комитетах партии...» и дальше — «...Хватит сидеть по кабинетам! В хоромах, которые были отстроены за последние десятилетия. Их тоже надо открыть, для того, чтобы все гудело в партийных комитетах, в райисполкомах. Страна бурлит, страна нуждается в мыслях, в действиях, в обсуждении, а в это время — спокойствие в кабинетах, паркеты, ковры и расписание: когда кто кого принимает...» Так вот я уже говорил, что не люблю обобщений. А это высказывание каждый партийный работник воспринимает как упрек. Такое же отношение к партийным работникам складывается и у большинства людей: как же, сам Генеральный оценил! А ведь далеко не во всех партийных комитетах и райисполкомах спокойствие в кабинетах, паркеты и ковры... В здешних партийных комитетах давно уже забыли, что такое спокойствие. А за окружной комитет партии просто ручаюсь.

— Валерий Петрович, тогда последний вопрос чрезвычайно простой: какими вам видятся ваши собственные перспективы или, точнее, что вы надеетесь там увидеть, если говорить, например, о карьере?

— Очень ценю ваш добрый юмор. Но относительно своей перспективы я даже и сказать-то ничего не могу.

— Так не бывает.

— А вот представьте себе, что быва-

Леонид ГОЛЬДИН,
доктор
философских наук

БЛЕСК И НИЦЕТА КООПЕРАЦИИ

Как времена переменялись! Давно ли молодежная печатка дружно, под широкое общественное одобрение громила кустарей-предпринимателей? Сегодня же сил не жалеет, чтобы помочь торговцам, которые готовы одеть нас в расплывающуюся «варенку», шапочки, свитера и штаны из кальсон по ценам, до недавнего времени не снившимся и фарцовщикам, натуральную «фирму» предлагавшим. Не отстают и кооператоры, торгующие на улице шашлыком по 25—30 рублей за килограмм, вафельными трубочками по рублю штука. А мы все рассчитываем, что, окрепнув, они помогут решить многие насущные проблемы, до которых у госслужащих руки не доходят.

Нет никаких сомнений в целесообразности тех форм кооперативного движения, которые способны дать ощутимую прибавку к нашему потреблению. Семейный подряд, например, на той же земле, с той же техникой позволил в полтора-два раза повысить продуктивность на полях, фермах, в обслуживании. И, что не менее важно, работник не на словах, а на деле почувствовал себя хозяином. Именно хозяином — не хозяйником, не лавочником. Но если доход кооператора не столько продуктивный, сколько спекулятивный, от таких экономических новшеств лучше жить мы не станем. И надо бы заблаговременно присмотреться к новым проблемам, на которые выводит экономический поиск. Не для очередной волны запретительства, а лишь для того, чтобы избежать привычного для нас шаханья из крайности в крайность, ностальгической веры в волшебное средство, которое в одночасье позволит разрешить все противоречия.

Нынешние первопроходцы индивидуальной трудовой деятельности (ИТД) так же, как вчерашние «леваки», даже если не воруют материалы, детали и запчасти для строительства дач и гаражей, ремонта квартир, автомобилей, магнитофонов, порождают далеко идущую цепную реакцию. Именно под их возможности подстраиваются рынок, торговые короли дефицита, спекулянты и вымогатели всех мастей. Немало соблазнов они порождают у контролирующего инспектора с зарплатой в полторы сотни и даже у милиционера. Человек, обратившийся к их услугам, — пусть это будет сравнительно безобидное репетиторство — окажется перед необходимостью самому искать источники дополнительных доходов — ведь платить по 10—15 рублей за час занятий своих детей не только рядовому инженеру не под силу. (Кстати, в вузе за час лекций профессору платят вдвое меньше.)

Есть ли преискусительное в том, что значительная часть людей пытается найти возможность приработка помимо основной работы? Многие годы экономисты, юристы, социологи видели в этом угрозу государственным интересам и общественной морали. Теперь они притихли, а общественное мнение содержит весь возможный диапазон мнений — от безоговорочного запрещения до полной легализации такой деятельности. Вот жительница Тулы с похвалой пишет в «Советскую Россию» о строительной бригаде, в составе которой четыре кандидата наук. Если на основной работе они получают по 200—250 рублей (обычно представления о зарплате обладателей научных степеней пре-

увеличенны), то приработка дает им доход значительно больший.

Раньше или позже человеку, вкушающему плоды двух экономик, придется выбирать, куда направить больше сил и времени. Резонно предположить, что во многих случаях выбор он сделает в пользу деятельности, приносящей больший доход. И если сначала его будут мучить сомнения, то быстрое накопление «левых» заработков рано или поздно эти сомнения развеет.

Люба Мазурова, тридцатилетний секретарь партийной организации уж на что престижного Всесоюзного Дома моделей, в последнее время растеряна — хороший модельер, портниха зарабатывают 160 рублей, оборудование старое, нитки гнилые. А те, что ушли в кооперативы, из пятисот не выходят. Да и вольней себя чувствуют, на споры с начальством время и нервы не тратят. Что же делать, как перестраиваться? Радоваться или «караул» кричать от таких общественных перемен?

Думается, и в сердца оптимистов закрадется тревога. От решительно настроенных скорее всего последует предложение: пусть на заводах (в КБ, НИИ, в жэке и т. д.) больше платят, тогда и не побегут ни за «левыми» заработками, ни в кооперативы. Те, кого охватил экономический всеобщ, не будут торопливы в рекомендациях. Если просто больше «выдавать» в середине или в конце месяца — лучше жить мы не станем, поскольку деньги не обеспечены надежным товарным покрытием.

В то же время у нас в стране, в отличие и от Китая, и от Венгрии, и Болгарии, имеются сотни тысяч вакантных рабочих мест. Поскольку они пусты, продукция и услуги, на которые мы рассчитываем, не будут произведены. Возникают всякого рода дефициты, срыв на одном участке отзывается тяжелыми последствиями во всей цепи нынешних сложнейших хозяйственных связей. Нет копейного красителя — остановится новенький, за валюту обустроенный гигант легкой промышленности, не выполнит финансовые планы торговля, а поскольку «пьяными» рублями этот срыв сегодня не восполнишь, заводчанам и зарплату придется задержать — увы, такое уже бывает. И никакой хозрасчет тут не поможет: что возьмешь с тех красильщиков, которых еще все без зарплат оставь — все равно и малой доли народнохозяйственных потерь не восполнишь. Чтобы как-то поправить положение, придется кому-то работать сверхурочно, оказывать всякого рода «шефскую помощь», которая и обходится втридорога, и тех, кто на ногах крепко стоял, опустит на колени. После чего наиболее здоровые, умелые и оборотистые участники этих событий дадут новый импульс кооперативному движению. Теперь многие экономисты склоняются к тому, что лучше вообще ликвидировать, чем за счет других поддерживать нежизнеспособное предприятие. И некоторые философы склонны усматривать в том социальную справедливость. Оставим открытым для дискуссий этот вопрос, посмотрим, что ждет нас от перемещения трудовых ресурсов в сферы, манящие высокой прибылью. Пока получается чаще всего так, что от конкуренции кооператоров, на которую возлагаются немалые надежды,

наш потребитель ничего не выигрывает. Как только в результате соперничества сокращаются сверхдоходы, сворачивается и деятельность, которая их не обеспечивает, да и в самой этой деятельности спекулятивного больше, чем продуктивного. Пусть это временный, преходящий этап, но немало сложностей и в перспективе.

Вот пример. В одной республике стали активно поддерживать желающих выращивать в домашних условиях ранние овощи. Выделили для них участки, обеспечили материалами для устройства теплиц, подвели газ для отопления. Вначале результаты были неплохие: на рынке овощей стало больше. Только цены на них не падали. Были тому и основания — слишком высока трудоемкость производства овощей на личной делянке. А когда возникли затруднения со сбытом овощей по максималкам, обладатели теплиц изменили профиль производства — стали выращивать цветы. Дело это оказалось менее хлопотным и более прибыльным. Может быть, гвоздики и тюльпаны, вытеснившие овощи, стали дешевле? Ничуть не бывало.

Приведу и другой пример. Из колхоза «Адажи», расположенного рядом с Ригой, вот уже много лет никто не уходит. Здесь средний заработок — под триста рублей, ветеранам доплачивают к пенсии до 100 рублей в месяц. Труд механизирован и автоматизирован, люди работают без авралов, полноценно отдыхают. Даже рабочая одежда шьется для каждого индивидуально в своем ателье. Доход колхоза — около 40 миллионов, причем большую часть прибыли дают не промыслы, а сельскохозяйственная продукция. Урожайность, надои молока — рекордные. Это позволяет ежегодно затрачивать на социальные-бытовые нужды людей два миллиона рублей. В детском садике плавательные бассейны, зимний сад, на 315 малышей 100 человек obsługi. В загсе молодой семье вручают сорокастраничную книжку с перечислением льгот колхозникам. Молодой матери три года после рождения ребенка засчитывается стаж, выплачивается пособие. Фантастика? Реальность, которая и во сне не привидится тем, кто уповает на хуторские методы хозяйствования. И путь к этой реальности лежит через использование преимуществ коллективного труда на базе самой передовой техники. «Адажи» по своей экономической сути, по характеру трудовых отношений — кооператив. Социалистический в отличие от тех, что висят у социализма жерновом на шее.

Любое кустарное и полукустарное производство продуктов, товаров, услуг не может быть дешевым. Работа без современного оборудования, без промышленной кооперации и разделения труда не имеет экономической перспективы.

Я хожу в бассейн олимпийского комплекса мимо кооператива, занимающегося автомобильным сервисом. Возле мастерской стоит хорошая реклама мастера умельца — собственноручно склепанный «под фирму» почти что «Форд». Сколько трудов затратил на него создатель! Ну, на свое хобби их не жаль, общественные потери здесь можно не подсчитывать. Но чужие «Москвичи» и «Жигули» он ладит кувалдой, часами выскидывает дефект, норовит при-

способить что-нибудь то ли на свалке найденное, то ли у барыги перекупленное. По эффективности труда и его оплаты клиентом. Но станем ли жить лучше от такого труда? На международной выставке в Москве как-то показывали оборудование автомобильной ремонтной мастерской. Аппаратура для диагностики, как у врачей. Чуть что забарахлило, не мучайся с музейной реставрацией — выбрось, все запчасти грошовой и под рукой.

Недавно принят Закон «О кооперации в СССР», который определил экономические, организационные и правовые условия деятельности кооперативов в современных условиях социалистического строительства. Суть и направленность закона вытекают из ленинских идей кооперации. Закон устанавливает принципы кооперативной демократии, определяет отношение государства и кооперации, гарантирует свободный выбор форм деятельности, открывает простор для инициативы и вместе с тем устанавливает ответственность кооперативов за результаты своего труда, ставит заслон частно-предпринимательским устремлениям. Ясно, что и речи быть не может о сворачивании кооперативного движения. Но пора научиться наконец честно говорить о всех сторонах проблемы. Мы уже не одной бедой научены, чем оборачиваются безудержные восторги, маниловские иллюзии. «Надо задуматься, — предупреждал Ленин, — над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежесекундно провозглашаем, ежесекундно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непостоянство. Вреднее всего здесь было бы спешить». Нужно готовиться к тому, что многое в кооперации не уместится и в сколь угодно расширенных рамках закона. И понимать, какого нрава люди окажутся здесь в первую очередь. Приготовиться к издержкам «первоначального накопления» с присущим ему расцветом психологии лавочников.

Главное — не иметь экономических иллюзий. Твердо осознать, что только на автоматизированном, оснащенном по последнему слову техники предприятии могут быть произведены в необходимом количестве, хорошего качества, по приемлемой для массового покупателя цене товары и услуги. И хотя бесконечен перечень примеров, когда и на государственном предприятии, и в колхозе бессмысленно растрачиваются рабочее время и знания рабочих и специалистов, губятся сырье и оборудование, все это не может компенсировать «частник», будь он хоть и с совестью, и с золотыми руками.

Нужно также учитывать, что ряды утративших иллюзии вскоре пополнятся теми молодыми людьми, которые видели в высоком заработке в кооперативе верный путь к счастью и успеху. Им, так же, как это было во все времена, придется на опыте убедиться, как часто за фасадом причин, в которых люди видят свои затруднения, таятся плохо осознаваемые истинные проблемы, во многих случаях и отдаленно не связанные с недостатком средств. Это может быть бедность особого рода, которую порождает зависть, ущербная психология.

Нищий Диоген такой бедности не знал.

Мария БОРОДИНА
Фото Альберта ЛЕХМУСА

НОВЫЕ КОККАЙШЫ

Место для дома выбрали прямо на берегу ручья под двумя молодыми и стройными тополями. Потом поняли — подальше надо было бы от воды. Все-таки хоть и юг Алтайского края, да зимы тут суровые и ветреные — морозы до тридцати не редкость. Но тогда, в августе, быстрый ручей звенел и сверкал под солнцем, а тополя ласково шелестели листвою, и так это сладко напомнило любимые с детства книги о жизни на природе, о братстве зеленого мира и мира людей, что тут и решили ставить новый сруб. Но следующую избу рубили уже подальше.

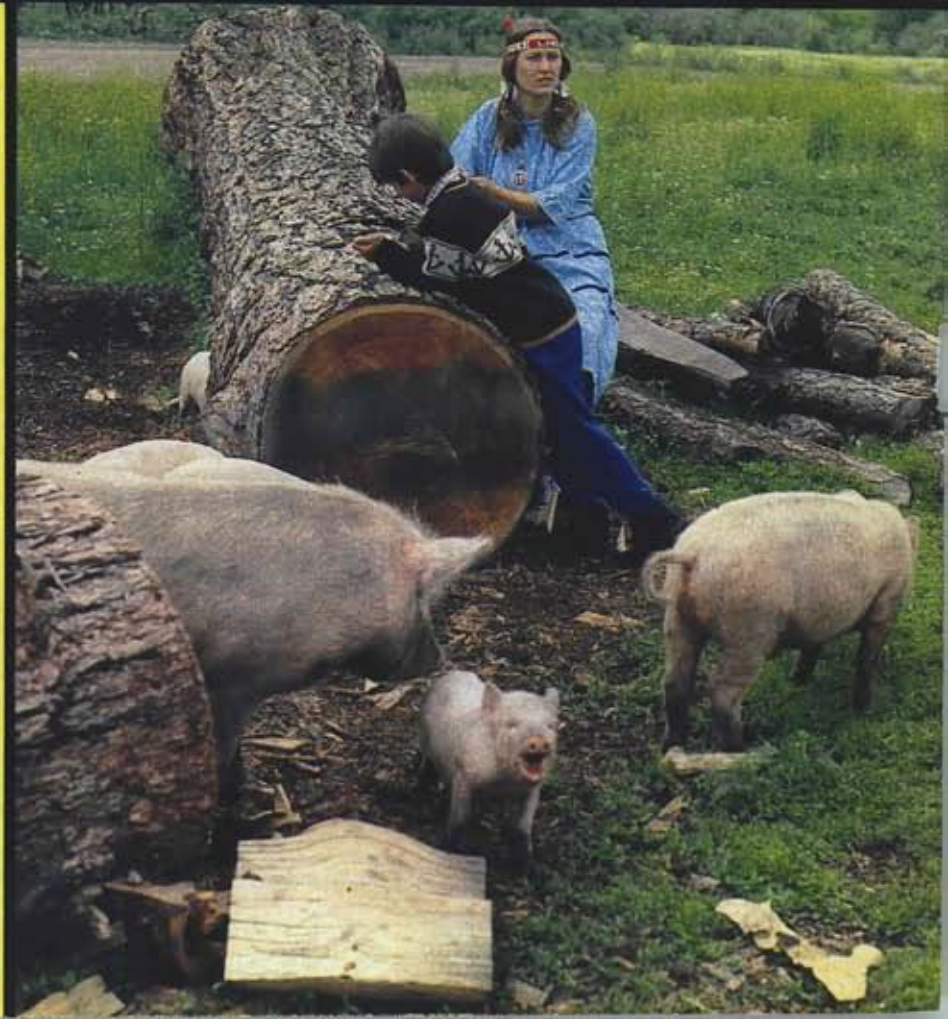
Как назвать эту группу молодых горожан, приехавших жить и работать в алтайское село? Друзья-знакомые? — слишком упрощенно. Взять во главу угла их увлечение индейской культурой и назвать их «неформалами-индеанистами»? Тогда навесишь ярлык, который может заслонить суть. А суть, на наш взгляд, состоит в том, что этим молодым горожанам удалось реализовать заветное свое желание жить в близости к природе, приносить пользу обществу, занимаясь разведением животных, преодолеть городскую разобщенность, одиночество и быть среди близких по духу людей.

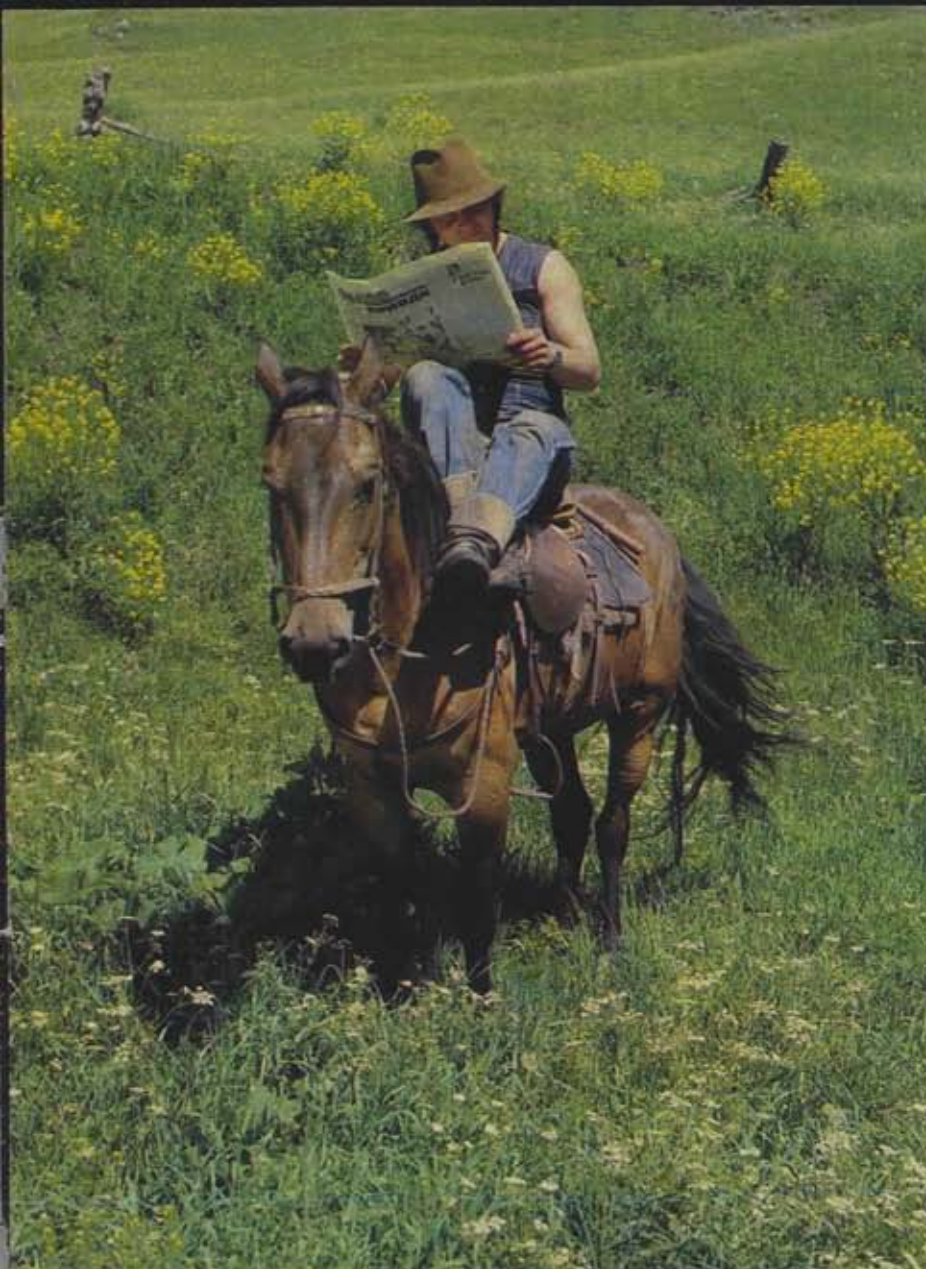
Можно назвать их «друзьями по переписке» — именно письма предшествовали решению переехать в село. Жили они в разных городах, а познакомились несколько лет назад в летнем лагере под Ленингра-

дом, куда традиционно съезжаются «фанаты» индейской культуры, чтобы пожить несколько недель на природе в «индейском образе». Это — игра, продолжение детских увлечений. Но Володе Кошелеву, его жене Вере, Сергею Лузину и их друзьям игра послужила толчком к перемене всего образа жизни.

То, что было невозможным в городе, им представлялось осуществимым в селе. И они не ошиблись. Они, конечно, знали, как нелегко крестьянский труд. Но теперь в их ведении... 240 голов общественного скота да еще несколько голов личного — оказалось, что такое хозяйство им вполне по силам. Дикая природа — прямо за порогом. Нашлось место и для вигвама.

Вслед за Володей, Верой и Сергеем приехали четверо их друзей: Андрей Чикунев из Новосибирска, Валентин Бусько из Запорожья, Валентина Романенко и Алла Сабат из Харькова. Были они в своих городах кто бухгалтером, кто кондитером, кто электриком... Теперь на окраине села Верх-Кукуя три новых очага: в одном доме его поддерживает Вера (у них с Володей весной родился второй ребенок, на этот раз дочь), в среднем — очагом занимается Валя (у нее дочь уже школьница), третий очаг у жены Сергея — Аллы. Хозяйство и финансы у них общие. Принцип этот устраивает особенно мужчин — им совместно удалось купить желанные музыкальные инстру-

На выпасе в урочище Жангар.

Беспокойное хозяйство.

Вигвам хорошо, а изба лучше.

Какие новости?

Надо успеть починить к зиме.

Для Веры Павловой главное — забота о малышах.

менты с акустической установкой. Мечта — добиться такого качества исполнения, чтобы не стыдно было выйти на публику. Небольшой опыт у них уже есть — давали концерт в соседнем поселке Черге. Мужчинам сложнее дается, на мой взгляд, другое: нерегламентированный, в отличие от городского, распорядок дня: велик соблазн с какой-то работой повременить, с чем-то подождать... Но как потом отзывается не вовремя сделанный покос, пропущенная прополка, разбредшееся к полудню стадо!..

Самый опытный в крестьянском труде — Сергей Лузин. Он хоть и из городских, но жил в пригороде в большой семье, имевшей немалое подсобное хозяйство. Этот парень с роскошной гривой золотистых волос, в очках в тонкой металлической оправе, гитарист и шутник, оказался большим знатоком по части агрономии и животноводства.

— Едем мы с ним однажды зимой за сеном, — рассказывает Валентин Бусько. — Снегом склоны припорошены, да ветром продуваются. Сенник выглядываем. Я ничего не вижу, думаю, не найдем. Нет, Сергей высмотрел все же. Я сначала не поверил, а потом подъезжаем — верно, сенник. Глаз у Сергея цепкий, хозяйский.

— А в город не тянет вернуться? — спрашиваю его.

— Я много чего уже перепробовал. Два института поменял, хотя учился хорошо. А теперь вот уже три года тут и не собираюсь уезжать. Я здесь почувствовал, что живу взаправду.

Действительно, «взаправду», а не в игре они боролись за право жить в этом алтайском селе, где не на словах доказали, на что способны. Им не верили, считали, что сам их приезд — баловство. Лишь после прошлогоднего выступления в их защиту газеты «Известия» переселенцам дали настоящее дело: мужчины были приняты в Алтайское опытное хозяйство скотоводами, Валя стала в селе почтальоном, Алла — заведующей клубом и киномехаником.

— Мы для местного начальства в определенном смысле беспокойные работники. То есть не такие тихие и смирившиеся с нынешним положением дел на селе, к каким тут привыкли, — говорит Володя Кошелев. — Вот теперь мы опять руковод-

ство дергаем. Хотим, чтобы в нашем селе школу открыли. Много лет назад она тут была, потом село признали неперспективным, а когда мы сюда приехали, администрация алтайского опытного хозяйства, к которому относится село, решила его возродить. Но возрождение затянулось. А мы торопим. Детей в селе как раз наберется на сельскую школу. Рано еще прошлым летом планировал отремонтировать здание, но пока — одни обещания...

В пять утра начинается день коккайцев (наши переселенцы определили, что на алтайском языке название села более точно звучит Кок Кайя, Кукуя — упрощенное произношение). Вот идут с ведрами на дойку Вера и Валя. Перед отъездом к стаду — его держат на свободном выпасе в урочище Жандач — мужчины седлают лошадей, пьют парное молоко.

Во дворе рядом с избой — необычное высокое сооружение из жердей и брезента. «Правильней называть не вигвам, а типи, — поясняет Валентин, откидывая овальный полог, закрывающий вход. — Жилище северных индейцев. Сейчас он пустует, но когда к нам приезжают гости, селим здесь».

На народном празднике в старинном алтайском селе Ело этот типи служил коккайцам выставочным павильоном для демонстрации собственных изделий из кожи и бисера. На праздник их пригласил Горно-Алтайский обком комсомола, решив, что этих «неформалов» нужно поддержать: не горлопаны, занимают делом, приносят пользу, оживили вымиравшую деревню. Правда, когда представитель обкома партии почему-то решил, что сбор подписей в защиту индейца Леонарда Пелтиера рядом с индейским типи выглядит аполитично, и попросил Володю Кошелева и его друзей «сворачивать свое хозяйство», комсомольцам пришлось вступиться за своих подопечных. Хозяйство коккайцев должно расширяться, считают в обкоме комсомола, а поэтому предлагают помочь в организации кооператива по изготовлению сувенирных изделий с модной теперь вышивкой бисером (наши переселенцы умеют делать это отлично), освоить с помощью музейных специалистов традиционные алтайские орнаменты... Есть идея заняться и шорным делом — специалисты по конной упряжи, увы, перевелись даже в этих краях.

«Все вокруг имеет свое предназначение и взаимосвязь. Но эти связи ощущаются тем слабее, чем сильнее твоя личная независимость от мира, от природы, от общества. Но тем прекрасней жизнь, чем крепче эта связь» — так пишет Володя Кошелев в предисловии к рукописному сборнику песен, который существует пока в одном экземпляре. Как хорошо, что «новые коккайцы» нашли свое предназначение и поняли эту взаимосвязь.

Полевая почта — СССР, Калининская область. 27 апреля 1988 года. Здравствуй, моя любимая, мое милое и нежное создание! Ты пишешь, что часто обо мне вспоминаешь и что тебе без меня трудно. Да и я по вечерам часто тебя вспоминаю, наши встречи. Ты пишешь, чтобы я был осторожен и берег себя. Я знаю, тебе лезут в голову всякие мысли и ты очень переживаешь. Но ведь я солдат и выполняю свой долг. Да, здесь, конечно, несладко: стреляют частенько — из минометов и реактивными снарядами. «Духи» хотят, чтобы мы ушли с Панджшера. Знаешь, страшно не то, что могут убить, а мысль, что вы останетесь без меня...

Вообще же у меня все нормально, вчера пришли с боевого задания, а сегодня вдруг — твое письмо. Я даже подпрыгнул от радости. Пиши чаще, жду ответа. Люблю. Скучаю. Твой Сергей. Населенный пункт Руха.

Из дневника старшего прапорщика О. Можейко, комсомольского работника. 19 мая 1987 года. 4.30 утра. Мы на взлетной полосе, гудят «вертушки». И вот мы в воздухе. Говорят, лететь теперь очень опасно. Три дня подряд начиная с 15 мая, со Дня примирения, почти все гарнизоны обстреливались душманами, но эту часть обстреливали больше других. Горели укрытия, склады с боеприпасами, но часть сражалась: гремели выстрелы. Из-под земли били наши реактивные установки.

На высоте 5 тысяч метров «вертушка» резко падает вниз, замирает дыхание. Скоро колеса касаются ребристой площадки.

В считанные секунды наша группа оказалась на земле, мы не успели обернуться, как «вертушка» уже снова в воздухе. Быстрым шагом спускаемся за сопку — и в почти безопасном месте.

Часто по взлетной полосе стреляют снайперы противника, и поэтому медлить нельзя. К нам бежит старший лейтенант — секретарь комитета ВЛКСМ Александр Солонович. Он говорит, что нужно как можно быстрее подняться в укрытие — ожидается очередной обстрел. Вот мы в расположении полка. Метрах в двадцати от нас разрывается реактивный снаряд, но мы уже в укрытии. Заработала сирена — все в укрытие. А обстрел продолжается.

20 мая. В гарнизоне мы будем три дня. За это время я должен успеть побеседовать с комсомольским активом, побывать на комсомольских собраниях, познакомиться с людьми, с экипажем САУ, который возглавляет сержант А. Богданов. Весь экипаж — члены и кандидаты в члены КПСС.

Лейтенант А. Климонко, секретарь комитета комсомола части. Если поглядеть на Руху с вертолета, она похожа на абстрактную картину. Квадратики разбросанных в беспорядке дувалов и крепостей, редкая «зеленка» растительности, многоводный Панджшер, голубоватой линией пересекающий «полотно» рельефа. Но такая лирика только с высоты. А внизу... Вся земля усеяна осколками, пулями... А фугасов сколько «духи» поставили! 20 августа в прошлом году на одном таком фугасе подорвалась БМП-2. Осколки собирали в радиусе 50 метров...

Однажды мы с капитаном Бейбенко прошли по фугасу... Шли в группе прикрытия и не заметили, как оказались среди саперов. Идем, смотрим по сторонам, как положено. Чтобы вовремя

среагировать, если что. Вдруг слышим: «Товарищ лейтенант! Остановитесь!» Стоим. А парнишка, сапер, говорит: «Вы только что по фугасу прошли...»

Когда фугас подорвали, командир группы даже пошутил: «Вам бы в цирке работать!..»

Из истории Краснознаменной части. ...в феврале 1980 года часть направлена для выполнения интернационального долга в Демократическую Республику Афганистан.

...в январе 1981 года подразделения части выполняют задачи командования в провинции Парван.

...в апреле — июне 1984 года подразделения части принимают участие в боевой операции совместно с подразделениями Народной армии Афганистана по освобождению ущелья Панджшер (провинция Парван) от мятежников.

...после окончания боевой операции в населенном пункте Руха (провинция Парван, центр ущелья Панджшер) организуется пункт постоянной дислокации части. Задачи: не допускать выдвижения групп мятежников, караванов с оружием и боеприпасами из ущелья Панджшер в провинцию...

Из дневника замполита части подполковника В. Долгова. 27 апреля 1988 года. 7.10. Недалеко от клуба разорвалась мина, выпущенная мятежниками. Начало обстрела.

8.05. За час всего душманы выстрелили 16 мин.

10.10. Обстрел продолжается с прежней силой.

10.20. Звонил старший 17-го поста, доложил, что в кишлаке минами экстремистов убит ребенок.

11.10. Тишина. Надолго ли?

Майор Н. Лукьянов. Вообще Руха пользуется «дурной славой». До декабря прошлого года «духи» обстреливали Руху почти ежедневно. Гибли солдаты. Но долг выполняли. Кстати, наша часть воспитала Геров Советского Союза А. Гринчака и В. Шахворостова.

Рядовой Б. Боротов, стрелок. Наше подразделение выполняло задачу на горке, в отрыве от основных сил. Воду, продукты, боеприпасы приходилось поднимать самим. Изредка обстреливали мятежники. 27 апреля, в День революции, обстрел был особенно сильным.

Когда «эрс» летит — его слышно, еще успеваешь укрыться. Хуже, когда мины, — первая падает бесшумно и может быть твоей...

Здесь даже когда спать ложишься — ждешь, что этой ночью обязательно будет обстрел. Но это не страх, а готовность.

Рядовой А. Игнатов, водитель БТР, кавалер ордена Красной Звезды. Только здесь я узнал, что такое настоящая дружба... В десять раз сильнее себя чувствуешь, когда знаешь, что твой товарищ жизнь готов отдать за тебя. И в то же время он уверен в тебе так же, как и ты в нем.

Полевая почта — СССР, Мордовия. 15 мая 1988 года. Здравствуй, Николай! С горячим дружеским приветом к тебе однополчане-саперы. Мы рады, что встретили тебя дома радостно. Конечно, отдыхать приятно, но забыть Руху и эти места так быстро не получится. И, конечно, мысленно ты с нами. А жизнь наша может резко измениться — те 29 километров по Панджшеру, что ты прошел со щупом 87 раз, мы преодолеем теперь в последний раз, и от этого нам немного грустно, ведь на

АЖА

этих километрах свои отметины, это и память нашему командиру капитану Корнею, и Васе Жеребеде, и Геше Бяшмову, и другим нашим. Эту дорогу никто из нас не забудет никогда. В общем, скоро нас должны выводить. Сегодня первый день вывода. К нам уже пришло молодое пополнение. Ребята вроде неплохие, но от нас, конечно, отличаются. Та школа, которую прошли мы, дает очень многое, а у них еще все впереди: и километры, и «подарки-сюрпризы», и награды...

Кстати, рады тебе сообщить, что к твоим наградам прибавилась еще одна — знак «За разминирование». Поздравляем тебя. Вот пока и все. Пиши, ждем ответа. Твои боевые товарищи. Н. п. Руха.

Да, забыли написать. Сегодня «духи» опять обстреляли часть. Положили почти сто мин и полсотни «эрсэсов». Издеваются, гады!

Подполковник В. Долгов. Конечно, командование части знало о предстоящем выводе заблаговременно и сделало все возможное, чтобы избежать потерь. Ведь от мятежников можно было ожидать всего...

Скоро душманы напомнили о себе: сначала 27 апреля, а потом 15 мая. Рассчитывать на то, что мятежники не будут нам мешать, было бы глупо.

Подполковник В. Куманяев. Сразу по получении приказа меня, Виктора Владимировича Долгича, полковника Святослава Николаевича Лиса назначили ответственными за вывод. Выводить войска из Рухи было решено поэтапно: сначала должны были выйти колонны с имуществом, а только потом — боевые подразделения. Для обеспечения вывода была укреплена выносными постами дорога, особое внимание уделили Тавахской петле — наиболее опасному участку. Здесь было решено поставить подразделение разведчиков...

Из донесения разведки. Тавахская вооруженная группировка оппозиции политику национального примирения не поддерживает. На переговоры с местными властями не идет.

Подполковник В. Долгич. Наш командир Виктор Михайлович Барынькин предлагал поставить для укрепления Тавахской петли мотострелковое подразделение подполковника Ушакова. Но было решено поставить подразделение разведчиков.

Из донесения командира мотострелкового подразделения командованию части. 20 мая при постановке на блоки подразделения было обстреляно экстремистами. Прицельным огнем атака была отражена. Экстремисты отступили. Особо отличился замкомвзвода сержант Бабешко Николай Иванович. Его взвод первым вступил

в схватку с неприятелем. Сам сержант Н. И. Бабешко метким огнем подавил четыре огневые точки мятежников. Представлен к ордену Красной Звезды.

Капитан О. Шкурат, командир самоходной артбатареи. Для обеспечения вывода из Рухи три самоходные артиллерийские установки нашей батареи были поставлены у Таваха. И, как оказалось, очень кстати.

На место мы прибыли вовремя и заняли позиции. Были в полной готовности в случае нападения ответить огнем. Ребята были взволнованы — то ли радость, то ли грусть... Скорее и то, и другое. Ведь, с одной стороны, скоро на Родину, с другой — уходим из ставшей дорогой Рухи, оставляем ее. Кому?

Из дневника старшего прапорщика О. Можейко. 19 мая 1988 года в 4.00 отдан приказ вывести часть.

6.00. Мы расположились на дороге, ведущей на Панджшер. Сюда стягиваются подразделения, охраняющие дорогу, по которой недавно прошли первые наши части домой — на Родину.

Час дня. Отдан боевой приказ. Колонна тронулась.

13.45. Мы — возле местечка Гульбахар. Колонна идет пыльной извилистой дорогой, слева горы — можно дотронуться рукой, справа обрыв — бурлящая прохладная река. Внизу лежит наша сгоревшая техника. Ребята, обрачиваясь, как бы отдают последние почести своим товарищам-однопольчанам, погибшим здесь, на этой дороге.

В горах нас прикрывают посты, держа под контролем места возможного появления экстремистов.

20 мая. 4.00. Подразделения сообщили, что готовы сопровождать колонну. Колонна тронулась.

26 мая. 3.30. В небе кружатся «вертушки», они снимают наши заставы с горных вершин. Сегодня мы покидаем этот гарнизон.

5.30. Все основные подразделения ушли.

6.00. Первые взрывы. Обстрел, появились раненые... Уже кружится на запасной площадке «вертушка», и мы провожаем товарищей... В километре от нас в низине — брошенный гарнизон. Мы видим, как по территории расхаживают «духи». Прощай, Руха!

По дороге мы часто останавливаемся и ждем, пока наша артиллерия обстреляет вершины гор, не давая мятежникам опомниться.

7.00. Мы — в Тавахской петле как на ладони. Сверху вниз и снизу вверх узкая дорога — самый опасный участок. Здесь «духи» нас и ждали!.. Все — вниз!

Слышно, как по броне дробно стучат пули. Подполковник С. Лис решил тоже отстреливаться. Я снаряжаю магазины. Он стреляет из АК через бойницу БТРа в то место, откуда только что нас обстреляли «духи». Сверху пришли на помощь: «броня» и артиллерия заставили «духов» замолчать. Мы останавливаемся, прикрывая посты, ребят, уходящих с застав... Опять в путь!

Часто свистят над головой пули, но мы продвигаемся вперед. Километрах в трех от нас — наши. На лице подполковника В. Долгича появилась улыбка — все вышли...

Колонна стала. Молча все сидели на броне, только изредка гремела техника. И на лицах у всех — улыбки: мы почти дома.

Подполковник С. Ушаков, командир мотострелкового подразделения. Вывод прошел без потерь.

А это — главное. Немалая заслуга здесь и наших разведчиков. Они сделали все возможное, чтобы по своим каналам оказать давление на отряды вооруженной оппозиции, шли на переговоры. И добились немало.

В тот день, 26 мая, мое подразделение было далеко от Таваха. И вот, когда «духи» начали массированный обстрел, нам было приказано идти к «петле». Разведчики, стоявшие «на блоках», видимо, растерялись, не знали, куда бить. А мои подчиненные знают эти места хорошо. Как только появились наши БМП, «духи» смолкли.

Из дневника подполковника В. Долгова. 25 мая 1988 года.

13.45. Колонна выходит.

14.10. Проходим «водопад». В последний раз. Не верится даже. Оставляем останки нашей техники — как рыжие чудовища, эти искореженные корпуса...

14.18. Едем по «полке». Это — самое «фугасное» место. Удивительно, что все нормально. Здесь даже БМП проходит так, что гусеница наполовину свисает в пропасть...

14.40. Идем по Тавахской петле.

14.45. Все, кажется, нормально. Прошли.

14.57. Видно Анаву. Сейчас проезжаем место, где накануне подорвался «Урал». Хорошо, что водитель жив остался. Видимо, управляемая мина — «Урал» шел шестнадцатым.

15.03. Прошли Анаву. Обычно перед тем, как здесь идут наши колонны, мирные жители прячутся: боятся, что будет перестрелка между нами и «духами». А сейчас — все спокойно, ребяташки бегают... Мир?

15.15. Остановка. Надо подтянуть «хвост».

15.20. Где-то в середине колонны — три взрыва. Все же мятежники решились напасть...

15.30. Продолжаем движение. Останавливаться, выходит, нельзя.

Старший лейтенант А. Барабанов. Наше подразделение должно было уходить последним. Когда колонны с имуществом проходили на новое место дислокации, мы стояли «на блоках», охраняя от нападения экстремистов участок дороги от Анавы до Рухи. А 26-го утром шли в авангарде боевой колонны. В четыре утра вышли. Потом, проведя первые машины, вернулись в Руху. И тут разведчики, стоявшие на Тавахской петле, запросили о помощи.

Колонну, которая пошла второй, «духи» обстреляли. Ведь Тавах — самый, пожалуй, опасный участок. Вообще, наверное, мы должны были весь вывод стоять на Тавахе. Но после драки кулаками не машут.

Когда мы подошли к спуску на Тавах, сразу о броню ударили пули — мятежники пытались остановить вывод, спровоцировать нас на остановки. Все, кто сидел на броне, потрыгали внутри БМП.

А еще раньше, чувствую, машина резко свернула влево и встала за каменный навес. И вовремя: на том месте, где мы только что стояли, дорогу прошла очередь. Спасибо механику-водителю.

Старший лейтенант Ю. Третьяк, командир разведроты. Задачу по обеспечению вывода войск из Рухи мы получили 19 мая. 20-го уже были на месте — стояли «на блоках». Наше подразделение уходило последним, прикрывая колонну с «рухинцами». Поэтому нам и досталось, считаю, больше всех. Очень хочется сказать о личном

мужестве и отваге моих подчиненных: о старших лейтенантах Павлюке, Яковлеве, рядовых Вовке, Фролове, Алексееве...

Кстати, когда мы ушли, уже в расположении части обратили внимание на то, что наша «бэзмпэшка» побрита — не было антенны, фар. Все «духи» срезают из стрелкового оружия...

Капитан О. Шкурат, командир самоходной артиллерийской батареи. До 26-го числа мы из Анавы прикрывали вывод по координатам. Однако 26-го сложилась такая ситуация, что нам было приказано двигать самоходные установки к Тавахе, на «петлю». Там было недостаточно сил. Инициатива была в руках у мятежников. Поэтому мы и пришли на помощь. Стали прямой наводкой бить по позициям экстремистов — снаряд за снарядом. Мы сделали все, чтобы вывод прошел успешно.

Из донесения командира самоходного арtdивизиона. 26 мая 1988 года, прикрывая вывод части из н. п. Руха, особо отличились солдаты и сержанты вверенной мне батареи: Садыков М. В., Чарьев О. А., Алиев С. Г., Алиев Д. Р., Гуськов С. Н., Косьян Ф. З. Все представлены к наградам.

Подполковник В. Кривошеев, командир части. Сейчас много пишут в прессе: правильно или неправильно девять лет назад было принято решение о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан... Как бы там ни было, мы военные. И задачу, поставленную нашим правительством, выполняли с честью. Конечно, в последнее время и тактика наша изменилась, и задачи. Все это только подтверждает добрые намерения Советского Союза в отношении афганского народа.

Рядовой А. Игнатов, водитель БТР, кавалер ордена Красной Звезды. В Афганистане я полтора года. Столько же и в Рухе. Привык к ежедневным канонадам. Только в последнее время, когда нас перестали обстреливать, отошел... Даже на новом месте, где по сравнению с Рухой — мир, иногда кажется, что ты еще в Рухе. Ждешь обстрела. Вообще кажется, что здесь кругом Руха...

Полевая почта — СССР, Свердловск. 31 мая 1988 года. Здравствуй, дорогая мамочка! Нашу часть перевели на новое место. В общем, здесь хорошо, на старом, конечно, тоже было неплохо, но здесь лучше. Хотя бы потому, что здесь наш последний пункт постоянной дислокации на пути в Россию.

Знаешь, очень хочется домой: вроде бы и камни здесь такие же серые, и солнце такое же желтое, и вода такая же прозрачная, как дома, а все равно какая-то чужая земля, хотя она и стала для нас такой дорогой...

Сейчас понемногу обживаемся на новом месте. Здесь спокойно, только по ночам небо изредка прорезают светящиеся следы осветительных ракет. Скоро сюда придут молодые солдаты. Они, наверное, будут последними, кто узнает, что такое «Афган».

Ну, ладно, заканчиваю письмо, уже стемнело, здесь вообще быстро темнеет. До свидания. Крепко целую тебя, дорогая мама. Алеша.

Подготовил
Сергей ЖИЛЬЦОВ,

Гонорар за эту публикацию по просьбе автора направлен в Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

В тот день Махаз упал со смоковницы. Наш немолодой сосед по-детски неистребимой страстью любил сладчайшие плоды этого восточного дерева. Казалось, из сладости инжира он извлекал воспоминания о давних чарах любви, о каком-то дивном сладострастии.

Махаз был неграмотным и Библию знал лишь из рассказов своей жены. К библейским сказаниям у него было свое отношение. Например, что Адам и Ева прикрывались именно фиговыми листьями, Махаз считал вполне закономерным, как и то, что первоуродный грех мог быть связан лишь со смоковницей.

Если бы Махаз знал картины великих мастеров Возрождения, изобразивших сцену искушения запретным плодом, он легко уличил бы их в неправдоподобности. На этих полотнах Ева вкушает яблоко. Но кого можно соблазнить яблоком! Трудно поверить, что первая женщина могла польститься на яблоко!.. Плод, которым злодей искушал Еву, мог быть только смоковницей, только инжиром.

Сами посудите, зачем было Адаму и Еве прикрываться фиговым листом, если грех был совершен под яблоней? А раз вы прикрывались фиговым листом, значит, и грех был совершен вами под фиговым деревом, под смоковницей. Вот почему мужские доспехи Адама и очаровательное лоно Евы были укрыты листьями смоковницы. Сам вкус этих плодов столь обольстителен, что сравним лишь со сладостью любовного томления.

Получается любопытная вещь. Сначала был познан грех. Затем познание греха вызвало стыд. То есть плод дерева возбудил грех, а лист этого же дерева участвовал в раскаянии, которое и сейчас чувствуют многие люди после того, как совершат грех. Вот насколько сильной оказалась преемственность человеческих ощущений.

Словом, Махаз упал со смоковницы, а это не только в нашем селе Абра, но и во всей Абхазии считается последним делом. Пристрастие к инжиру расценивается как свидетельство постыдной слабости. А Махаз очень любил инжир с самого малолетства.

Кстати, любовь детей к инжиру непредсудима. Но Махаз пронес эту неистовую любовь сквозь молодость и зрелость. А там уже — чем меньше ему приходилось потреблять любовной сладости, тем яростней становилась его страсть к сочным и до липкости сладким плодам инжира.

ропливо набрать больше сахара, чем летние скороспелки. Плоды позднего инжира не столь крупны и гораздо темней. А вот турецкий инжир, так тот и вовсе виснет меж шершавых листьев сизыми каплями. Своеобразный Бахчисарайский фонтан искушений.

Снимать шкурку с турецкого инжира — хлопотное дело. И все-таки Махаз своими уже по-старчески не гнущимися пальцами раздвигал плоды донага, поедая их со стоном и в постыдной для старика ненасыщаемости поднимался на все более высокие ветви. И уже там, на самой верхушке дерева, как на своеобразном гребне обжорства, он не просто сумел насытиться, а как бы вошел в состояние наркотического блаженства. Потеряв равновесие, он сорвался со смоковницы и даже сбил своими ребрами несколько не очень больших веток этого рыхлого и легко обламывающегося дерева.

В одно время в окрестных лесах скрывались два брата-абреки. Они убили человека, оскорбившего честь их семьи. Но, пристрелив обидчика, не вышли из леса, как это обычно делают абреки. И вовсе не потому, что могли ждать ответного террора от родственников убитого. Это почти не волновало их отчаянные головы. Просто они решили поубивать всех, кто когда-либо оскорблял их близких родственников в пределах пяти поколений, то есть со времен русско-турецкой войны. Они решили раз и навсегда выяснить отношения со всеми обидчиками, чтоб больше не возвращаться к этим делам.

Кроме того, оставив иных обидчиков рода нетронутыми, они были бы несправедливы к уже убитым обидчикам. Получается, что одним можно оскорблять, а другим нет. Или за близкого родственника отомстил, а за чуть более дальнего, которого твой дед любил сильнее, чем брата, — не отомстил. Значит, пускай он лежит в сырой земле неотмщенный? Как будто не осталось у них в роду достойных потомков...

И вот сидят крестьяне нашего села Абра в табачном сарае, усталом душистым папоротником, и нжут табак. И на вопрос одного крестьянина, где сейчас находятся братья-абреки, Лагустан иронично заметил: «Где им еще быть, сидят, видимо, под Инжиром Назира!»

Хромоногий ехидна и горлопан позволил себе этой фразой слишком многое. Прежде всего он предавал гласности, что братья-абреки часто укрываются в доме моего деда Назира. Этим самым он выдавал и местонахождение абреков, и личность их укрывателя.

Говорят даже, будто жена одного абрека — впоследствии революционера, — пикируя на грядки плантации табачную рассаду, делала лунки в земле не обычной клюковатой палкой, а дулом сверкающего револьвера образца 1905 года.

Хромоногий Лагустан шел к себе домой, выстригивая жене веретено из сухой ветки кизилового дерева. Правая его нога была короче, и, подобно всем людям, у которых правая опорная нога короче левой, он шел, создавая впечатление особой уверенности, четко, как посох, вбивая свою короткую ногу.

Однако уверенность походки хромого Лагустана — это все-таки обман зрения. Зато неожиданное появление на Лагустановом пути оскорбленных братьев-разбойников — это уже зловещий знак судьбы. Они подъехали к очумевшему Лагустану с правой и с левой сторон, как бы до гробовой тесноты сузив ему пространство.

— Значит, по-твоему, мы пасемся под инжиром Назира? — спросил один из братьев, очевидно, старший, ибо во всех ситуациях разговор должен начинать старший. В таком деле тем более.

Хотя братья и не были близнецами, различить их было трудно, причем не только Лагустану. Такое количество оружия — пулеметные ленты, газыри, гранаты, кинжалы, винтовки — отбивало охоту разбираться в таких мелочах, как черты лица. У Лагустана выпали из рук и веретено, и ножичек.

— Иди вперед! — скомандовали Лагустану, и он, при каждом шаге рискуя упасть в сторону короткой ноги, зашкандылял к усадьбе Назира.

Через полчаса Назир привел к инжиру еще двух крестьян, в присутствии которых в табачном сарае Лагустан сказал роковые слова.

Смоковница, о которой шла речь, стояла в низине, под усадьбой Назира, на заболоченной опушке леса. Здесь, в большой луже, буйволы принимали свои грязевые ванны.

Смоковница отстояла далеко от усадьбы Назира, но поскольку у нас прилегающие угоды также считаются принадлежностью близлежащей усадьбы, то и дерево по праву называлось Смоковницей Назира и даже дало название этому местечку. Так что, если кто из крестьян спрашивал у другого, к примеру, не видел ли тот его буйволицу, сосед мог ответить, что видел ее в луже у Смоковницы Назира.

— Залезай на смоковницу, — скомандовал старший абрек, и у одного из крестьян мелькнула мысль, что Лагустана хотят убить в воздухе, вроде как птицу на лету. Другому, более пессимистически настроенному

Денис ЧАЧХАЛИА

СМОКОВНИЦА

Представители местного дворянства, которых мы успели застать живыми, умели воздерживаться от плодов смоковницы, высокомерно считая это делом плебса. Но и наше гордое абхазское крестьянство умело порой показать настоящие образцы воздержания. Однако удавалось это не всем. И те, кому это было не под силу, давали волю своей слабости лишь тайне от других.

В Абхазии растут как летние, так и поздние сорта инжира. Потому начало лета Махаз называл про себя любовно и ласково — Маленький Инжирчик, а осень — Большой Инжирчик.

Плоды ранних сортов более крупные и более светлые, хотя и не столь сладкие. Созревая, их мордашки растрескиваются, теряя девственную цельность, и расплываются в багровой улыбке любовного прилива.

Но вот наступает долгожданная для Махаза пора Большого Инжирчика. Осенние сорта успевают нето-

Кроме того, получалось, будто хозяин дома не предавал своей крыши гостям, тем более абрекам, укрыть которых считается долгом чести любого джигита.

В довершение всего упоминание смоковницы в устах ехидны Лагустана намекало на то, что братья-абреки вели голодный образ жизни и были вынуждены прибегать к сомнительным услугам этого порочного дерева, что в равной степени оскорбляло и отчаянных мстителей, и хлебосольство их укрывателя.

Слова Лагустана дошли до лесных братьев, вооруженных по последнему слову военной техники тех лет. Дело в том, что в 1905 году, подготавливая массы к будущей вооруженной борьбе, Серго Орджоникидзе и его соратники выгрузили на наш берег много оружия и боеприпасов. Поскольку большевиков у нас тогда было мало, а оружия оказалось очень много, то местные абреки ходили обвешанные гранатами, как елочными игрушками.

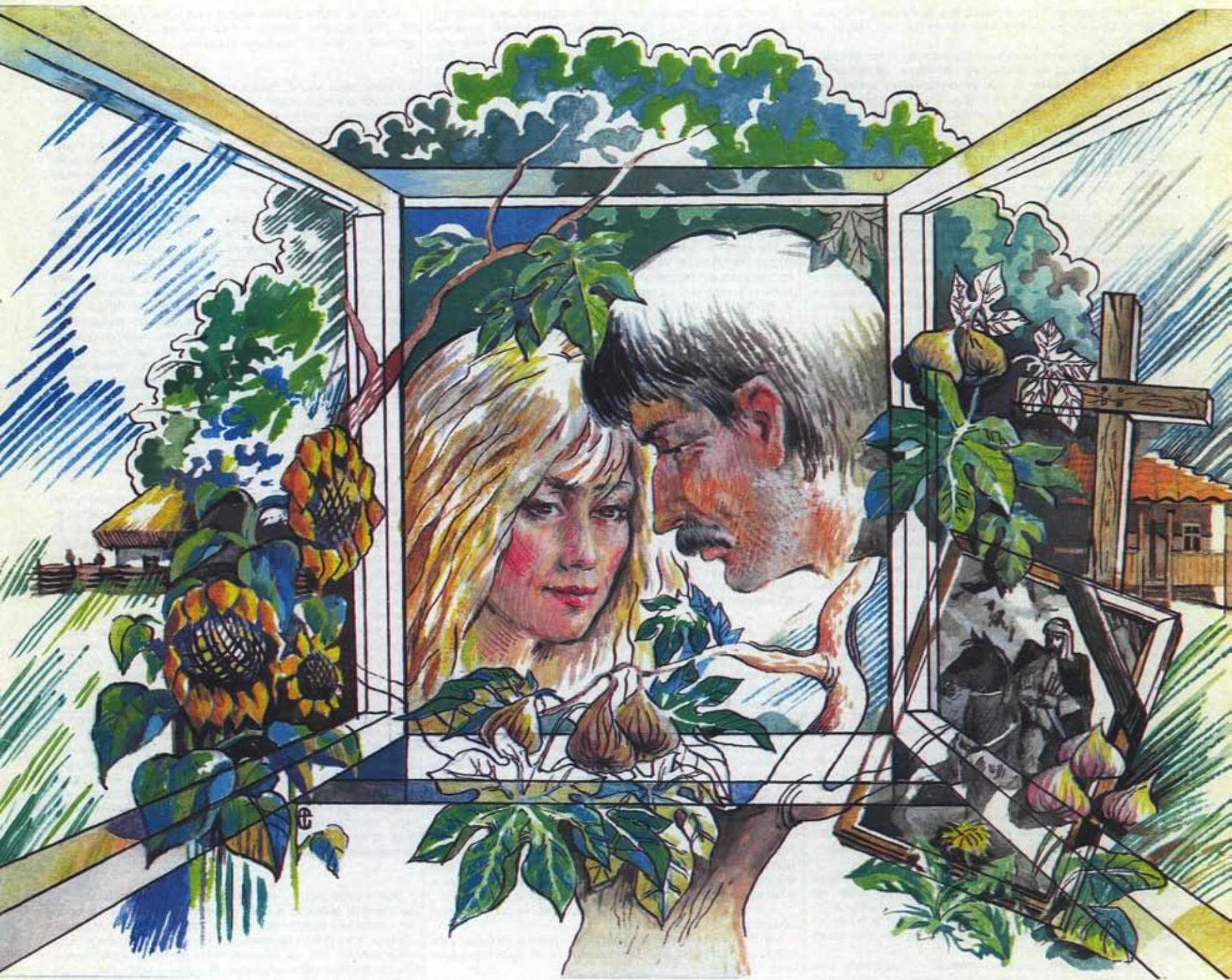
свидетелю показалось, что предстоит иезуитский вид казни, когда подстреленный на смоковнице Лагустан если не умрет от пули абрека, то наверняка помрет от удара о землю.

— Сорви шесть листов да покрупнее! — услышал Лагустан команду обвешанного гранатами абрека.

— Хорошо-хорошо... — безумной скороговоркой шептал Лагустан и срывал шершавые листья инжира. Но посчитать сейчас до шести он был не в состоянии. Между тем число шесть было заветным для абрека. Но шло это не от какого-либо суеверия или религиозного предрассудка. Предрассудков у абреков не бывает. Им некогда лукавить. Просто завезенные в наши края револьверы были шестизарядными. И мозги абреков повторяли емкость револьверного барабана.

— Лезь в болото, — было скомандовано Лагустану, когда он сполз со смоковницы с небольшой стопкой темно-зеленых и шершавых листьев.

Лагустан, сильнее обычного прихрамывая, как бы

делая последние шаги по твердой земле, по пояс вошел в болотную жижу, совершенно не смутив лагерное спокойствие буйволов. Эти мощные животные лежали с привычно задранными над поверхностью болота иссиня-черными мордами и с неведомой нам буддийской тщательностью и размеренностью жевали свою бесконечную жвачку.

Казалось, именно сейчас произойдет самое ужасное: абреки разрядят в Лагустана свои револьверы, и он, упав в болото, захлебнется теплой жижей. Однако даже очень оскорбленный абрек не посмеет убить калеку, хотя это не исключало другие виды расправы. А вообще предугадать, что собираются делать абреки, тоже дело не из легких.

— Давай жуй листья, — приказал старший абрек, и Лагустан, словно только и ждал разрешения, начал есть листья инжира.

Шершавые листья инжира столь грубы и несочны, что есть их почти невозможно. Для этого надо иметь буйволиные челюсти. Сами животные продолжали есть свою жвачку, словно подсказывая Лагустану, как это надо делать. А Лагустан, сворачивая листья инжира в трубку и плохо прожевывая, преждевременно проглатывал жесткие, как наждачная бумага, фиговые листья, раздирая себе глотку. К концу самоубийственной трапезы у Лагустана невыносимо болели желваки, и он не мог двигать челюстями...

Этот рассказ еще в детстве я слышал от Шугяна, троюродного брата моего деда Назира. Именно с тех пор мне и запомнилось, что смоковница — это то дерево, плоды которого любят все взрослые, но они готовы жестоко наказать любого, кто посмеет уличить их в этой любви.

Так вот, старик Махаз сверзился со смоковницы и потерял сознание. Но казалось, края его губ, воспаленных жгучей сладостью инжира, еще хранят воспоминание о прерванном прелюбодеянии. Через некоторое время сознание стало возвращаться к Махазу, и первое, что он увидел, это был расплывчатый образ любимого дерева, что было хотя и призрачным, но убедительным признаком реальной жизни.

«Я вижу смоковницу, значит, я существую!» — мог бы сказать Махаз, если был бы философом. Выразить он этого не мог, но чувствовать чувствовал.

Увидев над собой темно-зеленый шатер любимой смоковницы, Махаз застонал. То ли от того, что ощущал боль сломанных ребер, то ли осознал, что перед ним стоит смоковница, его тайная любовница, на которую он, возможно, никогда уже не залезет... А она склонялась над ним, еще полная жизненных сил, дразнила капельками инжира, как любимая наложница дразнит обессилевшего султана родинками, разбросанными на прелестном теле в каком-то космическом и невычислимом хаосе.

Первой услышала стон Махаза его жена Нюра, кубанская казачка, которую он привез в Абхазию с фронта.

Они тогда сразу ушли в огород, подалее от любопытных глаз. Нюра залезла на смоковницу и кидала оттуда своему освободителю плоды инжира. И тем, что озорно кидала в него инжир, и тем, что как-то очень зазывно смеялась, и тем, что все выше и выше поднималась по смоковнице, — она дразнила Махаза. Солдат скоро сообразил, что ему надо взять

эту «высоту». Он с быстротой рыси оказался на дереве, и смех ее захлебнулся в солдатском поцелуе.

Не переставая обнимать и целовать возлюбленную, Махаз стаскивал ее все ниже и ниже, пока не прислонил в конце к одному из сильных и разлапистых ответвлений. В любовной увлеченности они даже не могли или не хотели понять, почему становилось все светлей и светлей, откуда это ощущение медленного и захватывающего падения. Лишь когда обломившаяся ветвь инжира вместе с ними глухо коснулась земли, Махаз и Нюра поняли, что произошло. Но любви они не прерывали, напротив — ощущение земли под собой прибавило им ярости.

Продолжая лежать среди листвы обломившейся смоковницы, Нюра, склонившись над солдатом, кормила его инжиром из своих уст. Они вместе раскусывали плод и ели его, не отрывая губ друг от друга, сливаясь устами и сладкой мякотью раздавленного инжира.

— Отвернись, дай мне поправиться, — сказала Нюра, прикрываясь веткой инжира, и Махаз заметил на ее розовом бедре подробные отпечатки фиговых листьев.

Никаких орденов и медалей Махаз с фронта не привез. Дрался он как все, но не был убит. Хотя, как многие, был ранен. Судьба хранила его в боях от смерти, а в конце подарила ему Нюру. Это было лучше всех наград. Эти две награды — Жизнь и Нюра — слились в одну большую награду.

— Махаз, неужели ты не мог на войне попросить

у кого-нибудь орден? — потешались досужие односельчане. — Другие их десятками привезли, на груди не умещаются!

— После нашего главного сражения, — не уставал объяснять Махаз, — командир объявил оставшимся в живых благодарность. Затем он крикнул: «Рядовой Махаз Палба!» Я вышел из строя. Он подводит ко мне Нюру и говорит: «Это твоя медаль за отвагу. Носи ее на здоровье, солдат!»

Махаз действительно так и называл Нюру — Награда. Дело в том, что по нашим обычаям звать жену по имени считается непристойным. Жену зовут другим именем либо говорят о ней в третьем лице, не упоминая имени вовсе. Вот и Махаз звал свою жену Нюру Наградой. И долгое время односельчане, не знавшие русского языка, думали, что это какое-то русское имя. Причем оно им казалось красивым и содержательным, что, в общем, было не так уж далеко от истины.

— О, бара (эй, ты), Награда! — кричал он с пашни, — принеси мне кислое молоко или я умру от жажды!

Она несла ему разбавленное кислое молоко в кувшине и улыбалась, зная, что Махаз не только жаждой томится. Знала, что не отпустит ее просто так. Она также улыбалась, возвращаясь с пашни, отряхивая платье, заново повязывая на голове сбившуюся косынку.

Лузгая семечки подсолнуха на открытой веранде каштанового абхазского дома, Нюра вдруг услышала стоны со стороны кукурузника и кинулась туда, стараясь сообразить по дороге, что там могло случиться. Увидев распластанного под смоковницей мужа, она поняла, что он стал жертвой своего инжирового безумства. Браня его, она поволокла мужа сквозь кукурузные стебли к дому.

Детей у Махаза и Нюры не было. Нюра оказалась бесплодной. Но Махаз любил ее и бросать не собирался, хотя советчиков жениться на другой было достаточно. Много лет спустя Махаз выпросил у одного своего многодетного родственника сына на воспитание. Таким образом, Сафер стал единственной надеждой Махаза, что в этой усадьбе не заглохнет жизнь и огонь в очаге будет поддерживаться.

Внешне все выглядело вроде хорошо: парень жил у них, учился, помогал по хозяйству. Но душой все-таки тянулся в свою семью, в свой отдаленный от школы и дороги многолюдный родительский дом.

Едва придя в сознание и почувствовав, что может говорить, Махаз позвал вернувшегося из школы Сафера и поручил ему:

— Скажи Награде, пусть говорит людям, что я с коня упал. Она русская, может что-нибудь не то сказать.

Нюра не раз предупреждала Махаза, что в его возрасте куда безопасней сидеть на веранде и есть семечки, чем лазить на смоковницу. Казачка никак не могла взять в толк, что абхазец, даже не в очень здравом уме, лузгать семечки не станет.

Махаз первое время старался запретить ей есть семечки, тем более на веранде, где ее могли увидеть прохожие мимо ворот соседа.

— Ты не на завалинке сидишь у хаты, а на абарце абхазского дома, — стыдил ее Махаз. При этом он в очередной раз напомнил ей, что этот каштановый дом построил его дед Хазарат, надеясь, что хотя бы уважение к далекому предку своего мужа остановит ее.

— Убьешься же, дурень старый, — говорила она с немислимой для наших мест непочтительностью к мужу. И Махаз великодушно прощал ей этот грубоватый кубанский стиль и удалялся в сторону смоковницы.

— Тетя Награда, — кричали то и дело у ее ворот соседские дети, — угостите, пожалуйста, семечками. Нюра очень любила семечки, которые целыми мешками присылали ей с Кубани. Она научила лузгать семечки всех окрестных детей, и они постоянно попрошайничали у ее ворот.

Уже несколько дней он лежал в постели, и ему не становилось лучше. Слухам о том, что он якобы упал с коня, почти никто не верил, хотя и делали вид, что верят. У Махаза, правда, был конь, но он давно на нем не ездил. Этого полуодичавшего мустанга было почти невозможно поймать. Между тем смоковница-обольстительница смущенно стояла на хорошо обозреваемом склоне позади каштанового дома и как бы сама признавалась, что это она погубила престарелого сластолюбца своими чарами.

Он умирал в муках на исходе Большого Инжирчика. Поговаривали, что у Махаза серьезно поврежден позвоночник. Родственникам, заполнившим дом умирающего, каждый день казался последним для больного. В полночь, когда уже почти не было посторонних, прибывшая к умирающему брату старшая сестра Махаза послала соседского парня к смоковнице. Расторопный парень с копилкой в руке вернулся вскоре с полной миской сизого инжира. Миску с плодами инжира поставили у изголовья больного.

Сестра Махаза, за свою жизнь проводившая на тот свет не одного покойника, имела в этом деле незавидный опыт и делала все четко и уверенно. Это спасительно облегчало растерянное бездействие менее опытных родственников.

Она раздавила своими уже по-старчески узловатыми пальцами плод смоковницы и сладкой мякотью смазала Махазу губы. Ей дали вымыть руки над медным тазом. Очевидцы утверждали, что как только Махазу смазали губы инжиром, он слизнул эту сладость и даже улыбнулся. Затем, по ее же знаку, ей передали белье, в которое должны были облачить Махаза после его никак не наступавшей смерти.

Сестра Махаза взяла в руки белье и стала у ног умирающего.

— Махаз, — обратилась она к нему, совершенно уверенная, что он ее услышит и повинется. — Послушай, Махаз... тебе пора в дорогу. Видишь, я приготовила одежду. Тебя ждут там отец и мать. Не заставляй их ждать себя. Скажи им, что у нас все хорошо и что я тоже скоро к вам приду...

Несколько женщин не выдержали и всхлипли. Вдруг умирающий широко открыл глаза, вроде окинул последним взглядом этот мир. При этом Махаз сделал попытку поднять голову, содрогнулся несколько раз и остался с открытыми глазами. Тяжело и шумно вздымавшаяся грудь Махаза вдруг застыла во вздыбленном положении, затаилась и потихоньку, бесшумно стала испускать дух.

— Свечку, — шепнула сестра Махаза. Нюра протянула ей свечку, горевшую на столике у изголовья.

— Выйди отсюда, — сказала сестра Махаза своей невестке, и Нюра, завывая, вышла на веранду, где к ней присоединилась еще пара едва сдерживаемых женских завываний.

Сестра Махаза при помощи двух соседок прибрала брата: закрыла веки, сложила руки на груди и вложила в них горящую свечу. Мужчины держали ноги отходящего. Все смотрели на медленно опускавшуюся грудь Махаза, выдыхавшую последние остатки жизни. И вдруг из беззвучно открытого рта покойника, как бы не желая того, вышла бледно-голубая газовая струйка и, едва поднявшись над остывшими губами, улетучилась. Все обомлели и единым шепотом, как «аминь», произнесли: «Душа!»

Проститься с Махазом собралось немало народу. Как это обычно бывает в наших краях, даже самый отдаленный односельчанин хоть один раз обязательно придет проститься с покойником.

Нюра, как жене покойника, не полагалось при людях ни плакать, ни причитать. Однако Нюра никак не умела и не желала приновиться к нашим порядкам. Ее за это вроде никто и не осуждал, хотя считали, что человек, не соблюдающий наших обычаев, как бы сам себя уродует.

Овдовевшая казачка всю голосила, порой даже перекрывая горестные причитания сестры Махаза и других близких родственников.

— Что ты наделал! Что ты наделал! — по-русски повторял голос Нюры на фоне высокопрофессиональной панихидной мессы местных плакальщиц, и это выглядело как краткое славянское резюме сложных абхазских причитаний.

— Что ты наделал! Что ты наделал! — до отупения повторяла бедная Нюра.

Ее безысходная и отчаявшаяся мысль билась, как воробей о стекло, не умея вылететь на простор здравого смысла.

Прощание с покойником вступало в завершающую стадию, и это слегка всколыхнуло весь народ, скопившийся в предусмотрительно широком абхазском дворе. Близкие прощались с Махазом, говорили ему добрые, сердечные слова.

Соседский мальчик держал перед собой портрет покойного, на котором Махаз был запечатлен верхом на коне. Это увеличенное изображение Махаза, помимо своего траурно-ритуального назначения, должно было, наверно, подтверждать, что Махаз все-таки упал не со смоковницы, а с коня.

Махаз красиво смотрелся на этой фотографии, и хотелось, чтоб оставили в покое эту смоковницу и всем присутствующим народом утвердили версию о джигитской гибели Махаза.

Его похоронили в его же усадьбе. По нашим понятиям умерший член семьи, похороненный в пределах усадьбы, вроде и не умер, вроде находится рядом и всегда, почти наравне с живущими, может пользоваться всем, чем пользовался при жизни.

Со временем в усадьбе может накопиться такое количество могил, что сам дом в перенаселенной могилами усадьбе становится похож на маленькую контору большого кладбищенского хозяйства.

Могила Махаза на родовом кладбище была самой близкой к воротам, выходила к проулку и была видна прохожим. В изголовье стояла фотография Махаза, сидящего на коне и улыбающегося. На самом холмике лежали три плода инжира. Очевидно, их положила предусмотрительная сестра покойного. Ведь бесполезно отучать брата после смерти от того, от чего не могли отучить при жизни.

Словом, фотография Махаза на коне и плоды инжира показывали возможность сосуществования двух версий о гибели хозяина усадьбы.

Похоронив мужа, Нюра стала понимать, что смысл ее пребывания в наших краях исчерпан. Приемный сын еще сильнее потянулся к своим родителям, хотя старался не подавать вида.

— Не томись, Сафер, — сказала она ему после сороковин. — Ступай к своим. Видать, не судьба этому дому быть при хозяине. А я дождусь годовщины и тоже уеду к своим. Мужа я оплакала, но меня оплакивать здесь будет некому.

Нюра понимала, что Сафер не может уйти, оставив ее одну в доме. А ее отъезд на Кубань и Сафера освободит, и родственники дадут возможность распорядиться хозяйством по своему усмотрению.

— Только прошу тебя, Сафер, — сказала она ему напоследок, — не дай усадьбе одичать. Может, еще вернешься в этот дом, когда женишься. Ведь тебе надо будет когда-нибудь отделиться от родителей. Там и без тебя много народу. А здесь, что ни говори, и хозяйство налаженное, и дом для тебя не чужой.

Сафер не ожидал такого откровения, такой милосердной мудрости, хотя добродушной Нюра была всегда. Они поплакались на прощание, и Сафер ушел к своим. Время от времени навещаясь к Нюре, он охотно, по-хозяйски выполнял мужские работы. Она же с грустной улыбкой, с щемящей тоской несостоявшейся матери смотрела, как ее воспитанник благодарно отработывал ей за ее труды, а главное — за освобождение.

Зимовать в пустом доме было особенно тяжело. Но Нюра вынесла одинокую зиму, как никогда холодную, дождалась весны и в последний раз принялась за огородные дела. В этой старой абхазской усадьбе у Нюры был свой украинский уголок. Она и входила в него, напевая украинские песни. Некоторые из этих песен окрестная детвора уже давно знала и пела, лузгая кубанские семечки.

Нюра входила в свой украинский огородик, как в божицу. Все здесь радовало глаз, тешило душу. Круглолицые подсолнухи, как аллегорические символы кубанского солнца, покачивались в ее огороде среди изобилия малиновых кустов, крыжовника, смородины и других диковинных для абхазского села ягод.

Взрослые односельчане видели в огороде Нюры лишь экзотику, лишнюю практической пользы, ибо ничего из ее огорода не входило в консервативный рацион местных жителей. Зато детвора с ее демократической восприимчивостью очень скоро поняла толк в этих сказочных и драгоценно светящихся ягодах. На огороде тети Награды они смотрели, как на неистребимую сокровищницу, и изредка совершали несмелые и не очень разорительные налеты на эту украинскую автонию в просторной усадьбе Махаза.

Все в селе знали, что Нюра уезжает после годовщины смерти Махаза, и было понятно, что не на второй же день. И вдруг, проезжая мимо могилы Махаза, вернее, уже почти проехав ее, Шугяна спохватился. Ему показалось, что на могиле есть какие-то изменения. Он развернул свою упрямую лошадь и подъехал к самой изгороди. На столике у изголовья могилы стоял самшитовый венок с вплетенными в него цветами из украинского огорода Нюры. Застекленный портрет Махаза стоял теперь внутри самого венка, на шелковой ленточке которого было написано: «Дорогому другу от Награды».

Шугяна чуть не прошибла слеза. Стало жаль, что Нюра уехала. Она была доброй и умной. В прощальной надписи на венке она не назвала мужа по имени и даже вместо своего имени поставила супружеский псевдоним — Награда. Это была ее последняя дань нашим несложным привычкам.

Вскоре все село облетела весть, что Нюра уехала. Она исчезла. Не попрощалась. И это было понятно всем... Здесь стыдятся говорить о своих чувствах. Здесь ценят сами чувства... И Нюра была своим человеком.

С тех пор детвора нашего поселка уже не лузгала семечек, зато вечерами, бывало, сквозь сумерки, стучающиеся над абхазским селом, вдруг затянет какой-нибудь детский голос украинскую песню — непонятную и близкую... словно тоскливое воспоминание о Нюре, гнездышко которой оказалось здесь недолговечным.

Там, где нет материнства, там все непрочно. Боже, и до чего же прочувствованно поет эта девочка на вечернем холме:

*Ридна мати моя,
Ты ночей недоспала...*

И тут вторым голосом вплетается ласково голос мальчика, словно обнимает сестрицу:

*И водила мэнэ
У поля в край села...*

Это были голоса детей, которых судьба так и не послала Нюре.

БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА

Валентин ГОЛИНЕНКО,

электрослесарь,
п. Первомайский,
Восточно-Казахстанская обл.

Прохладное, как яблоко в росе,
Тяжелое, как яблоко в ладони,
Катилось солнце по речной косе,—
Его губами пробовали кони.
Я снова здесь — и снова я о том,
Что чистый воздух густ и

неподвижен,
Что в этом чистом воздухе густом —
Прислушайся — черемух

шелест слышен.
Безветренно, а листья шелестят,
Черемуха склоняется напиться.
И не похож на прежние закаты —
И тоже никогда не повторится.
У, как хотелось миг преодолеть!
Остановить, переупрямить в муке,
Чтобы в себе, как есть, запечатлеть
Все эти краски, запахи и звуки,
Чтобы суметь когда-нибудь,
Когда

Застигнет час, который неминуем,
Пускай на миг, а все ж прияти

сюда —
Черемухи коснуться поцелуем,
Чтоб ясное, как яблоко в росе,
Прохладное, как яблоко в ладони,
Катилось солнце по речной косе,
Его губами пробовали кони.

Виктор ЧЕРКАСОВ,

инвалид по зрению,
Махачкала

Я ткач! По моему веленью
Снует без усталости челнок.
Так мечется, ища спасенья,
В ловушку загнанный зверек.
И сам сейчас я весь в движенье
Осуществившейся мечты.

Я как порыв, как вдохновенье,
Нет ничего от суеты.

Да! И слепой работать может
Так, чтоб добиться похвалы.
Моя ковровая дорожка
Цветами ляжет на полы.

Лариса ХОХЛОВА,

(литературная студия «Поиск»),
педагог, Москва

Вот он, вспомогательный приют.
Здесь синицы зернышки клюют.
От щедрот державного добра
Кормится в приюте детвора.

У детишек бывшие отцы —
Спившиеся в стельку подлецы,
Матери, чья верная цена —
Полглотка прокисшего вина.

В самогонной сваре кутежей
Зачинали этих малышей.
В алкогольном слипшемся чаду
Зарождали черную беду.

И плодится, слабая умом,
Ребятня с наследственным
клеямом,
Вырожденья мутные черты
Чистыми слезами залиты.

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Александр БРИГИНЕЦ,

военнослужащий,
Киев

С моих мечтаний сброшены оковы
мечтаний о хлебе насущном,
мечтаний о мире мирном —
об этом за меня мечтал отец.
Он сделал все,
чтобы я мечтал о другом,
и я благодарен ему,
что наши мечты такие разные,
что я могу своей фантазией
врезаться в такие дебри,
что отцу даже не по себе
от размаха преобразований,
которые я уготовил
мирному
и накормленному миру.

Игорь ЗАМАНСКИЙ,

научный сотрудник, Москва

Багрянцем темный пруд покрыт,
Скамейки на дорожках сада,
И паутиную прошивает
Кустарник после листопада.

И даже долгий мелкий дождь
Мне не несет сегодня скуку.
Я соберу все капли в гроздь,
Лишь протяни за ними руку...

Ольга ВОЛОВИЧ,

инженер, Харьков

АЛЕНУШКА

А ведь это я — Алenuшка
У ручья сижу одна,
В небе ласковое солнышко
И густая тишина.
Просто девочка Алена я,
В эти вросшая края,
Это я — трава зеленая,
И ручей прозрачный я.
Я светла, как птица певчая,
И тиха моя печаль,
И сижу на камне вечно я,
В голубую глядя даль.

Сергей ЛЬДОВ,

студент, г. Химки

К ИСХОДУ ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Когда город, слегка озябший,
натягивает под подбородок
легкое одеяло тумана,
когда одноножки-фонари

из последних сил
всматриваются широко

раздвинутыми глазами
в негритянское лицо асфальта,
когда в узких трубках неоновых

реклам
становится слышна озабоченность
заточенного шмеля-невидимки,
когда струи фонтанов вдвинуты

в стальные ножны, в ожидании
звонкого сражения с огнедышащим

дном,
когда одинокая, отоспавшаяся
за день лягушка

шлепает всем телом по дороге,
беззвучно аплодируя концерту

тишины,
я тогда знаю уже наверняка,
что все звуки дня

природа отнюдь не смахнула
безвозвратно
густой черной кисточкой,
а лишь опрометчиво припрятала

на ночь
в сейф моего сердца, не подозревая,
что я растрянжирую их на стихи.

Виталий ЛУКЪЯНЕЦ,

художник,
Москва

В море желтого, зрелого хлеба,
Среди струй восковых колосков —
Голубые огни, голубые как небо —
Призывные глаза васильков...

Гаснут звезд золотых фонари.
В переливах алмазных роса.
Наполняются светом зари
Облаков и небес паруса...

Ольга РОГАЧЕВА,

педагог, Баку

НАЧАЛО

Мой путь лежит к моим строкам.
Я это поняла не сразу
И долго не была строга
К различью сущности и фразы,

И трудно верила себе,
И не прощала неудачи...
Но благодарна я судьбе,
Что было так, а не иначе?..

Юрий ГЛУШКОВ,

инженер, г. Ново-Сокольники

Бежала пыльная дорога
Зеленой рощей, вдоль села.
Спускалась медленно с отрога
И снова круто вверх брала.

Шумела звонкими ручьями
Весенней теплою порой,
Встречала осень под дождями,
Под снегом пряталась зимой.

Но вдруг вокруг зарокотало:
Пришли бульдозеры, катки...
И вмиг проселочной не стало:
Шоссе проходит у реки.

Прямая, гладкая бетонка:
Единый твердый монолит.
Легко бежит по ней трехтонка,
Вернее, птицею летит.

Как будто все идет, как надо,
А сердце все-таки щемит,
Поскольку эта автострада
На той, проселочной, лежит!

Леонид РАХМАН,

инженер, Москва

ПОЛЕ

«Со времен войны у нас сохранилось
еще немало минных полей, и не пре-
кращается работа по их разминирова-
нию...»

(Из радиопередачи).

Я смотрю на это поле с болью...
Помолчу. Здесь ни к чему слова.
Сорок лет непаханное поле,
Сорок лет не кошена трава.

Сколько тут опасного металла?
Не о том ли, поле, ты грустишь,
Что давно нога здесь не ступала,
Что давно — кладбищенская тишь?

Здесь застыло все с того момента,
Как последний прозвучал раскат...
Тянется ограда черной лентой,
Похоронкой — на щите плакат.

Мне твоя запущенность — укором,
Но скажу я, полюшко, скорбя:
— Видно, дел немало у саперов,
Подойдет черед и до тебя.

Я смотрю на это поле с болью...
Помолчу. Здесь ни к чему слова.
Сорок лет непаханное поле,
Сорок лет не кошена трава.

Михаил КАЗАКОВ,
Юрий РАГОЗИН

Кесня Тины Тернер, давно знакомая, действовала безотказно, настраивая на лирический лад. Блики света скользили по телам изящных танцовщиц, вся «одежда» которых состояла из узеньких ленточек вокруг бедер. Мы сидели

в популярном ночном баре Будапешта, и наши венгерские друзья расспрашивали нас о советских конкурсах красоты.

Началось все с Одессы, потом последовали шоу в Вильнюсе, Ленинграде, Риге, Пярну, Новосибирске, Ташкенте... Едва развернулась подготовка «Московской красавицы», как пошла волна разговоров о призах, что вот-де в Риге победительница получает беличью шубку, а финалистки оставляют десять специально сшитых платьев. И гораздо меньше говорилось о том, что ждет этих финалисток в будущем. Возвращение к прежней жизни для них — прозябание: они побывали на вершине, а вот с самооценкой далеко не все в порядке. Так что попадание в «первую десятку» красавиц может изрядно перекорректировать жизнь: далеко не все юные души готовы к таким испытаниям. Сколько судеб сломало случайное появление на кино- и телеэкране, не подкрепленное ни общей культурой, ни серьезной артистической подготовкой!..

Да, соглашались с нами венгры, у нас похожие проблемы.

Этот вечер позволил нам несколько по-иному отнестись к плакатам и календарям с обнаженными девушками, встречающимся на каждом шагу — и в витринах магазинов, и в служебных помещениях весьма серьезных учреждений. И когда фото одной и той же девушки встретилось, наверное, на двадцатом плакате, мы, не удержавшись, спросили своего переводчика:

— Шандор, ты не знаешь, как ее зовут?

— Зита Калмар. Шестое место на конкурсе красоты 85-го года.

— А с ней можно встретиться?

— Я слышал, она работает в Вене. Но иногда приезжает в Будапешт.

...Юные и прелестные, с обворожительными улыбками, под музыку и микрофонное щебетание конферансье, они выходили на помосты уютных залов в разных городах Венгрии. Выходили так, как учил приглашенный организатор конкурса педагог по сценическому движению. Они волновались, а потому почти ничего не видели и не слышали, и лишь звучал в ушах голос ироничного хореографа: «И раз, два, три, поворот!.. Не останавливаться!.. Вы и на месте двигайтесь — вокруг своей оси. Раз, два, три!.. Если будете рожи строить жюри и ползти, как черепахи, — гарантия, что призов вам не видать! Так что улыбка — обязательна независимо от суммы баллов!..»

Тысячи восторженных и завистливых глаз были устремлены на них. Казалось, вот она, удача, шанс, ради которого стоило жить и терпеть, и чудилось: этот помост — волшебный трамплин к счастью.

Начиналась красивая игра с большими надеждами. Порхающие по подиумам просторных залов девочки вряд ли могли представить, что в Венгрии мода столь же преходяща и безжалостна, как и за ее пределами, где, кстати, доходы наиболее известных манекенщиц не столь уж и баснословно велики, как об этом любят рассказывать. Хорошо заработать можно лишь в том случае, если тебя постоянно снимают для журналов или в кино, приглашают на демонстрации мод.

...В январе Чилла Мольнар исполнилось шестнадцать. И подружка сказала: «Теперь ты имеешь право попробовать стать красой Венгрии». Они послали на конкурс свои фотографии и начали учиться шагать по помосту «с шиком» — на восемь тактов до поворота вокруг своей оси. И Чилла старалась, совсем как в гимназии, хотя теперь ее баллы оглашал не учитель, а конферансье.

Подружка выбыла в четвертьфинале. Отец Чиллы продолжал ворчать, что неважно она выбрала занятие. Приближался финал. Девочка вздыхала и говорила, что кажется самой себе восковой куклой... В финале все претендентки на королевский престол надели одинаковые купальники. Это, видимо, должно было подчеркивать, что идет «фэйр плей» — честная игра. Нельзя было забывать и об интересах австрийской фирмы по производству купальников — одного из спонсоров конкурса.

Игра, впрочем, получилась не очень честной.

Один из пунктов двухстороннего соглашения, которое должны были до финала подписать все его участницы, гласил: универмаги «Центрум» предлагают победительницам монопольный рекламный контракт, а без согласия фирмы «Мадьяр Медиа» — организаторницы конкурса — они не имеют права фотографироваться. Зита Калмар пыталась отговорить девушек подписывать контракт: ведь это кабала — сорок тысяч форинтов в год (около 2400 рублей), плюс доверят три работы в месяц тысячи на две, — по ее расчетам, жидковато. Но убедить никого не удалось. Зато услышала, что раз она такая умная, пусть теперь хоть в лепешку расшибется — в числе первых пяти ей не бывать!

Как рассказывала на страницах еженедельника «Мадьяр Ифьюшаг» журналистка Агнеш Дечи, весь финал руководители «Медиа» сидели позади жюри и беспрестанно диктовали свои соображения. Наконец, киноактер Бела Эрнеи, приглашенный в жюри потому, что ему не раз доводилось быть арбитром на конкурсах «Мисс Франция», «Мисс Германия», «Мисс Австрия», сказал: «Для меня существует только два вопроса: какая девушка самая красивая и какая имеет наилучшие шансы представлять Венгрию за рубежом?» Эти два требования отнюдь не совпадали, так как выступавшие на конкурсе очень симпатичные девушки были в основном невысокого роста, а наибольшим успехом на международных смотрах красоты, как правило, пользуются высокие.

Бела Эрнеи считал, что Зита Калмар сильно выделяется среди других и своей женственностью, и способностью к самовыражению — как грациозно она спускалась по лестнице, как ходила!.. Она была единственной среди участниц конкурса, имевшей опыт манекенщицы (еще в студенческие годы прошла специальную подготовку, позировала фотографам и хорошо знала, как лучше продать свою женственность). Но смутьянка не подписала контракт и ни в коем случае не должна получить высшие баллы.

«Красой Венгрии» стала Чилла Мольнар.

Начались интервью. Она отвечала, что еще не знает, как изменится ее жизнь. Но в любом случае хотела бы получить аттестат зрелости и потом стать косметичкой. Не актрисой, не фотомоделью — всего лишь косметичкой!

А Зита получила сто тысяч форинтов от венгеро-американской фирмы и собиралась в Калифорнию, в школу фото-

ПУТЫ

натурщиц. Ей, занявшей лишь шестое место (жюри сдержало свое обещание!), предложили позировать для «Плейбоя». Выплатили две тысячи марок за снимки, оплатили расходы на дорогу и проживание во время съемок (столько платят любой девушке, чьи фотографии публикуются в мужских журналах), и один из ближайших номеров «Плейбоя» вышел с фотографиями обнаженной Зиты.

Итак, самая красивая, по мнению Бела Эрнеи, заняла лишь шестое место, а второму требованию — представлять Венгрию за рубежом — соответ-

ствовала Чилла Мольнар. «В ней было столько природного умения подать себя, — вспоминал Эрнеи, — она так естественно держалась! Когда она поворачивала голову, то чувствовала, как движутся ее волосы, она знала, что это выглядит очень пикантно и действует на людей. Она была создана природой, чтобы стать королевой красоты».

Тем временем стали распространяться сплетни, что якобы отец Чиллы подкупил жюри и за большие деньги купил ей уникальное платье, что она любовница известного репортера и еще более известного рок-музыканта.

Коллаж Олега ГРАЧЕВА

заметных денег. За участие в конкурсе красоты в Вене все двадцать две девушки — и венгерки, и австрийки — кое-что получили. После конкурса французский менеджер хотел было подписать с одной из венгерок контракт. Но ничего не вышло. Потом он шепнул девушке, понимавшей по-французски, что столько, сколько запросил руководитель «Мадьяр Медиа», не платят даже «Мисс Земли»...

Да, писала Агнеш Дечи, организаторы конкурса «Краса Венгрии» думали прежде всего о том, чтобы побольше заработать. И девушки были для них лишь предметом купли-продажи. Венгерские фирмы выплатили «Мадьяр Медиа» по миллиону форинтов (шестьдесят тысяч рублей). Входной билет на конкурс (с ужином) стоил четыреста форинтов (25 рублей). Стоимость короны, увенчавшей победительницу, — 47 240 форинтов (около трех тысяч рублей). Плата за выступление в финале девушкам — по двести форинтов. Между тем один только билет на скорый поезд Фюнд — Будапешт стоил королеве красоты Чилле Мольнар 260 форинтов. Прибыль от конкурса, полученная «Мадьяр Медиа», так и осталась секретом фирмы...

И через девять месяцев после своего коронавания Чилла Мольнар приняла двадцать шесть таблеток сильного болеутоляющего средства, оставив записку: «Мама, я люблю тебя, надеюсь, ты поймешь меня. Я не могу больше...»

— Я не научила ее, как вести себя во взрослом мире. Думала, пусть она подольше останется в детстве, — говорила мать Чиллы, за несколько дней превратившаяся в старуху...

Еще в ходе конкурса молодые кинематографисты Ласло Хартаи и Андраш Дер начали снимать видеofilm о «счастье по-венгерски». Но к тому времени, как фильм «Красотки» монтировался, все ведущие газеты мира сообщили, что венгерская королева красоты покончила с собой. И вместо заурядной рекламной ленты на экраны вышла кинодрама, получившая первый приз на фестивале в Мангейме.

Ну, а что же с Зитой Калмар? Став в Венгрии натурщицей номер один, она неплохо заработала, провела несколько солнечных недель на Мальдивских островах. У нее были шансы победить, однако, похоже, сейчас она уже не очень-то и жалеет, что их упустила.

В магазинчиках Будапешта можно увидеть массу фотографий разного размера, на которых обнаженная Зита улыбается или грустит. Но выпускница института внешней торговли, свободно владеющая двумя иностранными языками, уже полтора года не снимается. Живет в Вене, работает в журнале, выходящем на венгерском языке. Ездит за границу, добывая рекламные объявления для своего издания. Снимает маленькую квартиру, у нее маленький «ситроен». Похоже, еще до конкурса красоты, ставшего переломным моментом в ее жизни, она поняла, что, позирюя, огромных денег не заработаешь. Поэтому постаралась сохранить основную часть своих гонораров, не растратив их на косметику, наряды и такси, как это зачастую делают натурщицы и манекенщицы.

Познакомившись с судьбой Зиты, прочтя почти все, что в Венгрии было написано о конкурсе 1985 года, мы уже другими глазами смотрели в видеотеке киносенсацию трехлетней давности о том, как девушки дефилировали по сцене в более или менее смелых купальниках, желая разбогатеть с помощью, как им казалось, нетрудной работы.

Мы разговаривали с фотографом, снимавшим участниц конкурса, с журналистом, писавшим о победительницах, с прохожими на центральных улицах Будапешта, со зрителями, пришедшими в кинотеатр на встречу с авторами

фильма... И повсюду слышали то, что на конкурсе не было объективной системы оценок, что еще до финала многие точно знали, кто победит, что не у всех организаторов грандиозного шоу руки одинаково чисты... (Кстати, похожие разговоры пошли и после проведения «Московской красавицы».)

— Большинство этих девочек сами выбрали для себя роль товара, — рассуждал эlegantный молодой мужчина, остановленный нами в ходе импровизированного опроса зрителей в самом центре Будапешта рядом с витриной, где красовалась Зита Калмар. — Вот ими и торговали! Вспомните хотя бы кадры, где обнаженную Юдит Круппа, воспитательницу детского сада из Дунайвароша, заворачивают в гипс, чтобы потом изготовить скульптуру... Раз она разрешила снимать себя в таком виде, ей нечего обижаться на не вполне корректное отношение...

— Вы категорически против изображения обнаженных женщин?

— Нет, почему же! Человеку нужны и говядина, и сахар. Одно не отменяет другое. Но я вряд ли был бы в восторге, если бы на подобном плакате красовалась моя жена... Хотя эти девочки с плакатов, обложек журналов и те, кто выступает в варьете, делают, наверно, нужное дело. Они заставляют наших дам следить за собой, не распускаться. Посмотрите на тех, кто идет мимо нас по улице. Они так стройны в известной степени потому, что существуют эти девочки...

Сегодня во многих городах Союза — с разной мерой вкуса и такта — проводятся конкурсы красоты. Начавшийся бум ставит массу новых организационных, нравственно-этических и эстетических проблем. Не получилось бы конкурса ради конкурса, когда нет ни серьезной сверхзадачи, ни уважения к человеческой личности.

Ну, выбрали королеву, развлекли свой город, а дальше-то что? Станут ли эти конкурсы не только источниками прибыли, но и уроками культуры, в том числе и культуры отношения к женской красоте? Между прочим, они могли бы помочь нам преодолеть столь долго мучающее нас ханжество.

До недавнего времени практически единственной формой «конкурса красоты» была у нас работа натурщицы, то есть то, когда обнаженная девушка выходит на подиум в аудитории художественного вуза. Но сама эта профессия до сих пор как бы не существует, несмотря на наличие инструктивных документов Министерства культуры СССР, считается постыдной, недостойной «человека из общества». Не потому ли художники то и дело ворчат, что рисовать нечего?

Не хватает здесь чувства меры, как, впрочем, и во многом другом в нашей жизни. И потому, нам кажется, поучительна история венгерского национального конкурса, победительницы которого могли сделать карьеру фотомодели или манекенщицы, но предпочли побыстрее выйти из игры и забыть, что такое когда-то было в их жизни.

А уже в проведении «Московской красавицы» то и дело повторялись ситуации венгерского конкурса, видимо, типичные для дилетантов, считающих, что они и так все знают и умеют. Например, несмотря на официальный запрет фотографировать участниц второго тура конкурса, их фотографии почти сразу же начали продавать на Арбате; финалисток не смогли даже нормально покормить в дни их выступлений в Лужниках; поместили всех в одну гримерную, где не было душа; во время представления бесконечно затягивались паузы; шоу разбавили пением Льва Лещенко, популярного лет десять назад; профессионалы-сатирики решили публично посостязаться в остроумии с красивыми девушками и с блеском вышли победителями...

КРАСОТЫ

Устроители конкурса грозились отобрать корону, если королева не выполнит все их условия, закатывали ей скандалы. Чилле стало трудно ходить по улицам и появляться на занятиях в гимназии. Дома постоянно «пилил» отец, ее все пристально разглядывали, перешептывались, а она никак не могла к этому привыкнуть. Пыталась смеяться, но все чаще хотелось плакать. Ей ведь было всего шестнадцать...

Правоту опытного Эрнеи, сказавшего, что девочка из Фюнда имеет хорошие шансы понравиться на зарубежных конкурсах, подтвердили выборы «Мисс Ев-

ропы» на Мальте. По сумме баллов Чилла стала первой и только в результате закулисных интриг, как писали газеты, оказалась на третьем месте...

А Чилла плакала. Впрочем, кроме слез, были еще и многочисленные интервью перед камерой. Она говорила про свои увлечения танцами и баскетболом, а однажды на вопрос Бела Эрнеи о ее заветном желании среагировала мгновенно и с юмором: «Поцелуй меня в щечку!» Что и было тут же исполнено. «Фэйр плей»!.. Она принимала правила игры...

Не было ни шикарных ресторанов, ни

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

НА ХРУПКИХ ПЕРЕПРАВАХ

■
Когда я отпою и отыграю,
Чем кончу я, на чем — не угадать.
Но лишь одно наверняка я знаю —
Мне будет не хотеться умирать!

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?!

Ответа нет. Но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы,—
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

...Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в релейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

■
Дурацкий сон, как кистенем,
Избил нещадно.
Невнятно выглядел я в нем
И неприглядно.

Во сне я лгал и предавал,
И льстил легко я...
А я и не подозревал
В себе такое.

Еще сжимал я кулаки
И бил с натугой,
Но мягкой кистью руки,
А не упругой.

Тускло сновиденье, но
Опять являлось.
Смыкались веки, и оно
Возобновлялось.

Я не шагал, а семенил
На ровном бруске,
Ни разу ногу не сменил,—
Трусил и трусил.

Я перед сильным лебезил,
Пред злобным гнулсся.
И сам себе я мерзок был,
Но не проснулся.

Да это бред — я свой же стон
Слышал сквозь дрему.
Но это мне приснился он,
А не другому.

Очнулся я и разобрал
Обрывок стона,
И с болью веки разодрал,
Но облегченно.

И сон повис на потолке
И распластался.
Сон в руку ли? И вот в руке
Вопрос остался.

Я вымыл руки — он в спине
Холодной дрожью.
Что было правдою во сне?
Что было ложью?

Коль это сновиденье — мне
Еще везенье.
Но если было мне во сне
Ясновиденье?

Сон — отраженье мыслей дня?
Нет! Быть не может!
Но вспомню — и всего меня
Перекорезит.

А вдруг — в костер?! — и нет во мне
Шагнуть к костру сил.
Мне будет стыдно, как во сне,
В котором струсил.

Но скажут мне: — Пой в унисон!
Жми, что есть духу! —
И я пойму: вот это сон,
Который в руку.

КРУГОМ ПЯТЬСОТ

Я вышел ростом и лицом —
Спасибо матери с отцом.
С людьми в ладу — не понукал, не помыкал.
Спины не гнул — прямым ходил,
И в ус не дул, и жил как жил,
И голове своей руками помогал.

Но был донос и был навет...
Кругом пятьсот и наших нет.
Был кабинет с табличкой «Время уважай!».
Там прямо без соли едят,
Там штампель ставят наугад,
В конверт кладут и посылают за Можай.

Потом зачет, потом домой
С семью годами за спиной.
Висят года на мне — не бросить, не продать,
Но на начальника попал,
Который бойко вербовал,—
И за Урал машины стал перегонять.

Дорога, а в дороге «МАЗ»,
Который по уши увяз.
В кабине тьма, напарник третий час молчит.
Хоть бы кричал, аж зло берет —
Назад пятьсот, вперед пятьсот,
А он зубами «Танец с саблями» стучит.

Мы оба знали про маршрут,
Что этот «МАЗ» на стройке ждут.
А наше дело — сел, поехал, ночь-полночь!
И надо ж так — под Новый год
Назад пятьсот, вперед пятьсот,
Сигналим зря: пурга — и некому помочь.

— Глуши мотор, — он говорит, —
Пусть этот «МАЗ» огнем горит.
Мол, видишь сам — тут больше нечего ловить,
Мол, видишь сам — кругом пятьсот,
И к ночи точно занесет,
Так заровняет, что не надо хоронить!

Я отвечаю: — Не канючь!
А он — за гаечный за ключ
И волком смотрит, он вообще бывает крут.
А что ему — кругом пятьсот,
И кто кого переживет,
Тот и докажет, кто был прав, когда припрут.

Он был мне больше, чем родня,—
Он ел с ладони у меня,
А тут глядит в глаза — и холодно спине.
А что ему — кругом пятьсот,
И кто там после разберет,
Что он забыл, кто я ему и кто он мне.

И он ушел куда-то вбок,
Я отпустил, а сам прилег.
Мне снился сон про наш веселый наворот,
Что будто вновь кругом пятьсот,
Ищу я выход из ворот,
Но нет его, есть только вход — и то не тот.

Конец простой — пришел тягач,
И там был трос, и там был врач,
И «МАЗ» попал, куда положено ему.
И он пришел — трясется весь,
А тут опять далекий рейс.
Я зла не помню, я опять его возьму.

Теперь, когда рукописи Владимира Высоцкого открыты для... сначала для тех, кто этим занимался в интересах будущих читателей, а потом, надеюсь, это все будет доведено до сведения читателей, теперь видно, как он работал над строкой, как он относился к слову. И единственное утешение себе я могу сказать, что я всегда ценила честь приходиться ему коллегой и я всегда пыталась хоть что-то сделать, чтобы не скрыть его сочинения от читателей.

Мы мало преуспели в этом прежде, но путь поэта не соответствует тому времени, в которое умещается его жизнь. Главное — это потом... Высоцкий — наша радость, это наше неотъемлемое достояние, и не будем предаваться отчаянию, а напротив, будем радоваться за отечественную словесность...

Белла АХМАДУЛИНА

■
Я дышал синевой,
Белый пар выдыхал,
Он летел, становясь облаками.
Снег скрипел подо мной,
Поскрипев — затихал,
А сугробы прилечь завлекали.

И звенела тоска, что в безрадостной песне поется,
Как ямщик замерзал в той глухой незнакомой степи.
Усыпив, ямщика заморозило желтое солнце,
И никто не сказал — шевелись, подымайся, не спи.

Все стоит на Руси
До макушек в снегу —
Полз, катился, чтоб не провалиться.
Сохрани и спаси!
Дай веселья в пургу!
Дай не лечь, не уснуть, не забыться!

Тот ямщик-чудодей бросил кнут, и — куда ему деться —
Помянул он Христа, ошалев от заснеженных верст.
Он, хлеща лошадей, мог бы этим немного согреться,
Ну, а он в доброте их жалел, и не бил, и замерз.

Отраженье свое
Увидал в полынье,
И взяла меня оторопь: в пору б
Оборвать житие —
Я по грудь во вранье!
Выпить штоф напоследок — и в прорубь.

Хоть душа пропитана — ей там, голой,
не выдержать стужу.
В прорубь надо да в омут, но — сам, а не руки сложа.
Пар валит изо рта — эх, душа моя рвется наружу!
Выйдет вся — схороните, зарежусь — снимите с ножа.

Снег кружит над землей,
Над страной моей,
Мягко стелет, в запой зазывает...
Ах, ямщик удалой
Пьет и хлещет коней!
А не пьяный ямщик замерзает.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было — сорок сороков.

И чудачки — еще такие есть —
Вдыхают полной грудью эту смесь
И ни наград не ждут, ни наказанья,
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же неровного дыханья.

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде, чем узнать, что я «люблю» —
То же, что «дышу» или «живу».

И вдоволь будет странствий и скитаний.
Страна Любви — великая страна,
И с рыцарей своих для испытаний
Все строже станет спрашивать она,
Потребует разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна.

Но вспять безумцев не поворотить,
Они уже согласны заплатить
Любой ценой — и жизнью бы рискнули —
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому, что, если не любил —
Значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
Не докричишься, сколько ни зови.
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешен на крови.
А мы поставим свечи в изголовье
Погибших от невиданной любви.

Их голосам — всегда сливаться в такт,
И душам их дано бродить в цветах,
И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться — со вздохом на устах —
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мирозданья.

Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!
Я дышу — и, значит, я люблю!
Я люблю — и, значит, я живу!

ОХОТА НА ВОЛКОВ

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня — опять, как вчера, —
Обложили меня. Обложили!
Гонят весело на номера!

Из-за елей хлопочут двустволки —
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувырятся волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Быют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали — «Нельзя за флажки!»

И вот — охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же, вожак, дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?!

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся — и поднял ружье...

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел!
За флажки — жажда жизни сильнее!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня — не так, как вчера!
Обложили меня! Обложили!
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

ПРИТЧА О ПРАВДЕ

В подражание Булату Окуджаве

Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сирых, блаженных калек.
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила, —
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег!

И легковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне.
Хитрая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась и осталась довольна вполне.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью, —
Баба как баба и что ее ради радеть?!
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту, и другую раздеть.

Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз,
Деньги взяла, и часы, и еще документы,
Сплюнула, грязно ругнулась и вон подалась.

Только к утру обнаружила Правда пропажу
И подивилась, себя оглядев делово, —
Кто-то уже, раздобыв где-то черную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так — ничего.

Правда смеялась, когда в нее камни бросали:
Ложь это все, и на Лжи одеянье мое!..
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами ее.

Стервой ругали ее и похуже, чем стервой,
Мазали глиной, спустили дворового пса:
— Духу чтоб не было! На километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа.

Тот протокол заключался обидной тирадой —
Кстати, навесили Правде чужие дела —
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну, а сама пропилась, проспалась догола.

Голая Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго болела, скиталась, нуждалась в деньгах.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
И ускакала на длинных и тонких ногах.

Впрочем, приятно общаться с заведомой Ложью,
Правда колола глаза, и намаялись с ней.
Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью.
Из-за своей наготы избегая людей.

Некий чудак и поныне за Правду воюет, —
Правда, в речах его — правды на ломаный грош:
Чистая Правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что явная Ложь.

Часто, разлив по сто семьдесят граммов на
брата,

Даже не знаешь, куда на ночлег попадешь.
Могут раздеть — это чистая правда, ребята!
Глядь, а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь, на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь, а конем твоим правит коварная Ложь!

О НОВОМ ВРЕМЕНИ

Как призывный набат, прозвучали в ночи
тяжело шаги, —
Значит, скоро и нам уходить

и прощаться без слов.
По нехоженом тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Наше время — иное, лихое, но счастье,
как встарь, ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших
товарищей,
На скаку не заметив, что рядом товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловецим
казаться нам скрип сапогов,
Про войну будут детские игры с названиями
старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит
и отплатится,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели
на платьица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы
и не потерять.

Алексей НИКОЛАЕВ

ГРАБЁЖЖ

«...Тем более поразительной может показаться картина Сандро Боттичелли (1447—1510) «Поклонение волхвов», если к ней обратиться сразу после изучения строгой, монотонной фрески «блаженного» фра Беато. И, во-первых, самая композиция этого «Поклонения волхвов». Главные действующие лица — мадонна и младенец — не занимают первых мест, как на прежних иконах. Художник отодвинул их в глубину для того, чтобы дать волю своему пристрастию к светскому великолепию. Весь первый план занят свитой волхвов, зелеными, желтыми, розовыми, голубыми красками их одежд. Младший из «святых королей» одет совсем по тогдашней моде, в щеголеватый бархатный кафтан с откидными рукавами. С правой стороны внимание привлечено красивой группой белых коней, козлов и пажей; слева надвигается роскошный поезд. Рядом с этой данью светскому духу времени идут разрешения чисто формальных задач. Уже в начале века были найдены основные правила перспективы... и с тех пор художники любили в своих картинах изумлять зрителей

мастерством, с которым они передавали сокращения предметов на расстояниях, простор и даль. Средняя руина на нашей картине (с прелестными деталями, указывающими на изучение античной архитектуры) дает, даже для избалованного современного глаза, иллюзию рельефности и глубины. Еще замечательнее в этой картине пейзаж: поля и леса слева, плоские холмы, дорога, вьющаяся по берегу озера, отдельные деревья справа; наконец легкий тихий весенний тон небосклона, на котором так нежно делится позлащенная догорающей зарей развалина...

В картине царит мягкое, грустное настроение — исповедальни, горькая прелесть покаяния и чистая радость очищения. Характерно, что Боттичелли не счел нужным при этом окружить центральные фигуры ореолами. Мистическая приподнятость настроения вызывается не внешними средствами, а лишь проникновением художника в самое существо изображаемого».

Александр БЕНУА

Осенним утром 1932 года в подъезд Эрмитажа с Дворцовой набережной вошел человек в форме командира * ОГПУ. Он попросил вызвать хранителя отдела Востока И. А. Орбели. Иосиф Абгарович был занят, спустился его помощник, молодой сотрудник Б. Б. Пиотровский. Однако посетитель был вежлив, но настойчив: ему нужен Орбели лично. Когда вскоре тот вышел, пришедший вручил ему большого формата, плотный, под сургучными печатами пакет, в правом верхнем углу которого стоял гриф Ленинградского ОГПУ. Козырнув, командир удалился.

В кабинете хранителя пакет вскрыли. Под ним был второй — меньшего размера, тоже под сургучом, но с грифом ОГПУ Москвы. Третьим оказался обыкновенный почтовый конверт без марки, с именем адресата, который и обнаружил в нем сложенный вчетверо клетчатый листок из отрывного блокнота с написанным от руки текстом:

«Уважаемый товарищ Орбели!

Письмо Ваше от 25.10 получил. Проверка показала, что заявки Антиквариата не обоснованы.

В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные органы не трогать сектор Востока Эрмитажа.

Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным.

С глубоким уважением

И. Сталин»

Что же предшествовало державному «не трогать» и можно ли было «считать вопрос исчерпанным»? Об этом пойдет речь в нашей хронике. Но вернемся немного назад.

В феврале 1927 года в Лондон был доставлен странный груз. Из маркировки на прочно сбитых, хорошо упакованных ящиках можно было понять, что в Англию груз шел кружным путем, через европейские страны. Завеса таинственности немного приоткрылась, когда в один день все видные антиквары получили приглашение осмотреть партию предназначенных к распродаже произведений искусства. Каталог заключал в себе четыреста пятьдесят предметов, среди которых числились картины итальянских, голландских, французских художников XVII—XVIII веков, старинные гобелены и ювелирные изделия мастеров прошлого. Поражали, однако, цены — настолько низкие, что не могли не вызвать подозрений даже у выдавших виды торговцев. Но самым удивительным было то, что продавцы категорически отказывались сообщить, откуда эти ценности явились в Лондон. В ответ на вопросы они неожиданно предлагали... сбавить цену. Впрочем, знатоки с удивлением обнаруживали, что многие вещи еще недавно принадлежали коллекциям Эрмитажа, Михайловского, Гатчинского дворцов и другим музеям России. Торгпредство, однако, упорно отвергало такие слухи, что в конечном счете сослужило службу, крайне нежелательную, — сомнительное происхождение вещей довело цены до абсурдно низких, большинство предметов не было распродано и осело у посредников до лучших, как выяснится позже, времен.

При всей экстравагантности события нельзя сказать, что распродажа из знаменитых государственных коллекций, знаменующая, в сущности, совершенно новую эпоху на международном антикварном рынке, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Скорее она вызвала недоумение, а поскольку упорно сохраняемая таинственность в подобных акциях успеха никогда не гарантировала, аукцион, мягко говоря, провалился. Последнее обстоятельство было, впрочем, учтено, и тогда «впечатление разорвавшейся бомбы» не заставило себя ждать.

Произошло это осенью 1928 года в Берлине, когда стало известно, что на Курфюрстенштрассе, в доме мажоранского общества, антикварной фирмой Рудольфа Лепке будет произведен аукцион произведений искусства... «из русских музеев».

Роскошно изданный каталог сомнений на этот раз не оставлял. Изумление вызвал, правда, некий пассаж составителей, где, с явным намерением обойти острые углы, говорилось о том, что «государственные собрания в России так обогатились за счет частных коллекций, что эта продажа не нанесет музеям значительного ущерба». Между тем каталог состоял из четырехсот сорока семи номеров, под которыми значились имена Тинторетто, Ванлоо, Г. Робера, Греза; были в этом перечне «Царство Флоры» Яна Брейгеля, знаменитый портрет сына Рембрандта работы его ученика Николааса Маса... Неуместно ставить здесь «и т.д.», но список долог и в чудовищной своей убедительности не отразим. Это не помешало, однако, составителям каталога договориться до того, что «такое начинание послужит мостом, соединяющим народы в совместной культурной работе, которая была прервана великой войной» (!).

Говорить о цинизме этого утверждения не стоит — он очевиден. Скажем о другом: ни торговцы, ни их посредники не ожидали, что «открытость» и роскошная реклама «аукциона с поднятными забралом» будут иметь последствия, прямо противоположные тем, на которые они рассчитывали: в Париже, Лондоне, Амстердаме намеченные одновременно с берлинским аукционы распродажи русских национальных ценностей под давлением общественного мнения были пресечены. Оставалась Германия, взявшая на себя неблаговидную роль маклера, что, в свою очередь, вызвало новую волну возмущения: большинство газет называло вещи своими именами. Во многих из них появилось открытое письмо жившего в Париже известного русского писателя Ивана Шмелева, адресованное Томасу Манну:

«Дорогой Томас Манн!

К Вам, наиболее чуткому и советливому из германских писателей, обращаюсь я с этим словом глубокого возмущения и негодования на то, что может случиться непоправимое, позорное для Вашей родины, тяжкое и страшное — для моей. (...)

Дело идет о бесчестии, которое падет на весь германский народ, если от его имени не раздастся властный и сдерживающий голос. (...)

На глазах всего мира Германию хотят сделать местом распродажи украденного у целого народа духовного богатства. (...)

Что случилось? Я не буду говорить от себя, я приведу слова немца Артура Геннига, только что напечатанного послание президенту (Гинденбургу. — А. Н.): «6 и 7 ноября у Лепке состоится распродажа принадлежащих всему русскому народу невосстановимых бесценных художественных сокровищ. Правительства других культурных государств поступили разумно, отклонили предложения об устройстве в их странах такого расхищения русского национального богатства, расхищения, глубоко оскорбляющего всю национальную Россию. Германии суждено на глазах всего цивилизованного мира принять на себя такое поругание. Все мыслящие немцы должны самым резким образом протестовать против таких действий, вследствие чего я прошу Вас, господин президент, принять все зависящие от Вас меры к тому, чтобы запретить позорные весь германский народ действия». (...)

Помогите же остановить падение чести в мире!

Иван Шмелев».

Письмо не прошло незамеченным.

В число множества сочувственно откликнувшихся на него газет не вошел только голос нацистской «Фолькишер беобахтер», тогда уже имеющей весьма своеобразное понятие о чести и культуре: «Странно, однако, обращаться с подобными письмами к Томасу Манну. С каких пор этот интернациональный эстет может почитаться выразителем немецкого народного духа?» — вопрошала газета, ставя тем самым все точки над «и».

Что же происходило в эти дни у нас — в Москве, в Ленинграде? В газетах тех тревожных, сказать прямо — трагических для нашей культуры дней тчетно, конечно, искать хотя бы строку о тайно творимых делах. Но историю не всегда, как мы знаем, можно изучать по газетам. Нам удалось отыскать текст письма, ходившего тогда по рукам и, судя по всему, принадлежавшего людям, близким к музейным кругам. Вот это письмо:

«Мы не эмигранты. Мы советские граждане. Мы не враги своего государства, своей родины. Именно поэтому считаем своим долгом обратиться к общественному мнению Германии с протестом против того, что в ее пределах, на ее культурной почве, наше правительство собирается посягнуть на художественные сокровища России.

Из знаменитых хранилищ Эрмитажа, дворцов, картинных галерей, музеев и частных реквизируемых собраний оно вывезло много драгоценных картин, гобеленов, художественной бронзы, мрамора, старинной мебели, золотых с эмалью и бриллиантами табакерок, и все это 6—7 ноября сего года продает с аукциона.

Это великая растрата национального достояния. Это — корыстными соображениями вызванное покушение на то, что в течение веков бережно и благоговейно собрано рядом русских поколений и что неотъемлемо принадлежит русскому народу.

Вы, германцы, так преданные культуре родины, вы, так уважающие наследие предков, вы — хранители высоких традиций, вы — сами благородные создатели культуры — вы особенно поймете ту скорбь и горечь, какую должны испытывать мы — не имеющие права протестовать у себя на родине, когда беспомощно видим, как наши народные ценности, на которых лежит нетленная печать старины и красоты, идут с молотка.

Правительства меняются, народ остается.

Защитите, германцы, красоту дружественного вам народа!»

Подписей под этим письмом нет. Нет их, конечно, потому, что каждая могла стоить жизни, и никаких иллюзий на этот счет в те годы быть уже не могло — наступало время, когда от имени народа творились и более чудовищные акции...

Письмо советских граждан против действий терпящего доверие сталинского правительства прямой своей цели не достигло. Гинденбург дал понять, что не будет препятствовать аукциону, считая его частной сделкой. Однако крупнейшие антиквары Европы открыто заявили, что считают для себя позорным участие в распродаже отнятого у народа. В конечном счете реализована была лишь малая часть вещей, причем по ценам, значительно меньшим первоначально назначенных к торгам. Всего два примера: знаменитый гобелен «Похищение Европы» по рисунку Буше, объявленный в каталоге как «гвоздь» распродажи, вместо назначенных 150 000 марок пошел всего за 115 тысяч, а шесть брюссельских шпалер, исполненных в конце XVII века по Рубенсу и первоначально оцененных в двести тысяч, не принесли и половины. Однако это не помешало продолжению столь неудачно начатого «музейного экспорта».

Не смущенные обструкцией и обод-

ренные позицией своего правительства, некоторые германские торговцы начали новые, но опять-таки тайные переговоры с «представителями высшего ранга» в Москве. Еще не успели сойти с газетных полос отголоски скандала, как на очередном аукционе Бернера появилась партия гравюр Дюрера, Рембрандта, редчайшие расцвеченные флорентийские гравюры XV века и множество рисунков старинных мастеров — Рубенса, Ватто, Буше, Рейсдала — с печатями известных российских собраний.

Не место бы говорить здесь о ценах, но в данном случае именно цены на многое открывают глаза. Поэтому поясним: дюрерская серия «Страсти» приобретена английским коллекционером Кольнаги за 17 500 марок; он же — за 21 000 — купил пейзаж Рембрандта. «Портрет Елизаветы II» работы Франсуа Клуэ и «Венера» Буше «ушли» к американскому собирателю, с радостью, надо полагать, заплатившему за них 22 и 7 тысяч марок.

Что же касается царских коллекций, с ними вообще не церемонились, поскольку оные как бы и вовсе были лишены юридического статуса. Исторические реликвии, обладавшие зачастую высочайшими художественными достоинствами, всплывали на аукционах буквально сотнями. Так, на одном из них к распродаже предназначен был и подарок турецкого султана Екатерине II — два бинокля, усыпанные драгоценными камнями, причем в каталоге особо подчеркивалось наличие письма дарителя, в котором говорилось, что «с помощью этих биноклей императрица будет лучше видеть своих друзей по ту сторону Черного моря»...

Дальнейшую судьбу этих, как, впрочем, и множества других реликвий, установить не удалось. Однако хорошо известно, например, что двадцатичетырехдюймовая модель волжского парохода, изготовленная из золота, платины и серебра знаменитым ювелиром русского двора Карлом Фаберже и предназначенная в подарок царевичу Алексею по случаю 300-летия дома Романовых, миновав все кордоны, «уплыла» из России и, будучи проданной за одну четверть цены, заплаченной за нее Николаем II, «пришвартовалась» в одной из американских коллекций.

Надо полагать, мизерные цены, с одной стороны, вызванные обилием выброшенного на рынок «товара», с другой — начинавшимся уже экономическим кризисом, вовсе не смущали торговцев, если на одном из очередных аукционов пара золотых серег IV века до н. э. из скифского собрания Эрмитажа пошла... за 4,5 фунта стерлингов — обед в заурядном лондонском ресторане стоил дороже!..

Казалось бы, логика, не говоря уже об этике, подсказывает, что аукционы не имеют, в сущности, финансового смысла. Но безымянные торговцы, действующие под вывеской Наркомвнешторга, делают другой вывод: если здравый смысл, а равно и мораль препятствуют достижению цели, то нужно искать более покладистых посредников и менее целеустремленных покупателей. Можно попробовать торговать и целыми коллекциями.

И вот спустя малое (после берлинского аукциона) время Наркомвнешторг доставляет новый ценный груз, на сей раз — в Стокгольм. Предшествовал этому событию неафишируемый, конечно, сговор с неким скандинавским антикваром Буковским, тайно посетившим Москву и оптом закупившим все исторические трофеи, взятые русскими войсками в боях со шведами. Груз заключал в себе знамена шведских полков, оружие 1709 года из знаменитой Шереметевской коллекции и — как добавок — все ценные подарки, преподнесенные шведскими королями русскому двору. Сначала, впрочем,

* Командирами называли тогда офицеров.

сделка была предложена правительству Швеции. Оттуда последовал ответ: «То, что продано кровью, не может быть куплено золотом. Вещам этим место в русских музеях».

А в русских музеях произошло в те дни то, что почти не оставило следов в их архивах и только частично может быть восстановлено с помощью по крупицам собранных свидетельств. Но прежде придется рассказать о том, что такому обороту дела предшествовали события, начало которых обещало совсем иное продолжение.

На вопрос «С кем вы, мастера культуры?» могло быть два ответа. Но русская интеллигенция — равно как принявшая революцию, так и не принявшая ее — солидаризировалась в одном: культурное наследие России неделимо, и о том, чтобы сохранить его в стране, двух мнений не существовало. Вот почему сразу после революции задумана была и силами интеллигенции началась беспримерная музейная работа.

Существует множество свидетельств этой поистине героической работы. Но в обширной нашей литературе не описан весьма показательный, на наш взгляд, случай, когда некий местный царек приказал сотрудникам музея в двадцать четыре часа перевести — куда угодно! — архив Павловского дворца, иначе он будет уничтожен. Гигантский архив, который велся с 1771 года и представляющий собой огромную историческую ценность, пришлось перенести буквально на руках. Он был спасен. Спасен был таким же образом и архив Гатчинского дворца. Отметим, что в первые послеоктябрьские годы в музеях было на кого опираться, — у власти стояли люди, в большинстве своем понимавшие, что значит культурное наследие.

19 сентября 1918 года вышел декрет о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения, имевший своим следствием и открытие для народа множества особняков-музеев. Начиная с 1918 и по 1924 год в крупнейшие наши хранилища хлынул поток реквизированных коллекций. Чуть ли не ежедневно к музеям подкатывали охраняемые красноармейцами грузовики, с которых бережно сгружали обратно в рогажу будущие экспонаты — картины, скульптуру, произведения декоративного искусства. Неизвестен ни один случай кражи, хотя через руки голодных и оборванных музейных работников проходили огромные ценности. Право преимущественного выбора было предоставлено Эрмитажу. Ему же переданы коллекции Зимнего, Мраморного, Аничкова, богатейшие коллекции Юсуповых, Шуваловых, Мятлевых, лучшие вещи из собраний Воейкова, Мусиной-Пушкиной, Бенкендорфа, Горчакова, Воронцовых.

Сейчас трудно вообразить себе, каким мог и должен был стать этот и без того выдающийся музей. Достаточно сказать, что в результате пополнения в Эрмитаже оказалась, в частности, самая большая и лучшая в мире коллекция Рембрандта, включавшая сорок две картины, большинство которых представляли шедевры великого голландца. Заметим еще, что в качестве филиала Эрмитажу был передан Строгановский дворец-коллекцией живописи.

Но опередим события совсем на немного: очень скоро строгановская коллекция, — помимо многих десятков знаменитых картин, включавшая в себя редчайшие «Адама» и «Еву» Лукаса Кранаха, лучшие из лучших портреты Ван Дейка, «Святое семейство» Андреа дель Сарто, превосходящее своими достоинствами творения великого итальянского мастера, украшающие Лувр, — строгановская коллекция пошла с молотка на одном из берлинских аукционов!.

Но вот вопрос, который давно уже

пора задать: было ли это громом с ясного неба?

Нет!

Тому, чему станем мы свидетелями, почву подготавливали, начиная с трагического рубежа нашей истории — 1924 года. Теперь мы слишком хорошо знаем это сами, но знать следует и о том, что даже непримиримый враг Советов Уинстон Черчилль вынужден был признать: «Страшным несчастьем для России была смерть Ленина». Говорю это к тому, что, докапываясь сегодня до истоков многих наших трагедий, в том числе и той, о которой здесь речь, надо отдавать себе полный отчет в том, что и она — трагедия культурного нашего наследия — имеет тот же четкий временной рубеж. Именно с этого времени антиленинская культурная политика поднимает пары и набирает силу. В частности, музейно-особняки, такие, как Шуваловский и Юсуповский, созданные в первые советские годы решением Наркомпроса, с конца 1924 года начинают ликвидировать; провинциальные музеи, вставшие на ноги и расцветшие после Октября, снимают с баланса. Последствия не замедлили сказаться. На руководящих постах знаменитых музеев появляются люди с полуживым списком особого рода. И не только в музеях. Вся культурная политика приобретает отныне формы, сегодняшним воображением неохватные и доходящие порой до чудовищного гротеска. Вот пример.

Во второй половине 20-х годов в Ленинградском театре поставили оперу «Садко» — с прекрасными исполнителями, в великолепных декорациях. Дальше генеральное дело, однако, не пошло: соответствующая комиссия установила, что Садко, «по существу, был буржуй, а, кроме того, в опере много фантастики, которая не соответствует требованиям нашего реалистического времени». Но, чтобы «спасти спектакль», высокая комиссия предложила следующее: в картине на Ильмене, где Садко просыпается, на заднем плане нужно показать Волховстрой!..

Не из той «оперы», скажут, пример? Из той, из той самой, ибо речь идет об общей культурной политике, не миновавшей, конечно, и музейной работы. Далеко ходить не будем: в Третьяковской галерее, например, все картины разделены были на две четкие категории, из коих одна «свидетельствовала о бедности крестьян», другая — о «зверствах помещиков». Все остальное, выходящее за эти рамки, тоже можно исправить, «исходя из требований времени»: так, в одной из газет появилась статья, автор которой возмущался чрезмерным количеством портретов Екатерины II в музее. И что же? Из экспозиции стали убирать Боровиковского, Левицкого... А было это всего лишь началом *планомерной работы*: если выколотить из искусства его эстетические и духовные ценности, искусство можно превратить не только в пособие по политической экономии, но и просто в товар, который торгуют на валютном рынке. Оставалось от слов перейти к делу.

Именно в эти годы и появляется в стране ведомство, смысл деятельности которого читатель поймет из воспроизводимого здесь документа — рекламы, помещенной на обложке путеводителя по Транссибирской магистрали:

«ИНОСТРАНЦАМ, ПРЕБЫВАЮЩИМ В ЛЕНИНГРАДЕ И МОСКВЕ, ИНТЕРЕСНО ПОСЕЖДЕНИЕ МАГАЗИНОВ-ВЫСТАВОК КОНТОРЫ НАРКОМТОРГА АНТИКВАРИАТ».

На этих выставках сосредоточены лучшие собрания старинных оригиналов картин голландской, французской и немецкой школ. Имеется большая коллекция фарфора, как русского, так и иностранного, и большие собрания других предметов антикварно-художественного характера XV, XVI и XVII веков.

Имеются раскопанные предметы (скифское золото и проч.).

Большое количество древнерусских икон. Этот предмет древнерусской живописи еще мало изучен в Европе и Америке, но по своим достоинствам, тонкости работы, выразительности и мастерству стоит рядом с широко известными итальянскими примитивами».

Комментировать документ, полагаю, излишне, но сказать особо о последнем его абзаце все же следует. Следующих абзацев за рубежом поражают высокое качество и огромное количество русских икон, которые украшают музейные и частные собрания Запада, а ведь испокон веков иконы из России не вывозились. Как это произошло? В пояснение приведем не лишнюю интереса подробность.

Был сделан простой подсчет: исходя из количества храмов, бывших в России до 1924 года, и беря за основу очень скромную цифру, что в каждом из них хранилось хотя бы сто икон, то, будучи поставленными вплотную одна к другой, как книги, эти иконы образовали бы линию в 300 километров. Сегодня она сократилась... до шести!

Далеки мы, конечно, от намерения записать за «Антиквариатом» все эти баснословные «294 километра» икон, — львиная доля потерь ложится на многолетнюю антирелигиозную вакханалию, уничтожившую десятки тысяч произведений древнерусской живописи, но то, что обретается сегодня в собраниях Запада, — результат бурной деятельности «Антиквариата». В жернова опричного этого ведомства попадали и люди. Часто — достойные.

Сознаюсь, с двойным чувством вынужден цитировать здесь документ, подписанный человеком, много сделавшим во благо русской культуры. Понимаю, что не вправе судить с плеча тех, кто открытым попыткам противостоять произволу предпочел свободу, — в этом, быть может, самая большая трагедия времени. Но понимаю также и то, что подобные документы неизмеримо больше говорят о времени, которое ломало и людей достойных. Этот подписан И. Э. Грабарем:

«Москва, 20 сентября 1928 г.
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА»

В ГОСТОРГ. КОНТОРА ПО СКУПКЕ И ПРОДАЖЕ АНТИКВАРНЫХ ИЗДЕЛИЙ.

Осведомившись о намерении Наркомторга поставить в широком масштабе дело реализации на западных рынках наших богатых иконных фондов, я, в качестве человека, всю жизнь занимающегося русским искусством и знающего его не только со стороны идеологической, но и со стороны представляемой им материальной ценности, позволяю себе обратить внимание Наркомторга на следующие моменты, могущие ускользнуть от руководителей этим делом, но, с моей точки зрения, чрезвычайно важные для правильной постановки коммерческой стороны предприятия...»

Далее автор предлагает организовать выставку русских икон в Берлине, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, но следующий пункт «служебной записки» гласит:

«Выставка должна состоять как из экспонатов высшего музейного порядка, подлежащих возвращению обратно, так и из образцов высокого музейного значения, могущих быть по закрытии выставки реализованными».

И, наконец, прямо-таки «конструктивное» предложение: «Для увеличения числа икон древнейших эпох, не имеющих в государственных иконных фондах, следует купить их на частном рынке, на что достаточно ассигновать 10 000 руб., которые принесут тройное количество, притом в валюте».

Что представляют собой для государства тридцать тысяч валютных рублей сравнительно с произведенными древнерусского искусства, говорить не стоит. Важно другое.

А важно то, что рыцари без страха и упрека все-таки были, и давали они о себе знать даже и в те тягчайшие для судеб нашей культуры годы. Вот выдержка из письма одного из самых выдающихся защитников национального нашего наследия — П. Д. Барановского, адресованного хранителю Вологодского музея И. В. Федьшину:

«В Москве ходит слух, что Ваш музей имел смелость отказать в выдаче лучших икон своего собрания на выставку иконы за границу, которую устраивает Госторг... Задачей Госторга является не прославление русского искусства, а распродажа, и, конечно, лучших вещей. На эту точку зрения стал и ученый совет архитектурной секции реставрационных мастерских и подал свой протест в Главнауку. Не знаю, выйдет ли какой толк из этого протеста, но во всяком случае мы выполнили долг нашей совести... Мы все, музейщики и искусствоведы, сбиты с толку этой историей после 11 лет дружной совместной работы на пользу музейного строительства в Республике...»

Долг совести был выполнен. Практика отбора икон из музеев для продажи на валюту тем не менее продолжалась. Так, благодаря отчеткам в инвентарных книгах того же Вологодского музея удалось установить, что из его фондов переданы в «Антиквариат» тридцать две иконы XVI—XVII веков. Для точности: была среди них и икона «Отечество», датированная XVI веком (инвентарный номер ВОКМ 2055). Инвентарные книги едва ли не всех других музеев расскажут об огромных масштабах разгрома, учиненного ведомством со столь изящным названием «Антиквариат».

Но всех грехов, а пуще — трагедий за одним этим ведомством не упрекать. Помимо «Антиквариата», национальными нашими ценностями напропалую распоряжались и высокопоставленные чиновники. А когда дело касалось очень высокопоставленных, то и домохозяды руку приложить не мешкали. Так, экспозицию великолепного музея жены бывшего американского посла в Москве, г-жи Пост, кроме скупленных через «Антиквариат» сотен русских художественных ценностей, украшают и две старинные, редчайшей работы вазы из государственных хранилищ — личный подарок Жемчужиной-Молотовой... Кстати, в том же собрании находится теперь и единственная вне России венчанная корона русских цариц, усыпанная бриллиантами... Ну пусть чиновные дарители не считали корону высоким произведением искусства и олицетворяла она собой ненавистное прошлое, но отказать ей в праве быть национальной исторической реликвией могли, конечно, только люди, к отечеству не причастные! Чему же тут удивляться?

А удивляться нужно, пожалуй, лишь тому, почему наши музеи продолжали подчиняться Наркомпросу и Главнауке, а не прямо, скажем, конторе «Антиквариата». Это «упущение» дела, впрочем, не меняло. Покровительствуемый свыше «Антиквариат» был исполнен отваги и действовал прямолинейно. На первом этапе музеям просто «спускался финансовый план», но при этом, правда, вещи на продажу предлагались отбирать самим сотрудникам. Нетрудно догадаться, как стремились они отстоять лучшее, что, конечно, «Антиквариат» не устраивало, поскольку сразу же обнаружилась «политическая незрелость» всех, причастных к музейному делу. Тогда «Антиквариат» счел за благо роль эксперта взять на себя. Со всеми, разумеется, вытекающими отсюда последствиями.

Под категорию «не имеющих музейной ценности» сразу попали мебель, посуда, предметы обихода — словом, все, что представляет историческую ценность как свидетельства быта. Этот принцип проводился с варварской логикой: из ценнейшего царского сервиза оставались две тарелки — «для примера», остальные разбазаривались по бросовым ценам, причем на толкучке дешевле было купить чашку XVII века, чем новую, обыкновенную. Покупателям с валютной, и крупной, — особые привилегии: так, в распоряжение жены американского банкира Отто Кана для путешествия по стране с целью покупки произведений искусства и старинных предоставили царский поезд. Всего, что в багажном вагоне проследовало за пределы отечества, сегодня уже не счесть и не оплакать. И все же была это всего лишь подготовка к новой, большой волне «музейного экспорта». Велась она по всем канонам времени и начиналась из глубины.

Трудно объять сегодня, что имел в виду автор знаменитой фразы «кадры решают все», но именно в это время и появляются в наших музеях руководители, которые, как рассказывают современники, «искали плафоны не только на потолок, но и на стенах». Изданная несколько позже брошюра «Социалистическая реконструкция Эрмитажа», написанная новым и, конечно же, более покладистым, чем его предшественник, директором Б. В. Леграном, подводит некоторые итоги этой работы. Цитируем начало:

«В те годы Страна Советов проводила твердый курс на реконструкцию промышленности и сельского хозяйства, но по Эрмитажному летоисчислению, которое было в большом запоздании, время реконструкции музея на основе марксистско-ленинской теории (посмотрим дальше, что подразумевал автор под этим понятием? — А. Н.) еще не настало. Руководство музеем было предоставлено специалистам, не знакомым с мировоззрением пролетариата».

Какой знакомый тон!.. Чуть ниже мы вернемся к сему «труду», несомненно внесшему свой «вклад» в музейное дело, а пока отметим: трескучая эта демагогия, оформившаяся в конечном счете в «установку», имела прямые последствия, известные в определенных сферах под названием «Эрмитажное дело». Далее будем ссылаться на газету «Вечерняя Москва» от 29 и 30 мая 1931 года.

С самого начала газета, как говорится, берет быка за рога, объявляя: «Комиссия по проверке Эрмитажа выяснила, что в числе сотрудников музея до самого последнего времени работали чуждые элементы».

Терминология куда как знакомая! Не менее знакомы, впрочем, методы и потрясающая воображение логика, из коей следовало, что «руководители Эрмитажа поддерживали связь с белоземскими кругами, принимали на хранение в Эрмитаж коллекции бежавших белогвардейцев, покупали от бывших людей втридорога предметы, не имеющие ценности».

Прервав цитату, чтобы уточнить, о чем идет речь. О том ли, например, что, уезжая за границу с выставкой русского искусства, художник К. Соменов сдал на хранение в Эрмитаж бесценную свою коллекцию фарфора? Или о шедеврах искусства из собрания Юсуповых, Строгановых, Шереметевых, которые «чуждые элементы пытались удержать в стенах Эрмитажа»?..

Были ли другие «криминалы»? Были, читатель, были! Полное удовлетворение комиссия и невидимый режиссер, готовивший трагический этот спектакль, получили, когда в числе сотрудников Эрмитажа был, по словам газеты, «обнаружен сын бывшего министра народного про-

свещения, у которого найдены письма Николая II к его отцу!» Интересно только — что же должен был сделать владелец: сжечь их и спустить в канализацию или отнести «куда надо»? Но в первом случае история лишилась бы ценных свидетельств, во втором — владелец писем последовал бы не на запад, как экспонаты Эрмитажа, а далеко на восток, в северные его окраины.

Читать газету дальше жутковато — похоже, перед нами обвинительное заключение и приговор одновременно, хотя «по жанру» это был просто донос. А в самом деле, что могло ожидать сотрудника Эрмитажа А. Н. Кубе, исследователя и историка искусства, деятельность которого, утверждает газета, «была направлена на защиту религии и идеологии феодально-дворянской знати»? Что грозить должно было А. В. Головану, который, по словам той же газеты, «украл национализированную библиотеку Царского Села и с 1918 года хранил ее у себя»? Трудно, конечно, вообразить, как можно разместить царское сельскую библиотеку в квартире (пусть даже не «уплотненной», хотя в последнее поверить тоже невозможно)? Но о каком воображении идти может речь, если директор Эрмитажа, ученый-искусствовед Сергей Николаевич Тройницкий прямо, открытым текстом назван «вредителем»? Мало того, что это он, Тройницкий, «способствовал уходу в белую эмиграцию членов группировки: Александра Бенуа, Макарова, Зилоти и др.», мало того, что он, продолжает газета, «ждал момента, когда Ленинград станет вольным городом», а пока, «прикрываясь лояльностью к советской власти, систематически вел антисоветскую, вредительскую политику, всеми силами сопротивляясь советизации Эрмитажа».

Чему на самом деле вместе с другими сотрудниками Эрмитажа сопротивлялся его — теперь уже бывший — директор? Из газеты нам этого не уразуметь, но, взяв в руки вышеупомянутую брошюру, поймем, что события разворачивались по железной логике времени.

В февральский день 1932 года на изысканном фасаде Эрмитажа появился плакат с совершенно непонятным современному человеку текстом: «Искусство эпохи разложения феодализма». И стоило отворить старинные двери музея, чтобы воочию увидеть суть его «реконструкции». Раздел экспозиции, содержащей итальянскую, голландскую, фламандскую и немецкую школы живописи, получил теперь новое название — «Искусство дворянства и ростовщической буржуазии». Вот только к ростовщикам или все-таки к дворянам отнесли тогда Леонардо, Рафаэля, Гольбейна, Рембрандта, Рубенса, Пуссена — этого сегодня уже не установят.

«Реконструкция» Эрмитажа шла между тем дальше. Гордость музея — всемирно известная коллекция камней с Артемидами, Аполлонами, блюда с изображением Силенов и Менад, великолепными орфическими и театральными сценами, — все это сопровождалось пояснительным текстом: «Пережитки античной идеологии в условиях раннефеодального общества Византии»...

Дальше, как говорится, ехать некуда. Шарахнулись бы мы в испуге сегодня от таких определений применительно к высочайшему проявлению человеческого гения — искусству, но тогда жила все-таки надежда, что несусветную эту дикость исправит время.

Однако не это было самым страшным. В музее творилось и то, что времени было уже не исправить. Звучала и в обиход входила злоедающая рифма: «распродажа — Эрмитажа».

События приближались к своей кульминации.

Окончание следует.

ВЛАДИМИР ЗАНТАРИЯ

■
Когда превращались в пустой абсолют
Потоки машин и потоки минут,
Когда совпадали, стремясь в никуда,
Являлась мечта — покидать города.

Отбросив дела и сжимая виски,
Я рвался из этой железной тоски
Туда, где душа не сходила на нет,
Стараясь забыться вдали от сует.

Природа дарит дыханьем. И там
О рае душа говорила цветам.
В безоблачном небе — глубины
без дна.
Одна красота. И прохлада одна.

■
Но странно: и здесь среди ясного дня
Печать отчуждения томила меня.
Там — были сердца суетой смущены.
Здесь — горло сжимала рука тишины...

■
Мы чувствуем нехватку высоты.
Мы, как одышкой, мучаемся ею,
Когда следим, зрачков не отрывая,
От точки — человека на скале.

Нехватка высоты неисцелима.
До смерти лезть, сползая по уступам.
Одним судьба дойти до половины.
Другим — коснуться ледяной короны.

Объята тем же царственным недугом,
Вступает птица с ветром в поединок.
И серне тесно на родных отрогах —
Летит стремглав по острiu обрыва.

Там путь опасен. Кровью зверь пятнает
Край лезвия — кривой скалы осколок.
Но, что ни день, туда спешат архары,
И серны грациозные восходят.

Я видел, как рыдал поток гневливый,
Сорвавшись навсегда на дно ущелья.
Я видел, как форель, сжимая тело,
Рвалась под небо вверх по водопаду.

Туда, туда, могучий и бессильный!
«Туда, туда!» — сечет нас хлесткий ветер.
На день всего и хватит нас, тщедушных.
Но день пути — жизнь полная надеждой!

КОНЕЦ ВЕКА

Весна прошла — заметить не успел.
Зато зима наворотила дел!
Метался вихрь, как крылья адских стай...
Такой беды и не припомнит край.

Февраль затеял жуткую игру —
Столбы жилищ скрипели на ветру.
Тяжелым снегом плакал небосвод,
И реки разлились от талых вод.

Кто оказался под пятой лавины,
А кто — в горах отрезанный один.
О, как жестоко нам природа мстит
По временам. И гнева не таит.

Обвалы. Смерч. И паводок. И сель.
Все бесприютней сердца колыбель.
Все яростней, который год подряд,
Подпоры дома общего скрипят...

Перевел с абхазского
Владимир ЕРЕМЕНКО

ВИКТОР ЛЮБИМЦЕВ

■
Хочется чем-то приятным
Жизнь одарить перед тем,
Как возвратиться обратно
В небытие — насовсем.

Может, не так еще поздно,
И, вдохновеннее дня,
Благприятственнозвездный
Вечер сойдет на меня?

И — за высокие блажи,
За бескорыстие мое —
Путь сокровенный укажет
К разуму, к сердцу ее?

Может быть, может быть, может...
Все может быть — и не быть:
День безалаберно прожит,
Молодость не искупить.

■
Оттого, что душа моя в лире
Не взорлит на журнальной волне, —
Не убудет поэзии в мире
И поэзии мира во мне.

Не убудет ни русского духа,
Ни меня, ни России самой...
И безвестность мне кажется пухом
По сравнению с тягой земной.

■
Пускай тебя никто не просит
И все известно всем и так,
А ты живи и спорь — не бойся
Попасть в невежды и впросак.

А если спят и спорить не с кем —
При свете сердца, звезд и зорь
С бесовским сонмом богомерзким
И с сонмом ангельским поспорь.

И ничего ты не докажешь,
И не изменишь ничего,
Но воздух жизни взбудоражишь,
Вопросом зарядив его.

■
В груди отрывается что-то
И кубарем катится вниз —
«Проснись, уже утро!» — сработав,
Гремит, дребезжа, механизм...

Молчал бы, пружинное горло,
Какое там утро, когда
За окнами, в черную прорву,
Бубнит дождевая вода.

Что год самой мерзостной гранью
Надолго застрял на дворе,
А солнышко, если и глянет,
То разве уже в январе.

■
В местности милой,
Где пелось-влюблялось,
Все, как и было,
Так и осталось...
Лишь в палисаде
Сквозят березки,
Желтые пряди
В зеленой прическе,
Птички притихли...
И кружат в лазури
Желтые вихри
И белые бури...

■
Алену Боске

...А мы живем в России,
Где слово, словно хлеб,
Колосья золотые
Вплело в простор судеб,
Где жизнь и песнь вовеки
Ни разделить, ни слить
Нельзя, чтоб в человеке
Поэта не убить.

ТОВАР ЛИЦОМ

Сергей ЛИТВИНОВ

Сам бы купил, да в магазине не достать, а училище торговлей не занимается... Значит, все-таки можем! Не хуже импортных эти кроссовки, изготовленные — и где бы вы думали? — в московском СПТУ-58.

Тут надо отдать должное шефам — базовому предприятию, заводу «Красный богатырь»: оборудование, которое стоит в мастерских училища, самое новейшее. Во всяком случае, не старше того, что работает на заводе. А то и современной. Швейные машины с программным управлением... Специальные кабинеты, где изучаются основы информатики и вычислительной техники... Не на всяком заводе есть такое количество техники, управляемой ЭВМ! И это не случайность. Политика. Завтрашних мастеров и нужно готовить на завтрашнем оборудовании, считает генеральный директор «Красного богатыря», Герой Социалистического Труда Д. Г. Муравьев.

Дело будущим мастерам, полагают на заводе, надо давать не игрушечное, пустячное, а достойное мастера. И увлекательное для молодых. Поэтому на «Красном богатыре» и решили — пусть девочки (а в училище учатся в основном девушки) шьют самую модную молодежную обувь — кроссовки.

Завод снабжает сырьем и заготовками. А за все превращения бесформенного материала в кроссовки отвечают ученицы: надо сшить верх изделия, окантовать его, сформировать подошву, соединить ее с верхом, проверить качество... Каждая группа на время практики становится бригадой. Девушки на собственном опыте познают, что такое план, социальное соревнование, качество продукции, хозрасчет... И, конечно, зарплата.

На третьем курсе, например, зарабатывают по 100—120 рублей в месяц (плюс 36 рублей стипендия). Правда, на руки выдают только половину заработка. Остальное идет в фонд училища. В этот фонд поступает и часть прибыли, полученной за реализацию кроссовок (за каждую тысячу пар — 113 рублей). А уж как распорядиться фондом — решают сами девушки. В основном деньги расходуются на экскурсии по Москве, Подмосковию, другим городам, на поездки к морю, дискотеки.

500 кроссовок ежедневно сходит с конвейера СПТУ. (Конечно, если все нормально со снабжением. А то, что смежники, бывает, подводят, — это здесь тоже, к сожалению, познают быстро.) Не так далеко день, когда объем продукции значительно увеличится: уже подобрана площадка под строительство второго корпуса мастерских.

Хозрасчет, на который перешел «Красный богатырь», предполагает умение считать деньги. На заводе считать умеют. Тем не менее не скрываются на расходы, связанные с нуждами СПТУ. А это около миллиона рублей ежегодно. Завод построил для училища шестнадцатиэтажное общежитие, где в светлых, просторных комнатах живут по два-три человека. Завод обеспечивает четырехразовым бесплатным питанием... Затраты окупаются сторицей, считают заводчане. Потому что умеют в сегодняшних «пэтзушницах» видеть завтрашних коллег, обувных дел мастеров.

Прошу помочь разобраться в вопросе, волнующем сейчас многих школьников. Я учусь в восьмом классе, мне четырнадцать лет. Как-то в начале года в класс пришла завуч и стала ругать нас за то, что в нашем классе нет ни одного комсомольца, хотя некоторым уже исполнилось пятнадцать лет. А зачем вступать в комсомол? — объясните. Я не вижу в этом смысла. Что для меня изменится, если я буду комсомолкой? В седьмом классе я вела общественную работу, была редактором стенной газеты, рисовала плакаты, оформляла стенды. Потом поняла, что это никому не нужно. Объявили конкурс: «Лучший плакат на тему «В защиту мира». Ну, вывесили эти плакаты, а кому они нужны? Так, скуки ради взглянет кто-нибудь на перемене, и никому от них ни холодно ни жарко. В общем, перестала выполнять общественную работу. Но как-то на классном часе нас рекомендовали в комсомол. Прошла я и совет дружины, а сама все думала: зачем? Потому что, знаете, как сейчас принимают в комсомол? Рекомендуют таких людей, которые в жизни никакой общественной работы не вели, да и учатся на тройки. Классу какое до этого дело? Все проголосуют, лишь бы поскорей домой отпустили. Вы не думайте, что я какой-нибудь скучный, серый человек. У меня много интересов, увлечений, но вот общественная работа... А как поставлена организация мероприятий? Объявили: «Завтра сбор металлолома». Все закричали: «Ура! Ура!» Насобирали металлолома целые горы. Десятиклассники даже легковую машину принесли. И долго лежали эти ржавые кучи железа на школьном дворе. Я, наверное, рассказываю сбивчиво, но что поделаешь, всего и не написать. Так вот о комсомоле. Многие, и я в том числе, считают, что вступление в комсомол формальность, которую учитывают при поступлении в вузы. Да и это теперь не проблема. Можно написать в анкете, что ты член ВЛКСМ, ведь не проверяют. Помогите же мне разобраться. За чем вступать в комсомол, если не имеешь никакой тяги к общественной работе и не собираешься ездить на комсомольские стройки?

Наташа М., Москва

По молодости лет начала свою карьеру с работы в райкоме комсомола. Жестоко раскаиваюсь, но нет худа без добра. Видимо, это пробудило мой мыслительный потенциал и заставило внимательно относиться к тому, что происходит вокруг. Конкретно. Считаю, что энтузиазм — наш бич. Мне, несовершеннолетней, нужно было заканчивать работу в пять часов, а мы работали до рези в глазах с восьми до восьми, а то и до девяти вечера. Мои попытки заикнуться о трудовой дисциплине, о рабочем времени расценивались как лень и недобросовестность. Ни для кого не секрет, что авралы в работе сектора учета — норма. То, что не было сделано за месяц, делается в один день. Поверьте, это не моя вина. Я просто физически не могу обходить почти три тысячи человек и упрашивать сдать взносы. А на меня цепляли кучу и других обязанностей. В результате я не успевала ничего. Числились, разумеется, какие-то помощники, заботиться о которых тоже входило в мои обязанности. И результат: «Жень! Чем ты, черт возьми, тут целый день занимаешься?» И в самом деле, чем? Вроде ничего и не сделано. Приползаю домой. Температура — тридцать семь и шесть. Давление повышенное. Затылок простреливает, шея не разгибается, глаза красные, как у хорька, и туман, туман. Я еще, грешным делом, собиралась в вуз готовиться. И я вот о чем подумала: что изме-

нится, если комсомола вообще не будет? Нет, конечно, есть люди, которые работают. В Сургуте, где-то еще. Постоянно в газетах пишут, что, мол, помогли разобраться в каком-то конфликте, восстановили справедливость. Это, разумеется, зависит от личности секретаря, работников аппарата. У нас второй секретарь не личность, а кисель. Это просто несамостоятельный, нерешительный человек. Когда первого нет — пиши «райком закрыт». Его нельзя уважать, потому что он никак себя не проявляет. Этот человек подписывает характеристики (людям абсолютно незнакомым), дает какие-то направления, ходит в райком партии на совещания, короче, умело создает видимость кипучей деятельности.

И он не один такой производитель справок и прочих бумаг.

Итак, предположим, комсомола нет. Нет изнурительной работы по учету. Нет бумагомарания. Весь наш аппарат перебросили на какую-нибудь фабрику в сферу материального производства. Я подаю документы в институт, в их числе и объективная характеристика с места работы. Комсомольские работники, которые в глаза меня ни разу не видели, избавлены от необходимости придумывать качества характера, которых у меня, может, нет, и изобретать признаки моей пригодности или непригодности в будущей сфере деятельности. Всем давным-давно ясно, что утверждение, будто комсомолец — идейный, некоммулец — безыдейный, — глупость. Нельзя ставить на человека клеймо — некоммулец, значит, подозрительный. А ведь так оно и есть. У меня не приняли документы в институт, потому что мне не хватило четырех месяцев до двухлетнего комсомольского стажа. А что — через четыре месяца я в минуту идейно созрею? Дубизм какой-то. Нам должно быть стыдно за эти бредовые правила.

Вы меня спросите, почему же я комсомолка? Ответ: если бы я знала, что это не искоректует мне жизнь, если бы я без трений могла поступить в вуз, я принципиально, повторяю, принципиально не вступила бы. Комсомол такой, какой он сейчас, отбивает у молодых охоту жить активно, делает их инертными, ничего не дает.

Слышала разговоры, что комсомол себя изжил. Согласна. Что заставляет ребят бегать от поручений? Сами поручения. От них несет нафталином и могильной тоской. Если ребятам понадобится своя организация, они ее создадут на ровном месте.

Евгения Ж., Москва

Редакция предложила мне ответить двум комсомолкам, приславшим письма.

Здорово то, что мы стали говорить человеческим языком, честно, не шепотом. Учимся быть людьми. Все учимся. И то, из-за чего в институт Женю не приняли, уже не «нормативные требования», а обычный «дубизм». И поручения, пропахшие нафталином, «могильной тоской», это не общественная работа, а неуклюжие попытки преодолеть «общественную безработицу».

В начале 70-х годов, когда я учился в институте, пытались сделать с ребятами рок-оперу. В ней были такие строки:

*Свернув с протоптанной дороги смело,
И не в пример другим — себе подобным
Назвал он черное не как другие — белым,
А как и есть на самом деле — черным.*

И вот волей той социальной атмосферы, в которой мы жили, пришлось в конце концов сделать нашего героя сумасшедшим.

Сейчас бы мы не сделали его сумасшедшим. Но тогда, кстати, это не было конъюнктурой. Это был естественный образ мысли. В 18 лет мы еще не научились бояться и приспосабливаться. Просто мы росли и познавали себя и обще-

ство, впитывая объективную серую реальность, привыкая к глобальной лжи. Даже повзрослев и почувствовав, в какой трясине мы сидим, не все и не сразу начали понимать, «что такое хорошо и что такое плохо».

Не случайно сегодня иногда высказывается мнение о том, что в авангарде противников перестройки зачастую находятся молодые еще люди, молодые руководители 30—35 лет. Они энергичны, уже прошли период шараханий, сформировали цели и еще не устали. И именно они несут на себе наиболее рельефную печать «ценностей» застойного периода. Ведь в самостоятельную жизнь они вступали в первой половине семидесятых, проходили становление в трудовых коллективах под гром аплодисментов, единодушно все одобряя и вместе с другими растаскивая народное добро. Они не пережили катаклизмов старших поколений. У них не было нужды заботиться о куске хлеба, но их научили искать на этот хлеб кусок масла. Они медленнее других разворачивают свое сознание к происходящей революции. А в этом развороте, я убежден, сегодня крайне заинтересовано общество. Без включения в перестройку именно этих сил мы не можем рассчитывать на успех. Я целиком отношу себя к этому «семейству». Поэтому первая реакция на письма была такая: «мы тут в первых рядах, а вы там опять из стройных колонн перестройки выбиваетесь...» Но нет. Ваши сомнения — мои сомнения, боль за нездоровое общество — тоже наша общая.

Сегодня, когда не только лично, но и официально общение возвращается в рамки здравого смысла, мы, обсуждая свои общественные институты, сами удивляемся произнесенному, опять подспудно спрашиваем себя: а можно ли о них так говорить? Можно, нужно и необходимо. И то, что читательницы молодежного журнала пожелали остаться анонимными, свидетельствует о том, что прошлое для них более реально и убедительно, нежели настоящее и будущее. Не буду кривить душой, у меня такие же болезни. И все-таки хорошо, что в редакцию, к нам в ЦК ВЛКСМ идут эти письма. Значит, равнодушные не сожрали нас с потрохами, значит, есть кому создавать новое общественное сознание, значит, есть будущее у нашей молодежной организации.

Конечно, я не смогу ответить на все вопросы, затронутые в этих письмах. Скажу, на мой взгляд, о главном. В первых, о той рутине, в которую попала Женя в комсомоле. Картина очень знакомая, нередкая и сегодня. Вертевшееся десятилетиями колесо аппаратной текучки, когда «не дела ради, а бумаги для», и нынче продолжают ломать попавшую в его спицы молодую комсомольскую братию. «Я просто физически не могу обходить три тысячи человек и упрашивать сдать взносы», — говорит Женя. Да, по-прежнему десятки тысяч первичных комсомольских организаций продолжают спать. Спят именно комсомольские организации, в то время как многие их рядовые члены носят с идеями и проектами, создают новые интересные объединения и формирования. Но не их избрали группкомсоргами и секретарями первичек. Почему? В первых, они сами не хотели обременять себя заботами, заниматься, кроме любимого дела, и двумя десятками других. Да и в «верхах» логика зачастую такова — удобнее человека, готовый заниматься тем, чем мы считаем нужным. Спрашиваю себя: как же так?

XX съезд ВЛКСМ принял решения — не диктовать первичке, чем ей заниматься, а дать возможность комсомольским коллективам самостоятельно выбирать своих лидеров. Но одно дело принять решения, а другое — сделать их повсеместной ежедневной практикой. Прежде всего эти решения должны знать члены нашего Союза, понимать

и воспринимать их. Но это совсем не просто. Выработанный поколениями профессионалов комсомольского сословия язык так далек от того, на котором общается молодежь, что просто трудно представить себе рядового члена ВЛКСМ, читающего комсомольский документ. А сами принципы постановки задач? Они так далеки от жизни молодежи. При этом большинство комсомольских работников в знании нормативной базы не уличишь. Вот почему и сегодня многие права, предоставленные комсомольским организациям, не воспринимаются как нечто реальное, а скорее лишь как новая форма со старым содержанием. Привычка. Еще бы — десятилетиями мы разговаривали на языке: «Весь советский народ с небывалым подъемом включился в борьбу за выполнение...» А ведь права даны реальные, дающие возможность работать и жить интересно. Выбирайте дело по душе, то, которое волнует, которое нужно людям. Выбирайте своего руководителя. Можно создать молодежный центр, можно заняться строительством МЖК, можно организовать центр НТТМ, молодежный кооператив, политический клуб, можно даже предприятие с внешнеэкономической деятельностью. А с новым положением «О денежных средствах ВЛКСМ» все это приобретает хороший финансовый фундамент. Можно и нужно будить всем этим первичные организации. Тогда и членство в ВЛКСМ будет не формальным и взносы «вытряхивать» не придется. Трудно? Конечно. Поэтому и говорили мы на очередном пленуме, что перестройка в первичке идет сложно, медленно. Поэтому радуется, когда молодежный коллектив начинает дышать полной грудью, когда, реализуя интересы каждого, делается большое общественно полезное дело. Мы даже не отдаем себе отчета, как много сегодня зависит от нас, от нашего желания, готовности делать дело.

И еще, когда Женя размышляет по поводу «предположим, комсомола нет», она отождествляет это с уходом из жизни «бумагомарания», «каторжной изнурительной работы по учету», идиотских характеристик и прочих атрибутов комсомольского болота. Но ведь и мы хотим освободить комсомол от этой коросты и именно этим сегодня и занимаемся. Но нельзя же с водой и ребенка выплескивать. Молодым людям, мне кажется, сегодня, как никогда, нужна своя политическая организация. Когда с каждым днем становится легче дышать, когда безразличие сменяется заинтересованностью, соперничеством, реальной активностью, надо иметь организацию, дающую возможность реализовать законодательную инициативу, участвовать в управлении государством, отстаивать интересы и права молодежи. И совсем не согласуясь со сказанным Женей: «Если ребятам понадобится организация, они ее создадут на ровном месте». Слишком много потерял наш народ, земля наша от того, что то и дело ровняли все с землей, предавали все анафеме. Церкви поносили, генетиков разогнали, скот обобществили. Давайте перестраиваться с холодным умом и горячей душой, а не наоборот. Значительнее проще и дешевле сделать капитальный ремонт в нашем комсомольском доме, реконструировать оборудование, создать новые инструменты, чем опять взрывать и начинать с фундамента.

Хочу ответить и Наташе. Все, о чем она пишет, это не комсомольская жизнь, а то извращенное, во что эта жизнь превратилась с годами. И нам вместе ее переделывать. Именно для этого и надо вступать в комсомол, если ты небезразличен к судьбе нашей организации.

Владимир ЗЮКИН,
заведующий отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ

Популярна в определенных кругах, конечно, блатная присказка: «Ростов — папа, Одесса — мама, Сочи — яма». И действительно, для многих опытных карманников «сочинские каникулы» заканчиваются в местах совсем не курортных — «в яме».

С одной стороны, для нынешних «златоручек» здесь завидное «профессиональное раздолье»: приезжего люда много, почти все при деньгах плюс лучшие ювелирные украшения (где же «себя показать», как не на курорте), и все это на фоне отпусковой расслабленности — солнечное настроение не уживается с мрачной подозрительностью: неужто безмятежный с виду сосед может оказаться вором и, что возмутительнее всего, «положившим» зоркий воровской глаз именно на твой бумажник.

бая опытная гетера регулярно посещает бассейн, каждый маклер находит время для ежедневной сауны. И все они, как только апрельское солнце прогревает черноморскую гальку, отправляются на грандиозную сочинскую «тусовку». Помимо бархатного (осеннего) сезона, популярен май. «Нет гомонящего быдла, дети под ногами не шмыгают» — так «аристократы» объясняют свою традицию. Да и никаких проблем с такси и ресторанами.

Хотя, что это я: у «них» с этим всегда просто, в любое время года и суток. Не говоря уже о том, что многие «деловые» прикатывают на своих «тачках». Но и тех, кто без них, опытный таксист моментально определит. И не столько по фирменности «прикида», сколько по хозяйской, уверенной позе.

И официантка без труда вычисляет: кто этот, сорящий хрустящими «баб-

ка» — витринность, за счет которой не только парадные достижения, но и неизжитые и благоприобретенные пороки (в том числе и меркантильная двойственность обывательской морали) нашего общества здесь как на ладони, в нахально рафинированном виде, словно бы отмыты пенными бурунами, словно бы по-купальному обнажены...

В город, расположенный на широте Ниццы, едут люди состоятельные. Вернее, едут-то всякие, но чем туже набита мошна, тем увереннее чувствуют себя «отдыхающие». Везде так? Пожалуй... Но не везде отношение к гостям постулировано кредитоспособностью...

— Это Беспалый, крутая фарца из Москвы. На аппаратуре стоит. У него «Пежо».

По тому, с какой проникновенной нежностью портье бальзаковского возраста, знаящая, что занимающий номер-люкс дядя приторговывает импортными радиотоварами, назвала марку автомобиля, кивнув вслед одному из только что купивших билеты в сауну плотных мужчин, я понял, что сие коротенькое французское словечко означает и для нее, и для ее блондинистой товарки куда больше, чем всякие там

на Курортном проспекте. И вот что интересно: «деловые» удрали, не расплатившись (это у них называется «сломать руку»), не из-за корысти, а спорта ради. Так, захотелось острых ощущений: тихое смывание, потом погоня, туда-сюда. Счет был рублей 160, а заплатили они догнавшим их разъяренным гарсонам из соотношения один к десяти — 1600 рублей. Как один целый! Расстались, ясное дело, друзьями. Когда потом кто-нибудь из тогдашних беглецов в «Пацхе» появлялся — встречали с шуточками и улыбочками. Словом, дорогой гость.

Здесь, на приветливо-курортном юге, мастера закулисных профессий не только не считают нужным стыдливо хорониться, но, напротив, ощущая себя «во всеобщей денежной тарелке», порой демонстративно подчеркивают свою сословную принадлежность к «солидному» сообществу умельцев. Я имею в виду пресловутое «умение жить». Хочешь жить — умей вертеться. Вот и вертятся они по всегдашним своим орбитам, траектория которых непременно пролегает — в сезон — через сочинские пляжи и бары.

И вряд ли стоит озадаченно причитать, узнав, что опрошенные недавно

Евгений ДОДОЛЕВ

ПЯТНИЦА НА ПЛЯЖЕ

Но, с другой стороны, ветераны преступного мира неохотно едут в Сочи «работать»: того и гляди угодишь в руки здешней милиции, слава у коей самая свирепая (в среде уголовников, естественно).

Каждое третье преступление в Сочи совершается приезжими. Высокий процент. (Если, например, взяты весь Краснодарский край, то выяснится, что лишь каждый десятый из выявленных преступников — иногородний.)

Население крупнейшего курорта страны — треть миллиона, а гостей — свыше четырех. Не считая четверти миллиона зарубежных туристов, с которыми, кстати, тоже бывают осложнения (в правовом порядке). В Сочи, сравнительно небольшом городе, происшествий, сопряженных с Уголовным кодексом, столько же, сколько, скажем, в целой Курской области.

Преимущественно кражи. За последние год-два здесь, как и — увя! — по всей стране, наметилась тенденция к их возрастанию. Часты мошенничества. Случаются и убийства. Ведь сюда круглый год стекаются отовсюду шальные любители приключений.

Однако Сочи — город особенный не только для ушлых карманников, на которых здесь организована справная охота. Есть несколько категорий жуликов, коих роскошный курорт любовно привлекает как самых почтенных и долгожданных гостей. Я имею в виду «катал», «утогов», «кидал» и «путан» (соответственно картежников, фарцовщиков, мошенников и проституток высшей категории).

Впрочем, справедливости ради замечу, что эти «деловые» касты явно не выделяются радушными сочинцами. Просто для них эти мужчины и женщины, мальчишки и девочки — богатая публика. И, значит, желанная. Поэтому-то всякий уважающий себя спекуль не расстается с теннисной ракеткой, лю-

ми» клиент, — зарабатывающий стройотрядовскими мытарствами студент, желающий произвести впечатление на «молодежькую подружку, или же «поднявшийся» на очередной суперпартии привозных часов матерый перекупщик, буднично ужинающий со своей избалованной спутницей. Возраст клиентов, сумма счетов и одежда, вплоть до мельчайших деталей, могут быть одинаковы, но искусленная повелительница ресторанного времени безошибочно угадывает, с кем имеет дело: по мимике, жестам, увлеченным на бегу словечкам и — главное! — по собственным кастовым флюидам (этакая разновидность сакраментального классового чутья). И даже получив абсолютно равную чаевую мзду с обоих, официантка (если она действительно искусная «халдейка», а не начинающая девчонка) по-разному отнесется к «лоху», коего она не уважает за глупое неумение жить, и к сытому, «упакованному» клиенту, который может пожаловаться за этот же столик послезавтра, через неделю, через год. Фарцовщик все это знает. Да и студент, напрягшись, может прочувствовать (коли нет, так и, слава богу, не стоит расстраиваться из-за нюансов ресторанного гостеприимства).

Конечно, расклад типичный. Однако, в Сочи это возведено... В квадрат — сезонной концентрацией зажиточной публики (не только в определенное время, май и сентябрь, но и во вполне определенных местах: в гостиницах «Интурист» и загородных ресторанах) и ее осознанным стремлением подчеркнуть себя. В куб — исторически сложившимся сервисным настроением местного населения; ведь курорт как-никак запрограммирован на обслуживание приезжих и, стало быть, на выкачивание денег из обслуживаемых, значит, чем больше «уплочено», тем более симпатичен и предпочтителен дорогой гость. И, наконец, в четвертую сте-

«лямур» и «тужур», вместе взятые. А по тому, как она выдала ключи от номера мне (вполне вежливо между тем), без труда догадался, что эта гостиничная фея наверняка поняла — у меня и велосипеда-то нет.

Вообще общение с обслуживающим сословием безмерно много дает в плане познания секретов взаимодействия мудреной системы «сервис — крутые гости». Как загадочно шутит один из сочинских барменов: «Крутым людям — крутые яйца».

Как-то я оказался свидетелем ленивой беседы двух официантов «Кубанского хутора» (ресторанного комплекса по соседству с суперпрестижным Дагомсом). Тот, что постарше, неспешно пояснял (с явной ностальгией по былому) своему безумному коллеге: за одним из его, молодого, столиков поедает вареники с грибами «известный питерский катала». Рассудив, что наметанный общепитовский глаз разглядит явную мою непричастность к правоохранительным органам, я, стрельнув для повода сигаретку, отважился-таки на лобовой вопрос (для вящей убедительности наивно округлив глаза):

— Извините, м-м, а откуда вы знаете, что он из Ленинграда, к тому же картежник? Он что — «катал» вас? Или имеет обыкновение играть прямо за обеденным столом, со своими спутниками? Или вы сразу определяете, кто есть кто? Просто заинтриговали...

Время было дневное, несуетное, и ветеран общепита охотно рассказал мне, как лет десять назад, когда он работал в закрытом ныне «ресторане на лоне природы» «Пацха», этот самый колодный ас в пестрой компании таких же «деловых» уехал, не заплатив за обед.

Официанты, народ в этом смысле на зависть дружный, оперативно организовали погоню на собственных «Жигулях». Догнали две машины со злоумышленниками уже в черте Большого Сочи,

социологами старшеклассники среди дюжины «наиболее престижных профессий» уверенно называют «проституцию» и «торговлю машинами» (такую подпольную «торговлю» понимать надо, разумеется, как банальную «спекуляцию»), а своих сверстников, занимающихся фарцовкой (это сейчас называется «утожить»), без колебаний числят как «предпочтительных для знакомства».

Потому что прочно усвоили: жить — хорошо, а хорошо жить — еще лучше. Будут «бабки», будет почет, уважение. Рестораны для тебя будут открыты круглосуточно. Швейцары будут предупредительны, а официанты — улыбки. В кассах будут ждать билеты, а в гостиницах — уютные номера. Зимой — Домбай. Летом — Дагомсы.

Как внушить сочинским мальчишкам, состоящим на мелкой побегушной (сезонной) службе у щедрых столичных «катал», что в азарте карточной виртуозности романтика обратно пропорциональна доходу? Как? Коль скоро мастера покера упражняются в своем искусстве совершенно открыто.

Тут же, на пляже гостиницы «Жемчужина», те, кто не в состоянии утрусить мозг сложными карточными комбинациями, режутся в «железку». (Игра несложная.) За несколько секунд выигрывают по сто — двести рублей. Иногда мелькают и тысячные ставки (тысяча называется «штукой»). Невинные эти развлечения в духе Монте-Карло гипнотизируют окружающих, но милицию, похоже, оставляют равнодушной. Да и странно было бы видеть на пляже человека в мундире.

Впрочем, доказать, что играют на деньги, не просто. Как и доказать, что играть на топчанах — безобразно. Ведь тут же, на соседних городских пляжах, запросто режутся в «дурака» просто развлечения ради.

Так что? Пусть играют?

Мой совет — задать этот вопрос краповицу из Хатанги, которого за два часа ободрали, как майскую липку. За 120 минут солнечной ванны (плюс азартное развлечение) он отдал две с половиной тысячи, заработанных за одну ночь. Белую полярную ночь. Длинную в полгода. И что же — «сам дурак»? Не стоило играть? Не знаю, не знаю... На парня жалко было смотреть. Ругался он отчаянно:

— Так-растак, это что же: «в Сочи на три ночи?» Ни позарогать, ни покупаться не успел. Теперь, если деньги не вышлют, придется поменять билет — и домой, на другие берега, за 70-ю широту...

Да к тому же «картежный долг — дело чести». Поэтому-то «катал» и других подобного сорта дельцов крайне редко прижимают к ногтю. Плутукратия, есть такое слово. Дышло закона, как водится, повернуто от богатых в сторону. И в Сочи (если бы только там!) маститых картежников принимают, что называется, по люксу.

Хотя было, было здесь однажды дело! Посадили известного Тайванчика. Того, который (и тому есть доказательства) порой проигрывал за один раз по 150 тысяч. Ну, и выигрывал соответственно. Лейтенанта милиции Виктора Терещенко, который вел дело Тайванчика, больше всего поразили не цифры, а броские детали. Такие, например, как бриллиантовые серьги Лолочки, пятилетней дочурки матерого кудесника четырех мастей.

«Тохтахунов Алимжан Турсунович, 1949 г. р., по кличке Тайванчик, на протяжении длительного времени не имеет постоянного местожительства, не работает, существует за счет случайных средств. Неоднократно задерживался за игру в карты на крупные суммы». Это из материалов судебного дела.

Далее — цитирую оттуда же — объяснение самого Тохтахунова: «Содержит меня жена, она работает продавцом в комиссионном магазине на улице Герцена в Москве».

Дважды в этой фразе «слукавил» Тайванчик. Во-первых, своим «искусством» он зарабатывал более чем достаточно, чтобы содержать семью. И не одну. А, кроме того, Татьяна Васильевна с мая (все это произошло как раз в мае) работала секретарем известного композитора-песенника...

Оказалось, что Тайванчик — «свой человек» в околмузыкальных сферах: «умеет дружить». В Сочинское УВД приходили хлопотать за него два популярных певца, бывшие на гастролях в городе. Быть может, поэтому держался «катала», по воспоминаниям лейтенанта Терещенко, спокойно и даже дружелюбно. И был обескуражен, узнав, что его «этапируют в Армавирскую тюрьму» (следственный изолятор).

Интересно другое: известного (не только в МУРе и Росконцерте) богатейшего дельца, одно имя которого служило (и служит по сию пору) паролем-выручалочкой для тысяч самых разных людей — от мелких ташкентских мафиози до популярнейших рок-кумиров — посадили по 209-й статье УК РСФСР, то есть «за бродяжничество».

Это самое бродяжничество — одна из наиболее злободневных проблем Сочи. Черноморский курорт — своего рода Мекка бомжей. (БОМЖ — лицо без определенного места жительства.) Не говоря уже о том, что здесь тепло и многолюдно (а значит, можно подкормиться, затеряться и подсуетиться), Сочи служит естественной перевалочной базой на самых популярных бродяжских маршрутах: из России в республику Закавказья. Все знают: ноябрь — мандариновый сезон. И тысячи спившихся босяков устремляются в обетованную землю. Затем эта вереница тя-

нется обратно и, нет-нет да тормозится по сусекам уважаемого курорта, видом своим нарушая безмятежно-праздничную 140-километровую, во всю длину сочинского побережья, панораму Вечнозеленого Отдыха. Племя это здесь, понятно, не особенно жалуют.

...На полпути от ухоженных пляжиков сочинской Ривьеры до славной «Жемчужины» прямо напротив белоснежных крыльев отеля «Москва», буквально в сотне метров от гранитной опоры бархатистого моря расположено приземистое здание без окон, с угрюмой дверью над сплюснутыми ступеньками. Приемник-распределитель для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество. Чем не гостиница? Вместимостью на 150 койко-мест!

Да, Тайванчик был здесь. Но такие фигуры в этом пристанище аутсайдеров общества — экзотика. Попадают в «номера» этого отеля для сырых и нищих люди, жизнью битые, отчаявшиеся. Или просто попавшие в беду, но, увы, комфорт купить себе неспособные. Спекуль, останься он волей случая без денег и документов, вряд ли попадет в это душное царство беды и безнадёжности. От него, как и от денег, не пахнет. Да-да, от бродяг, оказывается, исходит специфический запах. Мне в один голос рассказывали об этом работники приемника. «Еду, бывает, в автобусе и чую, бродяжка пахнет. Глянь, а вот и он, приткнулся, бедолага, в углу...»

В Сочи бродяг не любят. Не жалуют. Но работники спецприемника сочувствуют своим клиентам от души. И начальник этого «смурного» заведения, называемого на служебном жаргоне «спецом», — Леонид Иванович Романов, и оба его зама — Александр Борисович Гончаров и Александр Иванович Ковалев, все они милосердствуют неприторно. И переживают за каждого, как мне показалось, искренне. За каждого! А за год их проходит через дощатые номера этой «гостиницы» тысячи полторы. Едва ли не каждый четвертый — туберкулезник. Сифилис. Вши. Но, как горько констатировал Гончаров: «Наши клиенты — люди, от медицины отрезанные». Ни одна больница не желает связываться с выпавшими из нашей общественной структуры.

Попадают в приемник и инвалиды (иногда безногие) лет 70—80. А направить их в дом престарелых нельзя — у них ни прописки, ни пенсии. Нет, нет, не надо рассказывать нам о полуслепых стариках, рожденных на излете века прошлого, попадающих в распределители и привычно, на ощупь, заполняющих листки со строгими вопросами: «Отношение к воинской обязанности», «Каким репрессиям подвергались: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)». Среди них частенько попадают «пожизненно не ставшие на путь исправления». Шестидесят процентов завсегдаев сочинского «спеца» ранее судимы. Конечно, встречаются, и довольно часто, среди задержанных настоящие преступники, в том числе и значащиеся во всеозонном розыске. За прошлый год в здании без окон перебивало 1456 человек, из них 340 преступников, совершивших 623 преступления (78 — в самом Сочи). Преступления разные. В основном «модная» ныне 144-я статья УК РСФСР (кража). И все же контингент распределителя — это люди, если и судимые ранее, то в основном по следующим статьям: 209 (бродяжничество) и 198 (нарушение паспортного режима). Популярна еще и 122-я (алименты).

Мне рассказывали о пожилой женщине, числившейся «бродягой местного значения» — ее выжила из дому невестка, и она стала персоной нон грата в родном городе. Другая женщина ли-

шилась сочинской прописки «благодаря» родной дочери и также стала «перекати-поле». Пожалуй, в Сочи чаще, чем в других городах, встречаются «люди с корнями», которые никогда отсюда не уедут. Невзирая на «постановление по бродяжничеству» (от 1984 года) и на более поздние постановления об «ограничении прописки в г. Сочи».

«Людмила Николаевна Шереметьева, 1951 г. р., решением суда лишена родительских прав...» Ее знают во многих отделениях милиции прославленного курорта. Помнят, как лежала на лавку спеленутого младенца, бросив растравшемуся сержанту: «Вот, воспитывай!» Помнят, как лет двенадцать назад промышляла на городском вокзале, выискивая толстосумов-«хлопководов». Говорят, в те годы она была «очень даже ничего». И еще говорят, что стубила ее водка... Оказалась она словоохотливой (надо сказать, ветераны приемника вообще за словом в карман не лезут):

— Окончила я киевский «пед». Двадцать пять мне было, когда впервые приехала в Сочи. По путевке, как порядочная. Решила — буду жить здесь. Очень мне, знаете ли, понравилось. Вечный праздник! Ну, нашла мужика, «на четвертак» меня старшей. Любовь-морковь по боку, я ему сразу объяснила, что так, мол, и так, хочу в Сочи. Поженились. Потом, по его примеру, начала пить. От скуки. Однажды пригласили гостей, напильсь, и втроем — я, муж и его приятель — ограбили их. 145-я, значит. По пьянке-то чего не выйдет, верно? Отсидела четыре года. В Сочи меня, ясное дело, не прописали. Ну, а без прописки куда? Загнали меня в тмутаракань, на ферму. А я свиной до ужаса боюсь! Да и, кроме того, у меня в Сочи три дочки, в интернете... Пить бросить? Так я ее ненавижу, горькую. Никакого удовольствия. Да только напиваюсь — не откажешься. Это вы там, наверху, перестраиваетесь, а у нас все по-прежнему.

Есть такая присказка: «курорт — это место, дающее возможность его жителям за ваш счет дожить до следующего лета». Но вот вопрос: отдает ли себе в этом отчет кто-нибудь? Не удивлюсь, что многие сочинцы возмущаются, озабочены с этим тезисом. Вот какая штука: Сочи деньги выкачивает, но отнюдь не всем горожанам от этого лучше.

«Это у вас там перестройка, а у нас все по-прежнему», — вздыхала женщина-бомж Людмила Шереметьева. Но примерно то же самое говорил мне и дежурный по «спецу» старшина Александр Свириденко. Каждый из них имел в виду свое. Экс-сочинка возмущалась тем, что ее изолируют в камере. И за что? Фактически за желание жить там, где она хочет. Страж порядка негодовал, что который год уже не может добиться улучшения жилищных условий. Я побывал у него в гостях. В крохотной комнатке размещены и спальня, и кухня, и умывальник. Живут вчетвером: хозяйка, жена и две дочери. Старшей уже 12 лет, между прочим. И она уже «заработала» астму (стирают, готовят тут же, на этих 13 квадратных метрах).

Из коллективного заявления жильцов дома № 43 по улице Войкова: «Живем мы в старом доме дореволюционной постройки... Вот уже более 25 лет никакой ремонт не делался... Во время строительства по соседству здания редакции газеты «Черноморская здравница» образовалась трещина с первого по третий этаж. Во всех квартирах прогнили полы, крыша сгнила, постоянно течет. Из-за отсутствия отводных труб влага проникает в квартиры. В квартирах №№ 13, 10, 5, 6, 8 от постоянной сырости устойчиво сохраняется пле-

сень. Дымоходы не чистились более 25 лет, и от этого в мае 1984 года произошло самовозгорание сажи. Нас в доме проживает 11 семей. Условий для нормальной жизни мы не имеем. Живем в холоде, сырости, тесноте. Кв. № 13 находится в полуподвальном помещении, постоянная сырость, дети болеют, стоят на спелучете в поликлинике. Систематически на наши обращения получаем одни обещания. Идут годы, меняются руководители, дававшие обещания...»

Такой вот «шанхай» в самом центре курорта. Но это еще, как говорится, цветочки. Ягодки-то в завочальном районе, где люди живут в самых настоящих трущобах с глиняными полами. У многих сложилось представление о сочинцах, как о дармоедах, дерущих с отдыхающих три шкуры за койку в летний сезон. Хотел бы я знать, кого могут — пятым! — подселить супруги Свириденко на свои 13 квадратных метров?

С другой стороны, стал уже расхожим анекдот о юном сочинце, написавшем в сочинении на тему «Кем ты хочешь быть?», что он мечтает уехать в Москву и сделаться «отдыхающим», то есть приезжать в родной город, соря деньгами и потрясая воображение бывших одноклассников белыми штанами.

Из беседы с заведующим отделом пропаганды горкома партии Б. А. Ермаковым я сделал вывод, что сочинские власти очень болезненно воспринимают упоминание о «сочинских делах». Однако дела эти были! Во взяточничестве и хищениях уличили директоров почти всех ресторанов города, управляющих трестами столовых, начальников управлений торговли. Потом ниточки потянулись к партийной верхушке края — к Медунову. И выше. С теми работниками милиции и Прокуратуры СССР, которые пытались довести дело до конца, цинично и жестоко расправились брежневское окружение.

Еще и сегодня в Сочи отдыхает от праведных трудов кое-кто из тех, кто пировал с Медуновым и Чурбановым, кто изгнал из партии и травил замначальника Сочинского УВД А. Ф. Удалова, попытавшегося вывести казнокрадов на чистую воду. Думаю, нынешние работники правоохранительных органов города, на которых возложена охрана и этих отдыхающих, не могут об этом не знать.

И привкус этого знания — во всем. В снисходительном отношении к самоуверенным картежникам и преуспевающим игрокам в «колпачок», все чаще встречающимся на сочинском рынке и в укромных местечках городской набережной. И в низкопалочном деньгопочитании гостиничных швейцаров. И в презрении официанток и банщиков к «неумеющим жить». И в пренебрежительном отношении многих горожан к бесправным бомжам. Кстати, падение престижа милиции отчасти имеет эти же, медуновские корни.

Сочи — особенный город. Сюда стремятся все, сюда едут отовсюду. Здесь под ослепительным солнцем жизнь порою кажется беспечной и беспроblemной. Но это не так. И как ни хочется на курорте пожить «без проблем», вряд ли разумно закрывать на них глаза. Солнце и море не лечат недуги социальные и нравственные. Это наши, человеческие проблемы. Именно о них и хотелось поговорить в первую очередь. Тем более что, на мой взгляд, проблемы социальной справедливости вовсе не носят сугубо сочинский характер. Просто в Сочи они заметнее, концентрированнее.

Вот почему такой разговор необходим. Ведь все мы когда-нибудь обязательно поедим в прекрасный город на берегу теплого моря...

ИЗ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ЯРОСЛАВЦЕВА

Внезапно потеплело, асфальт стал влажен и черен, мелкой грязью пылили грузовики, серая магистраль, заполненная машинами, жила какой-то угрюмой, механической жизнью, и Ярославцев, продираясь в этом тумане промозглого дня, вспоминал будни иные, прошедшие. Вспоминал, как просыпался по звонку будильника, как дорог и сладок был растревоженный этим залившимся трезвым сон. Однако расставался со сном не усилием воли, не властным приказом самому себе: «надо!» — надо тянуть ляжку, надо не опоздать, надо не получить выволочки. Нет, его поднимало другое — желание труда, желание видеть людей, разделяющих с ним этот труд — порой нудный, изматывающий, но всегда необходимый. Необходимый ему куда больше, чем сон и отдых. Может, от родителей все шло, от воспитания. Рос он в рабочей семье, где безделья не принимали органически. Все свободное время мать посвящала уборке, починке одежды, а отец вечно что-то мастерил по дому или отправлялся подработать на стороне: то замок в дверь вставить какому-нибудь неумехе, то разбить стекло, то прокладку сменить в худом кране... И он, мальчишка, тоже всегда был при деле: помогал отцу, матери, видел, как трудно достается хлеб...

Он всегда был серьезен, деловит, прилежен и сдержанно-дружелюбен со всеми — со сверстниками, родственниками, учителями. Всегда и всем помогал по делу, помощью своей не спекулируя, не кичась. Бескорыстно. И, может, поэтому, хоть и сторонился шумных компаний, единогласно был избран одноклассниками в комсомол.

В райкоме комсомола его заметили сразу, после окончания школы пригласили на работу; затем экономический факультет университета, куда поступил на вечернее отделение; перевод в горком — там он познакомился с Вероникой. Первое приглашение ее в театр, ее рука в его руке, темный зал, актеры на светлой сцене, но он видел только ее, профиль Вероники, и ощущал со сладкой тревогой в сердце нежное, покорное тепло ее ладони...

Наконец разговор с будущим тестем.
— Значит, вы и есть тот самый Володя, — иронически констатировал тесть, поднимаясь из-за массивного письменного стола со столешницей, окантованной витиеватым бронзовым узором.

— Да, Владимир, — подтвердил Ярославцев, робея в просторе огромного домашнего кабинета, где полки до самого потолка были заполнены энциклопедиями, мемуарами политиков и трудами экономистов — художественной литературой хозяин не увлекался.

— Тогда, Володя, будем знакомы. — Он пожал руку и указал ему на изящный стул с гнутыми ножками, хрупко ютившийся в углу кабинета. Указал, как просителю, пожаловавшему в приемные часы. — Хотел бы, — продолжил глубокомысленно, — поговорить с вами без Вероники, по-мужски. Итак, без преамбул: расцениваю ваш брак, как несколько ранний, однако вам, молодым, виднее... И я близок к тому, чтобы намерения ваши благословить. Но сначала желал бы задать несколько вопросов. Можно на «ты»?

— Конечно, — смущенно замаялся Ярославцев, и вдруг испытал стыд перед собою, будто пришел кланяться нечто у сильного, от которого только все и зависело.

— Ну, так кем же ты представляешь себя? В перспективе? — вздернулся в мягкую усмешку волевой подбородок.

— Организатором, — рассудительно произнес он неслепое слово, в интонации передавая всю подспудную и, по его мнению, весомую значимость его. — Партийным. — Выдержал паузу. — Советским. Хозяйственным... Каким — решится, естественно, не мною.

— Организатором! — удивленно, но и одобрительно прозвучал отзыв. — Научились выбирать обтекаемые формулировки, молодой человек! Руководителем — нескромно, да?

— Наивно, я бы сказал.
— У вас, у тебя, вернее, все задатки дипломата. Не привлекает такая стезя?

— Нет. Я бездарен в иностранных языках, неуклюж... Кроме того, мне проще и... интереснее работать с создателями... материальных ценностей. Я, конечно, молод, резок в суждениях, но это — моя убежденность.

— Убежденность-то у тебя хорошая, Володя. Но то, что ты категоричен в суждениях, — достоинство обоюдное. Начинать становиться мудрее. Будь тоньше и давай меньше конкретных ответов. Не все собеседники заранее искренни, учти. Что же касается диплома, будем считать, что в начале твоего пути я сделал тебе любопытное предложение. Ты от него отказался.

Хотя... есть еще время подумать. Однако если ты твердо не жаждешь спланированной не тобою карьеры, то позволь предупредить: на данном, самостоятельном этапе один-опрометчивый шаг будет стоить тебе... ну, скажем, много времени, ибо выведет тебя с широкой дороги на тропинку окольную, а по ней придется долго блуждать... чтобы выйти — в лучшем случае — на то место, где оступился. Ты хочешь делать судьбу сам? Благодарно, достойно сильного человека. Но все же советую чаще обращаться ко мне, когда принимаешь решение... Большое решение. Или малое, влекущее за собой большие последствия. Особенно — когда решение подобного рода диктуют тебе эмоции, принципиальность, нетерпимость и прочая...

— Вот я и обращаюсь, — перебил он. — Представьте: я принял решение жениться на вашей дочери. Решение принципиальное и прочая...

— Ну, это мы уже обсудили... Вы же понятливый человек, Володя.

Не было теста на том злополучном собрании, где в президиуме восседало начальство из центрального аппарата, не было! И когда отзвучали первые ударные речи о победах и доблестях, бодро и взалхлеб зачитанные по согласованному шпаргалкам, слово было предоставлено ему, Ярославцеву, дабы и его голосишко грянул в общем благолепном хоре. И он, дрожа от дерзости, сказал незаученное: о бумаготворчестве, о высиживании гладенькими молодыми чиновниками с комсомольскими значками «взрослых» мест, о лжи, пестующейся здесь, в молодежи, где ее не должно быть...

И сквозь недоуменный ропот в президиуме кто-то четко и властно потребовал:

— Примеры, пожалуйста!
Он выложил «примеры». И — «прокололся». Все его «вопиющие» факты оказались неубедительными, а сам завет обличительной речи — нелепым до сумасбродства...

Аплодисменты, правда, прозвучали. Разрозненные, квакающе-испуганные и невероятно глупые...

А после была комиссия, деловитые пожелания и впрямь занимать активную позицию по отношению к недостаткам: его, как «принципиального, политически грамотного, непримиримого к негативным явлениям», отправили в огромное, разваливающееся от бесхозяйственности и пьянства автохозяйство.

— Ты, Володя, теперь дипломированный экономист, прошедший серьезную школу комсомола, — с теплой улыбкой напутствовали его в горкоме, — и на месте сумеешь проявить боевитость своего характера. Со своей стороны готовы поддержать тебя по любым вопросам. Уж не забывай нас!

— Ну, Володя, — сказал тесть, — не обессудь: устроен тебе лучший вариант из всех грозивших... Теперь так: ты в школе учился, знаешь термин «большая перемена». Вот она и грянула. Идешь ты ныне в другой класс, золотой медали не видать... Впрочем, есть шанс сменить школу... Давай-ка, дружок, покуда не поздно, покуда я жив, в дипакадемию, послушай старого человека.

Не послушал. Ринулся в атаку на автохозяйство.

И стало хозяйство передовым. Выбил сотрудникам квартиры, новую технику, пьешь — если не перевоспитал, то подтянул. И порядок стал идеальный, и план выполнялся, и решались все проблемы, но — какой ценой? Какими приемами? Вот он — первый его шажок в то никуда, в котором он сейчас: в день сегодняшний, когда едет он в сумраке индустриального города на собственной машине... А в глазах — не черный, сырой асфальт, не морось унылого неба, а прошлое: зимний тихий вечер, свет в заснеженной конторке, столик с бумагами, и — Матерый — то бишь, Лешка Монин: в кожанке, только что сбросивший доху на стул, молодой, сил — как у быка, шоферюга-ас, стоит, усмехается...

И вновь — конторский стол. Запомнил он его. И ворох бумаг на нем запомнил — все его же, Ярославцева, запросы, и все резолюции на них, в лучшем случае уклончивые. Ни одной, чтобы: «поддерживаю», «отпустить», «не против». Обычно: «изыскать по возможности».

— Товарищ Монин, — поднимает он отчужденные глаза. — Поступил сигнал, будто вы регулярно сливаете из государственной, закрепленной за вами машины бензин... В канистры. Для собственной, вероятно?

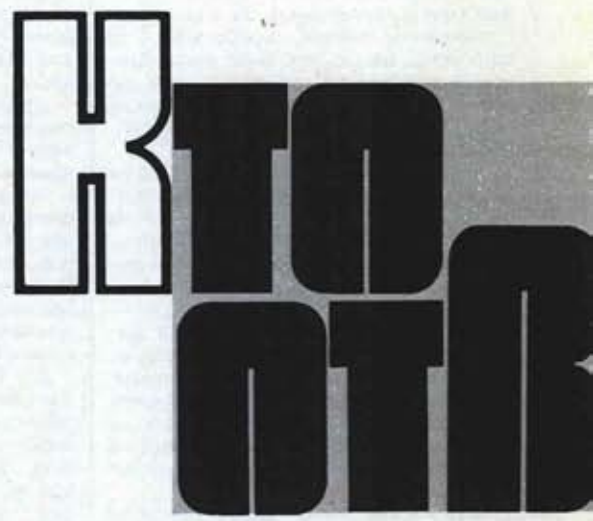
— Брехня. Выжить хотят, вот и... Думают, раз сидел...

— Сидели вы не раз. Это — раз. Теперь — два: в прошлое воскресенье вы проводили в третьем боксе ремонт своей «Победы». Сторож признался, вот его объяснительная...

— Ну и проводил ремонт. Зима же, куда зимой без ямы. Гражданин начальник? Ямы жалко? Пустого места? Въехал человек, сделал дело, выехал...

— Непорядок. Могли бы подойти ко мне, согласовать. Я бы не отказал.

Андрей МОЛЧАНОВ

— И по всякому такому пустяку кланяться?
— Монин, вы всего год, как из заключения. Откуда машина, можно полюбопытствовать?

— Кровно нажитое на лесоповале, — прозвучало глумливо. — Там ведь расходов нет, все в копилку идет...

— Монин... да вот стул, что вы тут, как... при высочайшей особе... У вас множество нарушений трудовой дисциплины. Множество! И...

— Так. План перевозок я выполняю?
— План... да. Но кроме плана...

— Резину так и не выбили?
— То есть?

— Не выбил, начальник... — Монин присаживается на стул. Подминает зажатую под мышкой ушанку. — Вот что. Хорошо меня слушаю, внимательно. Я, конечно, тыфу... уголовник, вообще... Но скажу! Нет, лучше так договоримся: если после разговора этого в обиду полезешь, то сразу заявление пишу и — пока! Только честно чтоб... Идет? Так вот. Прошлый хозяин наш — пустой человечиска. Выпивоха, краснойбай. Ну, коли сам пьешь, чего со слесаря спросишь? Да тебя ж открыто пошлют... Но держался он. До упора. Покуда совсем дело не развалил. А почему держался? Бумажки умно сочинял для плана, ремонты для нужных людей организовывал, да и затягивал с ним умело, на нервах играл, чтобы в пиковый момент — извольте: шик, блеск... Все секреты. А ты с начальством как? По правилам. И они с тобой строго. Ну, а резины-то у кого нет? У нас, грузовщиков, не у тебя! А кому ты нужен, чтобы выделять ее? И мы кому? И побежали бы мы отсюда, как тараканы от мора, если бы не привычка, не бензин дармовой, не яма для халтуры и спидометры без пломб! А отними это — привет, друг! Я — на другую базу, другой — на третью, а тебя в итоге — дамуправом. Хорошо, если в крепкий дом! Ты же не большеешь нуждами нашими...

— Не прав ты, Монин. Фактор материальной заинтересованности у учителяю...

— Чего ты по-газетному-то мне? И какой фактор? Червонец к зарплате? Да я тебе этот червонец самому каждый день с гдавать буду, только не лезь со своими нарушениями... трудовой дисциплины! Ты мне, конечно, красиво возразить желаешь. А ты умерь пыл. Мы одного поколения, ровесники, давай хоть сегодня на равных... Тебе же выбираться отсюда надо, иначе — каюк. Не надоело, как киту в луже пузыри пускать среди шелупени, килек всяких? В винном соусе... Кого пугнешь, кого сожрешь, а толку? Выбираться надо! Ищи сподвижников себе, верных ищи, деловых. И начальников ублажай по мелочам, а проси у них по крупному. И к народу не цепляйся, масштабно с него спрашивай, не размениваясь, он тогда даже в ерунде тебя не подведет — не то, чтобы побиотся, повеситесь. А жандармом быть — последнее дело.

И ведь понравился ему тогда Лешка Монин. Открытостью, напором, силой. И — сдружились они. Не теми приемчиками, какими Монин советовал, хозяйство он поднял, хотя и те порою в ход шли... Не снабженцев ублажал он, как исстары велось, — им, мелким людишкам, кость кинешь и — довольны. И не местные контролирующие организации — те тоже малым удовлетворяются и утрутся. На министерские нужды начало работать автохозяйство, на серьезные людей, у которых тоже много хлопот имелось — и сугубо личных, и государственных. И рождали оказанные им услуги отношения доверительные, причем где служба, а где

Рисунки Владимира МОЧАЛОВА

СТУП?

дружба часто не различалась... А отсюда пошли и квартиры работникам, и оборудование, и фонды, и в итоге — новое расширение автохозяйства.

Кучи мусора на дворе превратились в клумбы, исчезли залежи старых покрышек; бараки с мастерскими сменились чистенькими кирпичными постройками, и машины выезжали из сияющих свежей краской ворот чистыми, сыто урчащими... И на лицах людей появилось осознание своего дела, своей работы и... негласного устава своего монастыря...

Вскоре окольная тропа, предреченная тестем, кончилась. И вывела она его вновь на магистральный путь... Присмотрелись сверху к мелкому хозяйственнику, успешему, на удивление всем, защитить диссертацию по экономике, хотя не наукой он занимался, а шоферюгами да моторами, и выдвинули его внезапно в крупные руководители районного масштаба, а затем и городского...

Леша Монин автоматом-переводом переключивал из одной персональной машины Ярославцева в другую, и уже редко когда позволял себе напугать шефа — разве в порыве несдержанности, да и то — уважительно, извиняясь за дерзость...

И тестя на пенсии уже был, не у дел, пусть и с прочными старыми связями — поучениями не злоупотреблял, говорил, как с равным, умным, лишь изредка сомнение выказывал: не случайность ли возвысила? Не остался ли юношеский максимализм? Не события ли на взлете?

Сбили...

Сбили? Нет, сам он себя тогда сбил. Сам! Вспомни: раннее утро, персональная «Волга», из которой ты вылезашь — не проспавшийся, раздраженный, надетый в модном пальто, купленном в недавней поездке по Европе. И попадаетесь ненароком на глаза дворник, и начинаешь ты отчитывать его — съезженно, покорно кивающего; мол, мил-человек, почему образовались сосульки на карнизе представительного учреждения? Позор! Немедленно... Знать не знаю, какая еще там оттепель ночью была! Совещание сегодня, высокие люди приезжают, чтобы — через пятнадцать минут...

Дворник боязливо мнется, пытается что-то сказать, да к чему слушать, о чем лепечет этот серый человек в черной телогрейке? Отвернулся, повторив гневный наказ, и пошел, плечи расправив и подбородок вздернув, по скользкой от гололеда лестнице к высоким дверям с бронзовыми ручками.

А дворник полез на крышу. Март, подтаявший наст едва держался на скатах и под тяжестью человека рухнул... И не стало человека.

Конечно, нашлись бы оправдания. Мог он спастись... Мог! Если бы не отправился на похороны. Увидел лицо человека в гробу: незнакомое, он ведь и не разглядел тогда это лицо; близких увидел, семью, горе их... И — сломался. Не пошел выключивать милости, валяться в ногах. Муторно вдруг стало, вечностью потянуло, и вспомнились понятия самые что ни на есть отвлеченные: совесть, грех, суета, выбор...

А после состоялся разговор с тестем — одряхлевшим, поблекшим, слабеньким, уходящим... И в глазах старика он увидел не разочарование, не презрение, не осуждение, а лишь легонькое, схожее с нежностью сожаление. Старик уже понял тщетность суеты, ее внешний блеск и тягостную пустоту, скрытую за блеском... И все-таки старик заставил себя что-то привычно-ловко сообразить, кого-то нужного припомнить и,

механически сняв трубку телефона, твердить в нее заученные фразы, справляясь сначала о здоровье и семье этого нужного, болтая о разных различиях и уж после, в конце разговора, прося об одолжении для зятя...

Следующим же днем приехал Ярославцев в высотный дом, принял пропуск из амбразуры окошечка и поднялся, шалея от бликов света на мраморе, от простора коридоров, помпезности ковров, в кабинетик-клетушку, где желтый, сухой человечек в роговых очках принял от него анкету, сказав: «Я позвоню... Сам».

Позвонил. И месяц спустя очутился он как по волшебству в чуждающей тропической стране, на большой стройке — в качестве начальника с ограниченными полномочиями. Бытие зарубежное шиком не отличалось: тесный гостиничный номер в провинциальном отеле, труд от зари до зари, хлопоты с женой, ожидавшей ребенка, ее отъезд... Из развлечений — фильм по воскресеньям в местном кинотеатре на открытом воздухе.

Но работал он самозабвенно. Понимал: здесь он нужен. И не в роли наблюдателя, а вершителя великих преобразований.

Затем — долгожданный отпуск, родина, ребенок, семья; уже привычные коридоры здания, знакомые лица чиновников...

— Послушайте, — сказал он одному из них, казавшемуся более-менее инициативным. — Зачем нам покупать за валюту материалы, которые мы вкладываем в эту стройку? Материалы отнюдь не худшие выпускают и у нас.

— Крепкая идея, — ответил чиновник. — Но возникает масса проблем со всякими согласованиями, заказами, транспортом... Живите проще, Вова!

— Я второй день в отпуске. Время у меня есть. С поставщиками договорюсь. Обещайте лишь пяток поездок их людям. Как экспертам. Понимаю. Сложно. Но — прикиньте разницу по валютным суммам... Командировочных жалко?

Прикинули. И отправились на тропическую стройку материалы из холодной Сибири. Сетующих на их качество не нашлось.

Внезапно — отзыв.

— Товарищ Ярославцев! С фирмой-поставщиком мы устанавливали контакты, исходя не из купеческих амбиций. Вы, что же, взяли на себя не только оценку целесообразности в международной торговле, но и проблем международных отношений?

— Но меня же поддержали...

— Да, по неадекватности. Некомпетентные лица, введшие в заблуждение руководство. Однако даже их не следует впутывать в планы, продиктованные вашей личной, весьма сомнительной инициативой. Еще предстоит разобраться, что за нею стоит...

Деньги у него имелись. Во всяком случае, существовала возможность спокойно обдумать свое положение, не тяготясь отсутствием зарплаты и не лихорадя себя в поисках относительно пристойной службы. Хотя служить не хотелось... Устал. Но искать работу было необходимо, жизнь не кончалась с последней его неудачей, хотя основная игра была проиграна без надежд на реванш.

Пытался искать поддержки у тестя, но тот дал понять, что взрослый человек обязан устраивать судьбу сам, а ошибки простительны лишь тем, кто их совершает несознательно. Отец, ушедший на пенсию

и служивший вахтером на родном заводе, вполне серьезно пообещал устроить его мастером в механический цех... Это улекательное предложение вызвало сначала у Ярославцева неудержимый смех, но, отсмеявшись, почувствовал тревогу... Радужные прожекты проваливались один за другим, круг сужался; жена уже искося поглядывала на праздношатающегося мужа, деньги таяли, как снег на солнышке, и предложение отца начало восприниматься не столько с иронией, сколько с досадой полнейшей беспомощности...

И вдруг появился Монин... Матерый. Весело, беспечно вошел в квартиру — с цветами, шампанским, свертками; запоздало поздравил с рождением дочери... Затем посидели, попили-поели, послушали рассказы гостя о новой нелегкой его профессии начальника автоколонны таксопарка и, когда за полночь тот выходил из кухни, где они остались наедине попить чайку, вытащил Матерый из кармана пиджака пакет, перетянутый резинкой. И его безмятежная веселость вдруг куда-то ушла.

— Здесь, — он положил пакет на стол, — три штуки. Или тысячи, по-интеллигентному. Месяца два проживешь без забот, хватит. Но тут — и на работу: приемы, визиты... Давай. Налаживай связи. Не удастся, не встанешь на ноги — пустой ты парень тогда. Встанешь — опять в шоферы к тебе готов. То, что в начальники не попадешь, ясно, но место найди! Это не в долг, так... Надеюсь на тебя, Хозяин.

Последнее слово он подчеркнул. После оно стало кличкой.

Он просидел на кухне до утра. Тусклым, больным взором глядел на деньги. Были ли они подачкой? Нет... Скорее — жестом сильного по отношению к равному или же к более сильному, но в какой-то момент оступившемуся, крупно проигравшемуся, однако способному перекрыть проигрыш удачей в другой игре. Обязанному перекрыть!

Полистал записную книжку. Над каждой фамилией задумывался долго, не пренебрегая никем: ни мелкими людьми при мелком деле, ни случайными знакомцами, давно, вероятно, и позабытыми его. После составил список — довольно длинный. Наутро объяснил жене: пойми правильно — хлопот у тебя хватает, но, несмотря на них, предстоит тебе еще более хлопотный месяц. Потрудись воспринять его как должное. Как аврал.

Одно празднество сменяло другое. Гости приходили и уходили. Квартира превратилась не то в салон, не то в ресторан. Вечером поднимались тосты, крутился магнитофон, менялись блюда и велись разговоры, а утром он мчался на рынок и по кулинариям в поисках продуктов. Денег не жалел.

Однако приемы, чья пышность в соответствии с различными неуклонно увядала, оказались напрасными. «Нужные» люди, охотно поднимающие бокалы, с аппетитом закусывающие и яро обещающие поддержку на любом уровне, на следующий день исчезали в никуда: в казенность выстраданных ими кабинетов, за заслон секретарш, занятости, телефонного нивелирования жизненных проблем и уклончивых ответов типа: «Нужно время...»

И однажды, осенним мрачноватым днем, в дожде и смоге брел он по улице после пустого визита к пустому влиятельному лицу, в очередной раз что-то вяло ему пообещавшему, и вдруг припомнил: вон в том министерстве, коренастым монолитом глыбившимся среди облезлых домишек дореволюционной постройки, говаривали, служил в больших начальниках один толковый малый, некогда его подчиненный...

В министерство удалось проскользнуть, не вдаваясь в объяснения с вахтером, но нужный чиновник находился на совещании, и полтора часа Ярославцев бесцельно шатался по коридорам, стараясь возбудить в себе интерес к здешней суете, что-то осмыслить и проанализировать... Потом вместе с чиновником они вспоминали времена ушедшие, вспоминали тепло; Ярославцев пригласил поехать в гости — поехали; скромно поужинали на кухне (деньги приходилось уже всерьез экономить), и за чаем, взглянув на часы, чиновник молвил:

— Пора мне... И вот что скажу, Володя. Ты — толковый человек. Но у тебя нескончаемая полоса невезения. О последних твоих неприятностях не знаю, но они, чувствую, есть. Не ошибусь, если обозначу их причину: ты неосторожен в решениях генеральных. Ты не политик в конъюнктуре. Ты политик вообще, по натуре, но, чтобы выйти на уровень признанного «политика вообще», надо успешно окончить все классы школы... Знаешь, как фигуристы? Лучше всех откатался, всех поразил, а в скучном, профессиональном тесте на «школу», в исполнении хрестоматийных фигур дал маху. В итоге — зарезал все. Так и с тобой, но у тебя нет перспективы следующего чемпионата. Я к чему? Твое место — советник. Серый кардинал. И я готов помочь тебе с местом. Для дела ты человек незаменимый и, если не против, на службу тебя возьму. Консультантом. Будешь при мне, помогать доставлять коммунизм в сфере обрабатывающей промышленности. Завтра в первой половине дня оформишься. После обеда запремся, отключим телефончики, и расскажу я тебе очень подробно о проблемах министерства. А после ты активно начнешь данные проблемы устранять. Если начнешь устранять, как дурак, выкину

вон — сразу и без жалости. Все. Мне пора. Спасибо за чай, очень вкусный.

Для начала ему дали опробовать силы в одной из головных организаций министерства, работа которой шла наперекосяк. Спустя четыре месяца организацию посетил известный телекомментатор, специализирующийся на пропаганде передовых методов ведения экономики. Анализируя внезапные достижения, комментатор, вдумчиво подбирая слова, высказался так:

— Характерной особенностью предприятий, подчиненных организации, является то, что конструкторскими вопросами на них занимается конструкторский отдел, а технологическими — технологический...

В министерстве эта фраза прозвучала, как развеселый, надолго всем запомнившийся анекдот. Неудлибный министр тоже хохотал от души, а, отсмеявшись, попросил подготовить приказ о премировании некоего Ярославцева, не упомянутого телекомментатором.

Сколько людей впоследствии предлагали ему роль консультанта... И сколько таких ролей он исполнял сейчас, в разных министерствах и ведомствах — координируя, увязывая, пробивая, внося коррективы и вынося готовые решения...

Предлагалось и другое... Влияние росло, о старых ошибках вспоминали (если уж позволяли вспомнить!) неизменно с юмором и наперебой звали занять посты. Он был уже необходим многим именно на посту. Но — отказался. Пост — даже звучало скучно, казарменно; пост — нечто конкретное, обязательное и... опасное. Ибо за что-то необходимо отвечать, а как замечательное не отвечать ни за что, пребывая нигде и везде! И пусть его скромное общественное положение не блещет в иерархии чинов и званий. Главное — не в наименовании, а в том, что ты есть на самом деле. И другое пугало, то, с чем столкнулся он, будучи большим начальником: изоляция от тех, кому служил. И еще: узость круга знакомых, продиктованная статусом и целесообразностью, неукоснительное соблюдение ритуалов и правил, наконец, одиночество и оторванность...

А что теперь есть я сам? Он часто задавал себе такой вопрос с тревогой и болью... Конечно, можно занять пост, зарыться в бумагах, играть роль безупречного гражданина и семьянина, но... зачем лгать себе? Поначалу он упрощенно полагал, будто в обществе существует лишь две категории людей: деловых и неделовых. Неделовые сидят на зарплате или же на пенсии, а деловые своими поступками и идеями двигают общество вперед, принося ощутимую пользу всем окружающим, и в первую очередь неделовым. Удовлетворяя их спрос. Деньги в таком процессе извлекаются исключительно за счет личного вклада или энергии, а исходное сырье приобретает законно.

Вот и создавались им артели, споры и качественно возводившие на садовых участках летние и зимние домики; сервис при гаражных кооперативах, бригады по превращению открытых автостоянок в закрытые. После началось увлечение кооперативным строительством, едва не обернувшееся судимостью благодаря алчным компаниям, решившим пожульничать со стройматериалами... Тогда-то впервые он разобрался в разнице между частными устремлениями и государственной системой снабжения, дающей заманчивые лазейки для легкой наживы... Да и лазейки ли? Не год и не два в стране цвело благодушие: пропадали вагоны с готовой продукцией, нагарами лился налево госбензин, к припискам относились едва ли не как к политически оправданной акции; успехи производства определялись фактором количественным и в очень малой степени — качественным; понятие «зарплата» приобрело оттенок анекдотический. И, конечно, деловые своего тут не упустили. Они драли бешеные деньги за то, чего жаждали неделовые, то есть за дефицит. Созидались состояния. Предпринимательские люди ухватились за простейшие методы обогащения: спекуляцию, взятки, хищения. Ценностей ими не создавалось. Ценности либо умело добывались и перепродавались, либо наживались паразитированием на государстве — на людях неделовых. Образовывались круги, касты, шайки, присасывающиеся к дойной корове державы и лихоградоночно набивающие карманы. С уверенностью своей безнаказанности, ибо стоящие выше охотно «брали», а значит, молчали. Задача была, таким образом, проста: нахапать в расчете на все взлеты цен в течение, по минимуму, полувека. И с ними, с этими зажившими «деловыми», Ярославцеву приходилось сталкиваться изо дня в день. Часто он шел на поводу у них только из-за того, чтобы выжить, удержаться на ногах. Но исповедовал он иной принцип: надо зарабатывать, создавая товар доступный, конъюнктурный, высшего качества. И он пытался делать это, что было не так уж и сложно; куда труднее оказывалось обуздать жадность исполнителей, свирепея от контроля, они видели в нем уже своего врага, едва ли не прокурора, не дававшего воровать.

Можно ли создать экономику внутри экономики, не нарушив закона? Поначалу он думал и верил: можно. Оказалось — нельзя. И в один прекрасный день вдруг уяснил себе всю мощь гигантской машины, чей клд падал день ото дня, и поднять его Ярославцев не мог: машина стала неуправляемой. Он же превратился

в символического ее Хозяина, а вернее, в уважаемого создателя, получавшего свои «пенсионные» блага в любом желаемом размере. Он предпочитал размер более чем скромный, но время шло, и перед законом этот размер достиг высших пределов... И тогда пришел страх. Ибо ему глубоко верилось в неотвратимость перемен и напроць не верилось в долгое процветание жуликов с их всецельными, переварившими заодно с обильными деликатесами все принципы и идеи, покровителями. И — грянули перемены, и посыпались с насиженных мест «деловые» с ожиревшими мозгами — перепуганные, ничего не соображающие: почему, как? — и казавшееся незыблемым рухнуло, и канули в никуда покровители, сметенные свежими ветрами, столь желанными и необходимыми. Он, Ярославцев, искренне радовался им, хотя понимал: и для него тоже наступила развязка, предтеча краха. Да, желал он наступления нового времени, но, когда время настало, внезапно открылось: не его это время, он там — в прошлом, с людьми прошлого; там его компания, идеология, приемы... Созданную им самим систему теперь он расценивал как формацию промежуточную, неоправдавшуюся и подлежащую распаду. Существовала вполне реальная угроза расплаты за самостоятельный эксперимент... Означавшая тюрьму, долгий срок и, вероятно, конец жизни...

Ступив в болото, он ловко лавировал по кочкам и вдруг, оглянувшись, увидел позади себя сплошную трясицу, и такая же трясица лежала впереди... Куда? Виделись еще несколько кочек, он вовремя приметил их, но что будет там, за ними, не знал. Возможно, трясица еще более страшная...

И о сегодняшнем своем крахе он знал заранее. Думая о нем, как о некоей вероятности, но все же выстраивая свои комбинации через Матерого — основное связующее с машиной звено. Полной конспирации такой метод, конечно, не гарантировал. Вокруг крутилось множество людей, кому в мысли не заглянешь, за чьи поступки не поручишься. И потому оставалось одно: уповать на судьбу и в любой момент быть готовым перескочить на спасительную кочку... Спасет ли? А если без аллегорий, то завяз ты, Ярославцев, незаметно, но прочно в компромиссах, противоречащих с законодательством, и, вероятно, очень скоро придут в твою квартиру люди с серьезными и враждебными лицами и скажут тебе: собирайтесь, гражданин... А этого произойти не должно. Вот почему в последнее время остро понадобились тебе деньги, борец за идею... Чтобы не голым уйти до прихода непримиримо настроенных к тебе людей. Вот и вся сущность твоя: не просто голым спастись, а сытеньким, благополучным... Плохо это, скверно, хотя и логично...

— Какая досада! — нагрешил не ко времени, — сказал он и пошел на обгон по встречной...

ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСЕЯ МОНИНА

— Ну, и что делать будем, товарищ воспитатель? — Человек в форме выгасил папиросу, замаял узловатыми пальцами ее мундштук. — Два побега, драки нескончаемые — этого вот, Котова, сегодня изуче-чил, поведение вызывающее... Опять изолятор?

— Ну, да и Котов не херувим! — Собеседник — полный, с зальсынами, в мешковатом костюме — выдернул глубоко скрывающуюся под рукавом пиджака манжету застиранной рубашки. — А Монин... Наша тут вина, кажется. Ключа не подберем. Мальчишка он дерзкий, конечно, злой, но чистый...

— Чи-истый! — протянул человек в форме не то насмешливо, не то раздумчиво. — Вы что, его личное дело забыли? Ограбление магазина, вооруженное сопротивление милиции... сержанта ранил! В пятнадцать лет! Волк растет!

— Ну, а детство какое? Война...
— А у меня какое детство? — Человек в форме резко поднялся со стула. Машинально оправил ремень. — Отца в гражданскую убили, нас у матери пятеро... Деревня, голод, я за старшего... А у вас? Тоже не во дворце с пианинами... — Замолчал.

В дверь постучали. Вошел подросток: крепкий, большого, надуленно-сдержанный, в громоздких, с побитыми носками ботинках. Враждебно-затаенный взгляд скользил по комнате, ушел в себя, глубоко. — Присаживайся, Монин, — вздохнул человек в форме, внимательно рассматривая дымящуюся папиросу. — Куришь, поди? — спросил вскользь.

— В рот этой отравы не беру, — прозвучал ответ. — Не дурак, чтобы потом гноем отплевываться.

— А я, выходит... — начал военный изумленно.

— Ну, вот что, Алексей, — вступил человек в гражданском. — Я как воспитатель должен в последний раз тебя предупредить: если...

— Если, если... — Парень вскинул яростно блестящие глаза. — За дело я Котову впечатал, гниде! Кого хотите спросите... Разжирел на кухне, силы от харчей поднабрался, куролесит, падла, в миски харкает, кто ему слово скажет; обирает всех... И чтобы я ему койку заправлял и пятки чесал...

— Вывернул ему стопу, избил зверски, — констатировал военный. — Табуретом! Сотрясение мозга, губы зашивали, два ребра сломано, врач говорит: в больницу надо везти, в город. Это же преступление, Монин! Он теда... хоть пальцем тронул?

— Других тронул.
— Ишь... защитник! Адвокат! — Военный притушил папиросу. — Робин Гуд!
— Чего? — переспросил парень.
— Чего... Книжки надо читать, а не табуретом размахивать...

— Монин! — Воспитатель коротко оглянулся на военного, и тот замолчал, вновь разжигая папиросу. — Монин... дай слово, что больше такого не повторится. Слово мужчины.

— Не дам.
— Почему?
— Потому. Котов — мразь, — убежденно повторил парень. — Вот выйдет отсюда, вырастет, точно завмагом станет. Крыса. Его только пусти, где сытно, все сожрет. Давить таких буду.

— Пойдешь в изолятор, — тяжело дыша, сказал военный, стиснув плечо воспитателя — мол, помолчи. — Понял? Пойдешь... если не понимаешь человеческого...

— Испугали! — Парень сплюнул в угол. — Мне и в карцере есть чем заняться.

— Ты у меня поплыви! — угрожающе вздыбил плечи военный.

— Чем же ты собираешься заниматься в изоляторе? — тихо спросил воспитатель.

— А я там бегаю. — Парень зевнул. — Бегаю, приседаю... Отжимаюсь. — Помолчал. — Сплошная физкультура. Устану — посплю. Проснусь — по новой...

— Спортсменом хочешь стать? — спросил военный неожиданно миролюбивым тоном.

— Не-а, — лениво сказал парень. — Хочу таких, как Котов ваш, с одного удара валить. Без табурета.

— Дура ты, — проронил военный устало. — Думаешь, крепким кулаком все в жизни решишь?

— Вы умный, — отрешенно парировал парень.

— Погоди, Алексей. — Воспитатель, засунув руки в карманы, неуклюже прошелся по комнате, внимательно осматривая грубые потеки масляной краски на стенах, хлипкие стулья, решетку на окне, будто запоминая все это. — Вот ограбил ты магазин. Кому хуже сделал, ежели из чистого принципа исходить? Продавцам, которых за жуликов посчитал?

— Ну. — Парень поднял на него уверенный взгляд. — Ревизия там потом была, одного посадили, точно знаю.

— А в милиционера зачем стрелял? Милиционер-то не чета жуликам, верно?

— Оборонялся. Или я его, или он меня... Чего непонятного?

— Так. — Воспитатель с силой потер затылок. — А награбленное куда бы дел?

— Себе взял. — Парень не раздумывал. — Заработанное, чай.

— Заработанное? Чем же? Трудом?

— Шкурой. — Ответ прозвучал резко. — Риском. Кто как умеет. Один — руками, другой — башкой, а третий — и тем, и другим, а еще — волейной. Так вот!

— Слабенькая у тебя позиция, Монин, — сказал воспитатель. — Слабенькая и плохонькая. Один ты против всех. А вокруг либо жулики, по твоему разумению, либо враги заклятые. Ну, а ты в мечтах своих самый из жуликов сильный, самый отважный, да? И потому есть у тебя право стрелять, людей калечить... Котов же ведь никого не...

— А трус потому что, — лениво перебил парень. — Срока боится, карцера, фрайер...

— Ты слова подбирай, слова, — сказал военный напряженно.

— Ну чего, макаренки? — весело спросил парень, поднимаясь. — Спать хочу, организм требует... Куда мне? На койку отпустите или в изолятор?...

— У тебя наряд сегодня, Монин, — сказал военный. — Вне очереди. В ночь. Так что с койкой обождать придется.

— Сортир, значит, драить? — Парень потянулся. — Не, другого ищите. Котов вот с больнички возвратится... По нему дело!

— Ты себя что... лучше других считаешь? — Воспитатель повысил голос.

— Лучше.

— Монин! Ты сейчас же отправишься в наряд... — отрывисто, на звенящей ноте приказал военный.

— Ясно, — кивнул парень утомленно. — Значит, в изолятор... — И вышел за дверь, пискнувшую провисшей петлей.

— Во экземпляр, — обреченно качнул головой воспитатель. — Придется, значит, ужесточить... меры.

— Страх в нем нет, — отозвался военный задумчиво. — Стенкой закончит, до упора пойдет, знал так...

— Так мы же его остановить должны...

— Должны-то должны... — Военный перевел взгляд на серую, растрескавшуюся штукатурку потолка. — Да попробуй переломить его... Ты читал, как он на следствии себя вел? Ведь насчет оружия серьезно его крутили, без скидок, что малолетка, а ничего не вышло: нашел и нашел, где — не помню.

— Он действительно в изоляторе это... отжимается? — недоуменно спросил воспитатель.

— Угу, — угрюмо подтвердил военный. — Как заведенная машина. На хлебе-воде, а все равно — до трех потов. Воля! Не на то дело употреблена только. Кабы в другое русло ее...

— Кабы! — сказал воспитатель.

ДЕЛА ПОВСЕДНЕВНЫЕ

Забавная была карикатура в газете, веселенькая: два дружка шагают по улице мимо пиццерии, и один говорит другому, в подтексте выделяя итальянское наименование учреждения: не ходи, мол, Вася туда, в пиццерию — там мафия!

Он свернул с дороги прямо на тротуар, обогнул здание и поставил машину сбоку от пиццерии. И подумал: до чего же обманчиво мироощущение обывателя! Как падок он на некие тайны, как увлекают его термины «мафия», «бизнес», слухи о дерзких преступлениях, вообще все подпольное! Обыватель живет в домислах и сплетнях, не зная главного: зарабатывать деньги преступным путем скучно. Ибо заработать много можно не на разбойно-хулиганской стезе, а на хозяйственно-экономической, где нет никакой романтики.

Ярославцев был уверен — в этой пиццерии не погорит никто. Каждый здесь зарабатывал в день столько, сколько без смущения мог бы предъявить при выходе кому угодно. Не наглей, на излишках излишков. И того хватало. Коллектив был дружный, на авантюры не падал, работающий во благо клиента. Люди нормально трудились, и он с удовольствием помогал им практически на общественных началах.

Невзирая на томившуюся у входа очередь, он подошел к двери, постучал. Толпа не пикнула, сразу разглад в нем начальственную статью...

Человек в униформе помог снять пальто.

Ярославцев прошел к стойке бара. Виталий коротко посмотрел на него; поправив «бабочку» на белоснежной, с короткими рукавами рубашечке, кивнул в корректном приветствии:

— Перекусите?

— Обязательно.

— Тогда утоляйте аппетит и заодно поговорим. Пиццу сейчас принесут. Такую испекут — в Риме не попробуете...

Пиццу и впрямь принесли отменную: ароматную, с грибами... Потягивая ледяную пепси, он завтракал, обсуждая дела в неторопливой беседе с Виталием. — Барменом в валютный бар мальчика пристроим? — спрашивал Виталий уважительно-вкрадчиво. — Документы в полном порядке, опыт есть, классный рюмлен-пролетарий... Я слышал, в «Интуристе» освоилось местечко...

— И почему ты меня обижаешь? — Ярославцев медленно отер рот салфеткой. — Что, сам не способен решить эту проблему? Не надо... обращаться ко мне по подобным кадровым вопросам. Или... у тебя есть еще кандидатура уборщицы в Совет Министров?

— Извините... Просто хороший парень... Ладно. Другой вопрос. В тресте туго с поставками. Дефицит идет по чайной ложке. Фирменных напитков мало, а клиент капризный пошел, венгерское сухое за оскорбление принимает, кьянти ему подавай; с ветчиной баночной перебои... Я не от себя прошу, поймите: мне начальство наемнуло: пусть бы твой друг подсобил... Ну а что потребуется — через меня...

— Решим. Но в течение следующей недели. Все у тебя?

— Пиво есть баночное. Загрузить картонку?

— А сигарет найдешь приличных? В смысле настоящих, не лицензионных...

— Блок найду. Я сам через Матерого хотел... — Виталий осекся.

— Сколько сигарет он тебе поставил? — спросил Ярославцев сухо. — Ну? Только не ври, это плохо влияет на мое отношение к людям.

— По мелочи... Пять коробок... Сто блоков. Семечки... да и когда было!

— «Парламент»?

— Ну... да.

«Вот что значит — знакомить коммуникабельных негодяев, — отрешенно глядя в лицо собеседника, размышлял Ярославцев. — Сразу снохаются, повилыют хвостами и начнут свои собачьи игры у тебя за спиной. Хорошо — игры, а то перегрызутся, и ты же будешь виноват...»

— Я пока дожую, — сказал, поморщившись. — А ты... вот ключи, пиво поставь в багажник. Сколько денег надо?

— Меня тоже не стоит обижать, — с достоинством ответил Виталий и, подхватив ключи в воздухе над бокалом, удалился.

Питательная пицца приободрила... Дальнейший хлопотный день, казавшийся невероятной тяжестью, легко выстроился в схему: сейчас на станцию, переобуть две покрышки, зайти к директору — ящик дефицитных контактных групп для замков зажигания прибудет к нему послезавтра. Это — начало, первая партия пошла в производство в подсобном цехе одного из

захудалых заводиков. И уж эти контактные группы будущих хозяев не подведут — технология их изготовления куда выше импортной. Заводик же с данного подсобного цеха способен начать свое второе рождение — лишь бы духу у директора хватило, да только вряд ли хватит: слабенький хозяйственник, без инициативы, трусоват...

Он вышел из пиццерии, хлопнул по плечу Виталия, дожидавшегося его у машины, и уселся за руль.

Визит в автосервис решил отложить на часок. Неподалеку была еще одна «контора», куда заехать представлялось нелишним...

Остановил машину у старого московского дома, прошел в высокий, с мемориальной доской у входа подъезд. Звонок. Желтая точка врезанного в двустворчатую дверь «глазка» на мгновение потемнела, потом осторожный голос вежливо осведомился: «Кто?» — видимо, личность посетителя впрямь разглядеть не сумели...

— Открывайте, Эдуард, пока свои...

— Тсс... — Лысый сутулый Эдуард, поправив очки — огромные, стрекотинные, приложил палец к тонким губам. — В комнату тихонько пройдем, переводчик там...

Мрачно усмехнувшись, Ярославцев покачал головой. Снял пальто. Тихо, как и просил хозяин, проследовал в комнату.

То, что, увы, и ожидалось...

Респектабельного вида переводчик в галстуке, с пухлыми наушниками фирмы «Сони», удобно расположившись в кресле с бокалом аперитива, бубнил в микрофон фирмы «Акай»:

— История мира? Да чего ее изучать, я знаю: сначала были динозавры, после они сдохли и превратились в нефть. А потом появились арабы, начали нефть продавать и покупать «мерседесы».

Телевизор фирмы «Джей-Ви-Си» демонстрировал очень сомнительный фильм, а десять видеомагнитофонов, расставленных на полу, копировали продукцию. Тут же грудями теснились кассеты разнообразных фирм. Ярославцев уловил еще один нехороший симптом: наклейки с ценной на кассетах указывали на их приобретение в магазине, торгующем на живую валюту...

— Пройдемте на кухню, Эдуард, — шепнул он хозяину на ухо. — Оторвитесь... Времени мало.

На кухне работал лазерный проигрыватель, и с крутившегося на нем серебристого диска копировала еще парочка магнитофонов.

— Ну, я все понял, — сказал Ярославцев. — Аппетиты, Эдик, у вас выросли изрядно.

— Ой, не надо праведных нотаций, — отозвался тот. — На плачевный финал намекаете? Ну... если суждено, судьба, значит.

— Позвольте объяснить вам элементарные вещи, — продолжил Ярославцев, чувствуя, что говорит впустую. — Я понимаю: кассета без записи стрит одно, а с записью — совершенно другое... Наклейки, кстати, сдериет — тут еще и валютными операциями попахивает... Дело выгодное, ясно. Но у каждой кассеты есть свой покупатель. Кассет — сотни. Вероятность прокола...

— Я все сдаю через скупщика.

— Поздравляю. Вероятность уменьшается. Но не исчезает. Потом. Что вы пишете? Я видел названия... Сплошное торжество плоти...

— Люди берут, — со вздохом перебил Эдуард. А потом... основную массу не увлекает ни Феллини, ни Антониони...

— Может быть. Но зачем сознательно идти на статью? Я же, казалось, убедил вас: появились видеотеки — развивайте дело на государственных принципах...

— Знаете... — Эдик выдержал скорбную паузу. — Я не подвижник. Пробовал — не получилось, извините. Каждый фильм согласовывай, нервы трепи, всякие художества... А цены? Кому нужна пленка на вечер за такую цену! Слева — дешево. Более того, практически... бесплатно. Человек покупает пленку. С дивной коммерческой картиной. Пусть она у него год в обороте, потом он отдаст ее либо за те же монеты, либо в обмен... Одно слово: вклад! С видом на проценты, кстати. А мне — доход. Да и чего за зарплату ломаться? Вон лазер работает... круглосуточно. Чистейшее воспроизведение... Полсутки — уже зарплата! Так что мне надо, не мальчик. Вот если бы вы со своими связями в дело включились...

— Порнографию распространять?

— Мы распространим... Нам материалы нужны: пленка, техника. Я не хочу вас обидеть, поймите... Я знаю: вы смотрите на меня, как на дешевку, но каждый живет своим, и не приставляйте мне собственную голову.

— Сколько магнитофонов пришло сюда через Матерого? — внезапно спросил Ярославцев.

— Ну это... Эдик замешкался, — это... наши дела, простите, конечно...

— Эдик, — произнес Ярославцев с нажимом. — Я понимаю: вы человек независимый, самостоятельный, не любите поучений, но обязан заметить: вам изменяет чувство меры, мой мальчик, в смысле демократии по отношению к старшим.

— Да я ведь... — отозвался Эдик с ноткой испуга, и глаза его за гигантскими стеклами очков моргнули. — Я-то чего? Ну... двадцать, может, тридцать магнитофонов... Только — между нами...

— Именно — Ярославцев направился в прихожую. Молча оделся.

— Вы правы. — Эдик задумчиво поджал губы. — Понимаю — правы! А... не в состоянии на тормоз нажать! Тут приятеля свинтили... Ну, а жена сдуру и дала показание — да, кое-что смотрела... Не жена даже, сожительница. Центровая девка, понравилась, поселил возле себя... В общем, семейка на чисто общественных началах: если он налево ходил, то она — и налево, и направо. А суд влепил по полной заготовке. За развращение супруги! Она как услышала, ржать начала — я думал, плохо ей будет...

— Плохо будет, Эдуард, очень плохо. — Ярославцев затворил дверь.

Ах, Матерый, ах, Лешка... Главное, откуда? Магнитофоны, сигареты, ондатра... С честным взглядом врал ты о «чистых» источниках, с напором врал! А я, дурачок, если и не верил, то принуждал себя верить, хотел! И пристраивал эти «излишки», списанное якобы, бракованное, негодное... А икра? А рыба? Неодобримое перевыполнение плана рыбозавода: или в море выбрасывать, или... Пошел ты на это? Пошел! Деньги получил? То-то. Подумай. Эдик, Виталий — вот уже двое за сегодняшний день, кто, не зная истинную тебе цену, верно о ней догадываются. Первым, конечно, скрутят Матерого, и уж потом только начнется перебор звеньев цепи, так что запас по времени тебе обеспечен. Но каков он, запас? Вопрос неотвязный, ставший уже частью существа, вьезшийся в душу.

Ну-ка, давай все взвесим холодно, отстраненно. Кое-что тобою приготовлено, но так, с ленькой, на всякий случай... А не пора ли подготовиться основательно и детально, чтобы достойно встретить свой самый черный день?

Однако еще вопрос: при чем здесь ты и такое высокое, благородное слово «достойно»?

СЛЕДСТВИЕ

Кажется, я делаю карьеру. Три убийства, совершенных из одного и того же «Вальтера», произвели впечатление на начальство, и теперь создана бригада, где оперативную часть работы ведет Лузгин, а следственную — я с многочисленными помощниками, толку от которых, правда, на данном этапе мало. Остальная текучка благополучно сплавлена сослуживцам.

Интересные результаты дала проверка рабочих на стройке. Даже не столько проверка, сколько допрос бульдозериста, зарывавшего траншею. В беседе всплыл факт: оказывается, он, студент, накануне перед убийством отпрашивался на занятия у бригадира. Свидетелей разговора рядом не было, только стояла неподалеку такси, и таксист копался в багажнике. Таксист был в клетчатых брюках, а машина — синего цвета. Не голубого, не фиолетового, именно синего... И вот что характерно: таксист вполне мог слышать разговор бригадира и студента-бульдозериста. Я убедился в этом, выехав на место. Допросил бригадира. Показания бульдозериста подтвердились, но выплыла дополнительная деталь: на заднем стекле у таксиста имелся какой-то обогреватель — аляповатый, самодельный, в виде неровных серебристых полос...

Скоренько проверили близстоящий дом. Таксист в нем проживал, но по данным не подходил: вообще в ту смену не работал, «в ношении клетчатых брюк не замечен» и так далее. Тогда подчиненные Лузгина получили на руки следующую схему: синее такси, серебристый обогреватель, клетчатые брюки, график работы.

— Разврат, а не работа, — сказали они. — Обычно, если такси — то неопределенного цвета и все данные, а тут — палитра!

Спустя сутки передо мною лежала фотография некоего Коржикова Михаила, который сидел за рулем синего такси накануне убийства, обладал клетчатymi штанами и, наконец, подвозил установленную гражданку в интересующий нас срок к новостройкам, по адресу ее постоянной прописки. Личные связи гражданки с Коржиковым после предварительного неофициального выяснения не подтвердились, но подтвердилась версия о наличии данных по Коржикову в наших картотеках, как дважды судимого за спекуляцию автомобилями.

«Волга», на которой ехал преступник, оставив в лесу трупы «гаишников», не соответствовала следам «Волги»-такси, однако предположение о Коржикове, как пособнике убийцы, представлялось оправданным.

С таксистом я решил работать деликатно, сосредоточив всю имевшуюся в наличии оперативную мощь на его скромной персоне: где живет, с кем дружит...

Выяснилось: Коржиков активно окочачивается в гаражном кооперативе неподалеку от дома, где и «шабашит» частным образом. Выездов в другие города не зафиксировано, круг привходящих лиц не установлен...

Последнее — понятно. Пять лет минуло после при-

бытия Коржикова из ИТК, жалоб на него не поступало, внимание естественным образом ослабло... Вывод тоже ясен: внимание следует укрепить.

Я заканчиваю совещание оперативно-следственной бригады, люди шумно расходятся, в кабинете наступает тишина... Пора домой. Но уходить не хочется. Как-то инерция прошедшего дня держит на месте, ощущение чего-то недоделанного.

Покуда Коржиков может пребывать в спокойствии. В причастности его к убийству доказательств — ноль. Лишь косвенные улики. О прямых же и речи нет. А их надо отыскать. Не ориентируясь на личные впечатления, на гипотезы, не конструируя, одним словом. А вот когда конструирование начинается, когдаследователь идет по придуманной им же самим схеме, он подобен палачу, неторопливо вывязывающему прочный узел на петле... Знал я таких... Их кредо — непоколебимая убежденность, будто ошибки неизбежны, а по высшему счету они все равно правы. Бывшие грехи подследственного или же чисто эмоциональная неприязнь к нему — большое подспорье в ведении дела для подобных конструкторов. Результаты же их достижений налицо: от откровенной ненависти безвинно пострадавших до хорошего общественного мнения о вершителях правосудия в целом. И ведь действительно: встречаешься порой с людьми глубоко порядочными и сталкиваешься вдруг с их явным неприятием тебя как представителя органов, в которых видят они начало не столько правоохранительное, сколько карающее. Причем карающее слепо, чуть ли не механически.

Нагружен следователь, работает урывками сразу над десятком дел. В голове одно: быстрее бы закончить, уложиться по срокам, закрыть, сдать в архив или в суд, и вот получается иной раз: выходит из КПЗ — за недоказанностью, скажем, гордо поплеывая, — откровенный бандюга. А невинный доказывает, что он не верблюд, лишь на суде или благодаря апелляциям.

А подарочки от подозреваемых или подследственных... Было недавно дело по взятке... Остановили работники ГАИ машину: грязную, битую, начали снимать номера. И сунул им хозяин червонец — отвяжись, мол. Тут его за взятку и оформили в ближайшем отделении, припилив червонец к протоколу. Отрицал он сначала, говорил — на штраф давал, а после созрел. Но как созрел? «Я же, — сказал, — и подумать не мог, что так обернется... Ведь брали же, и причали давали... У меня в бюджете уже графа запланированная была: на ГАИ... И вдруг — нате, принципиальные!»

Неприятно мне было этим делом заниматься. Бред какой-то.

Звонит телефон. Звонок нетерпеливый, прерывистый — междугородный. Снимаю трубку. Точно — на проводе Баку.

Управление внутренних дел этого красивого города разоряет свою бухгалтерию на изрядную сумму — разговор длится около двадцати минут. Мне сообщается, что завтра самолетом придут очень интересные материалы. Также сообщается, что, посплав в УВД фото покойника, мы подтолкнули к расследованию сразу несколько дел. Убитого звали Лев, фамилия Колечницкий, поставлял в Азербайджан сигареты, бытовую радиоаппаратуру, кассеты, импортные куртки; связан с браконьерами, промысловыми осетровыми породами рыб, снабжал их необходимой снастью, покрывками от шасси «Ту-154»... Остальное — в материалах, уже мне высланных.

Информация вываливается на меня, как из мешка; мысли путаются: осетровые, куртки, кассеты... Ладно, тут ясно, но при чем покрывки от шасси «Ту-154»? Или лов идет с помощью самолетов? Нет, у меня определенно очень интересная работа...

ИЗ ЖИЗНИ ВАНИ ЛЯМЗИНА

Судьба Вани Лямзина поначалу ничем не отличалась от судеб тысяч его сверстников: детсад, семья и школа. Мама — зав. буфетом на автовокзале, папа — механик в гараже НИИ, дом крепкий, достаток и благополучие. С трючками окончив десятилетку, был Ваня пристроен на службу в НИИ, где трудился отец. На должность лаборанта в головную лабораторию. Нелегко доставались блага бытия юному Ивану в ту пору: зарплата была мизерной, работать заставляли много. И стонал лаборант, размышляя, где бы иное местечко найти — хлебное да вольготное, но суровый родитель любые заикания о таких мечтах пресекал, жестко заставляя Ваню трудиться, где указано. Так и трудился Ваня — с вдохновением раба под ярмом, через пень-колоду, замечая между тем любопытных вокруг себя людей, в частности шефа лаборатории — ловкача и пройдоху, лихо обращающего научные изыскания на пользу себе, не вылезавшего из заграниц, с «Волгой» и прочими атрибутами благополучия.

И как-то этот шеф поймал Ваню на гнусенькой краже, когда залез тот в сумку одной из чертежниц,

похитив четвертной. Ну, подумал Ваня, вот и конец: выгонят и посадят: шеф был не только ловок, но и жесток... Однако шеф не выгнал и не посадил Ваню, даже отцу не нажаловался — то ли потому, что Ванин папа машину ему чинил регулярно и бесплатно, то ли перевоспитать решил, то ли пожалел, ибо младшего неразумного собрата своего в нем узрел. Так или иначе, но стал с тех пор Иван секретарем-машинисткой сильного шефа, мотивировавшего такое назначение, как изоляцию молодого человека преступных наклонностей от коллектива беззащитных труженников. А Ване — что! Пошла у него жизнь праздная, независимая — начальник появлялся редко. А после поступил Ваня в институт не без помощи шефа — с тайным желанием подобной же карьеры. Так и расстались они навсегда. Однако засело в Ване накрепко: выгодно находиться под сенью человека сильного, работа за зарплату на деликатных услугах. И спокойно заниматься устройством собственных делишек, дабы скопить капиталец на черный день, на случай, когда сильный вдруг да ослабнет либо попросту решит поменять помощника.

Вскоре умер отец, но мама, зав. буфетом, семью содержала, крепилась. Учеба в вузе с трудом, но продвигалась, и смутные мечты Вани начали принимать конкретный характер: влезть в доверие к академику, директору какого-нибудь КБ, а после действовать по усвоенным схемам бывшего шефа-благотелья. Но грянула беда. Попался Ваня в институтском гардеробе на краже модных замшевых перчаток. И немедленно из вуза был выдворен. И ждала Ваню армия — искупающая и воспитывающая. Но до призыва предстояло трудоустроиться... А так не хотелось, так не хотелось!..

И тут, словно по заказу, возник возле Вани Сема — толстенький, деловитый человек с лысиной. Сема распахнул перед Ваней горизонты ослепительные. Прошлая жизнь в их сиянии предстала перед Ваней ничтожной и ошибочной, перспективные планы на будущее — наивными и жалкими. Он во всем оказался не прав. И в том, что рисковал шкурой за четвертаки и модные перчатки, и в том, что стремился достигнуть высот какого-нибудь зав. лабораторией или даже академиком...

Сема, человек широкой натуры, предложил Ване зарплату: пятьсот рублей в месяц плюс квартальная премия. Работа же — пустяк: раз в неделю, получив дополнительные командировочные, летать по маршруту Москва — Баку. С «брюликами». На Ваню недоуменный вопрос: что есть «брюлики»? — Сема, мудро усмехнувшись, достал маленький пакетик из плотной коричневой бумаги и высыпал в свою пухлую ладошку мелкие, слабо мерцающие камушки. И Ваня понял: «брюлики» — сиречь бриллианты.

— Тащи трудовую, чтоб участковый не цеплялся, — говорил Сема, щедро наливая Ване коньяк и подавая вилку с куском семги. — Истопник, устроишь? Зарплата начальнику, сам — свободен... Пакетик, взял, пакетик передал. Спецкурьер. Мнешься? Трусишь? Напрасно. Вот я — да, должен бояться. И знаешь чего, в первую очередь? Длинного твоего языка. Вдруг — кому-либо из друзей брякнешь или любимой девушке...

Ваня чистосердечно оскорблялся: неужели он похож на дурака?

— Нет-нет, — качал лысиной Сема, как бы извиняясь, — ты очень умный, я сразу понял...

И через несколько дней Ваня — с томлением и с тайным страхом в груди, однако гордый ответственной и таинственной миссией, вылетел с первой партией «брюликов» в Баку.

Работа ему понравилась. Самолет, комфортабельное кресло, красивый теплый город с пальмами и приморским бульваром, шашлыки из северюги, сухое вино, фрукты... И — полминуты на процедуру передачи пакетика в обмен на дензнаки условленному лицу в условленном месте. Высокий класс! Жизнь обрела сладостный оттенок и глубочайший смысл, состоявший, по мнению Вани, в том, что довелось ему, наконец-то, горделиво возвыситься над суетой.

В модной рубашке, импортном костюмчике, он уже по-хозяйски входил в прохладный салон самолета и, со скукой наблюдая за манипуляциями стюардесс, заученно демонстрирующих пассажирам правила обращения со спасательными жилетами под комментарий из динамика: «...так как наш полет проходит над значительной территорией водной поверхности...» — призрагивал к карману пиджака, где лежал очередной пакетик с очередными «брюликами», думая о программе развлечений: пляж, бар, знакомство с дамой, ресторан...

Дураки все! — так думал Ваня.

В семь часов утра позвонили в дверь. Ваня, уже привыкший спать до полудня, очумело вскочил с кровати; даже не спрашивая — кто? — открыл дверь...

И о н и вошли. И все кончилось. Авиарейсы, пятьсот в месяц, премия, шашлыки и возвышение над суетой — последнее было для Вани особенно трагично. Жизнь показала фигу.

Механика расследования сложностью не отличалась: взяли Сему, тот заложил курьера, то бишь

Лямзина; взяли курьера, обнаружив в его квартире партию «брюликов».

— Ничего не знаю! — отбивался «наученный» Ваня. — Милиция подкинула! Требую прокурора!

— Ах, милиция... — задумчиво сказал прокурор. — Ах, уж эта милиция! Ну да ознакомьтесь сначала с документами. Прошу: акты экспертизы.

Бриллианты оказались мечеными изотопами. Ваня, кое-что разумеющий в науке — НИИ чего-то стоил! — признал вину... Впрочем, не слишком отчаявшись. Ну, курьер — взял пакетик, передал пакетик... Авось обойдется. Авось неизвестные коллеги-истопники возьмут на поруки, а добренькие дяди из органов примут во внимание молодость, естественно связанные с ней ошибки и, надеясь на армейское перевоспитание, отпустят Ваню по-доброму в солдаты.

Но дни шли, КПЗ становился привычным местом обитания, и надежды на добреньких дядь потихонечку улетучивались. Тем паче были бриллианты не только мечеными, но и ворованными, а кроме того, ненастоящими... Толстый Сема, прекрасно осведомленный об истинной цене бриллиантов, не ведал, однако, главного: кому именно они предназначались. Ваня играл роль буфера, должного принять на себя первый удар и дать возможность Семе кануть в безопасное местечко от расплаты одуроченных клиентов. Заинтересованным лицом в бриллиантах был служащий одной из японских фирм, он же — опытный промышленный шпион, с дальним прицелом создавший сложную цепь подставных лиц и перекупщиков. Толстый Сема и не подозревал, что является всего лишь марионеткой наихитрейшего японца... Водили же за нос Сему не без умысла: ибо иметь какие-либо отношения со статьей «Измена Родине» он бы, конечно, не пожелал, да и Ваня бы не посоветовал.

Но рано или поздно все кончается... Компетентные лица, гуманно настроенные даже к иностранцам лукавого нрава, с позором выслали шпиона из страны пребывания, а лысый Сема и остриженный, с оттопыренными ушами Ваня предстали перед судом. И тут-то судьба нанесла Ивану вероломнейший удар. Змей-искуситель, подлый, коварный Сема проходил по делу как мошенник, выдававший заведомо фальшивое за истинное, и получил три года. Услышав такой приговор, Ваня оттаял сердцем: может, обойдется условным сроком — ведь кто он? — мелочь, дурачок лопухий. Из уст строгого прокурора прозвучало: «Прошу восемь лет...» Суд дал семь.

Так Лямзин столкнулся с превратностями закона. Превратности же заключались в том, что перевозимые бриллианты курьер считал настоящими, а потому совершал преступление, карающееся не как мошенничество, а как нарушение правил валютных операций.

Верховный суд, вняв апелляции гражданина Лямзина, скостил три года, но посидеть все-таки пришлось...

Прибыв по месту жительства, Иван тотчас занялся своим здоровьем: спасаясь от угрозы армейской службы... лег в больницу, откуда с диагнозом «язва желудка» явился в медкомиссию военкомата.

Четыре года исправительного труда выработали у Вани стойкое к труду отвращение, и никому, кроме как самому себе, служить Ваня уже не намеревался. Кроме того, отдавая плод нетрудовых доходов, Лямзин, как и подобные ему «гурманы», тянулся исключительно к нему. Однако заработать большие деньги путем безнравственным — с точки зрения официальной морали, разумеется, — идеей заманчивая, но и абстрактная. А все абстрактные идеи не приносят ни гроша — это Ваня уяснил. Так что вопрос «сколько заработать?» был не менее важен, как и вопрос «каким образом?».

Поначалу устроился поближе к дефициту — грузчиком в магазине, когда же раздобыл на совесть сработанный умельцем дипломчик — офицантом в поезде... Вскоре последовала удачная своим разводом женитьба: супруга, получив компенсацию, прописалась к новому мужу, а Ваня очутился один в просторной двухкомнатной квартире. Пришла пора обустроиваться. По счастью, взяла «халдеем» в хороший столичный ресторан, и начал жить-поживать Лямзин под крылышком директора, очередного покровителя. Бежал Ваня по приватным директорским делам, выбивая себе тем льготы по службе; держал язык за зубами — этой науке он выучился на «отлично» и потому авторитетом и доверием у патрона пользовался заслуженно. Но хорошее, увы, проходит быстро. Грянула в стране борьба за трезвый образ жизни, оскудел поток чаевых, днем клиент сидел смурной в ожидании комплексного обеда, ибо деликатесы под компот — баловство.

Борьба за трезвость сильно Ивана смутила. Но вскоре заметил: начали с открытием ресторана приходиться особо смурные — приходиться как к оплоту последней надежды и, доверительно дыша перегаром, совать мятые червонцы — выручай!.. И выручал Ваня: нес в нарзанных бутылках прозрачный напиток, куда более целебный для смурных, нежели богатая полезными минеральными солями газированная водичка. И куда как с большим энтузиазмом ходил теперь на работу Иван! Ящики спиртного штабелями стояли в его

квартире, и не оскудевали запасы: благо имелись «концы» в трех магазинах с уютными лазейками для избранных.

Счастье, однако, привалило и отчалоило. При проверке ресторана органами ОБХСС был Ваня обезврежен буквально «на лету», когда нес в зал, красиво держа мельхиоровый поднос, емкость с псевдо«Эссен-туками».

Помотали нервы, погрозили, но обошлось легко: увольнением по статье.

Директор, тоже получивший по шапке за нерадивого подчиненного, все-таки снизошел к проблемам его нового трудоустройства. В приличных местах, сказал директор, хода тебе в настоящий момент нет, но так, чтобы на хлеб хватало, устрой. Есть у меня патрон, Ваня. Ищешь себе надежную шестерку. Пойдешь в шестерки? Тогда замолви словечко...

— Хотя шестеркой, хоть джокером, — отозвался уставший от невзгод Иван. — Только чтобы платили как валету по крайней мере.

Так встретился Ваня с Ярославцевым. Не прошло и первых пяти минут разговора с этим человеком, как Лямзин прочно уяснил: вот — босс! И какой! Куда до него прошлому вертопраху нишнему и идолам ресторанным, не говоря уж о хитреньких семах... И потому откровенно изложил Иван всю правду о своей жизни, со всеми ее неудачами и разочарованиями.

— Значит, Иван, так, — выслушав, без смехов, сопереживаний и вопросов, молвил босс. — Дам я тебе зарплату: триста рублей. Будешь бегать по министерствам с бумажками. Свободного времени гарантирую тебе, гонорары тоже устрой от случая к случаю, только работай честно. А дальше, проявишь себя, другое занятие подыщи. Но учти: финтить станешь, в самостоятельность потянет — петля! С гарантией.

И бегал Ваня полгода с бумажками, и зарплату получал исправно, и гонорары перепали, и зарекомендовал он себя человеком исполнительным и неболтливым.

— Что ж, Ваня, — сказал босс через полгода, — отбегался ты, хватит. Зарплату не урезаю, но дело теперь будет иное... Вернее, два дела. Ты, как понимаю, по складу характера лентяй и домосед. Любишь, нежась на диванчике, глазеть в телевизор и мечтать о лучшей жизни, не выходя из дома... Не спорь, замечал. Вот и получишь работу в соответствии с природными наклонностями. Одно «но»: надо, Ваня, научиться немного шить... Это — первое дело. Одновременно — новая полезная профессия. И доходы от нее к «зарплате» отношения не имеют. А то, что за «зарплату» делать придется — через месяц расскажу.

Срочным порядком выучился Лямзин шить зимние ушанки, законно приобретя на то лицензию. А с сырем — в частности с ондатрой — крупно подсобил босс. Сколько на машинке настроишь, столько и заработаешь — таков был принцип. Минус, конечно, естественные вычеты и проценты, но сумма прибыли все равно набиралась изрядная.

— Теперь — второе дело, — заявил вскоре босс. — За «зарплату». Одну из комнат в твоей квартире на время займет мой человек. Живи с ним мирно и дружно, к тому же не так часто будет он тебе досаждать своим присутствием... Но помни: каждое слово человека этого, каждый жест должен знать я — твой... шапочный знакомый, понял? Комнатку твою оборудуем соответственно: поставим некоторые механизмы на телефон, на прочее... И все-то ты, Ваня, строча шапочки, обязан фиксировать... За что и платится тебе зарплата. Идет?

— Мне — нравится, — сказал Ваня. — Только вот одно: как бы не сесть за шпионаж?

— Исключено, — отрезал босс. — Время пройдет, поймешь: тут дела не внешние, а внутренние, причем не просто внутренние, а мои внутренние... Ты же — в роли частного детектива. А за это не сажают...

Вскоре в квартире появился здоровенный коренастый мужик, представившийся Алексеем. На жизнь Ваня не сетовал: шапки шились, деньги текли, а квартиру сосед навещал изредка, и замки на запертой теперь двери коммунального сожителя Лямзина не смущали. Когда же тот появлялся — бывало, что не один, врубал Ваня хитрую звукозаписывающую аппаратуру, а после его отбытия — из автомата, как условлено, брякал боссу: материал есть!

В сущность вмененных ему обязанностей Иван вник, руководствуясь элементарной логикой, и вник верно: коренастый Леша, видимо, ходил в ближайших подручных у общего их руководителя, которому надлежало знать о всех телодвижениях особо доверенных подчиненных... Мысли свои по данному поводу Ваня откровенно высказал Ярославцеву, и тот ответил: «Да».

— Значит, я — Ваня-филер, — резюмировал Лямзин. — Одновременно — содержатель конспиративной квартиры. Так! Возникает вопрос. На шапочках, спасибо вам, проживу я теперь без страданий всю жизнь. Так зачем искать приключений за дополнительные триста рублей? Отвечу сам: я вас уважаю, начальник. И знаю: поможете, когда фортуна повернется задницей. Это держит... Но мне нужны гарантии. И — никакого соучастия... За придурка я уже отработал с «бриллиантами».

— Ты не подставка, Иван, — ответил Ярославцев серьезно. — Ты страховка. Я ее выплачиваю, я ее и сохранил. Мое слово. За одно не ручаюсь: за твои собственные безграмотные начинания...

Иван поверил. Удивительно, но впервые поверил: тут он имеет дело с честным человеком.

СЛЕДСТВИЕ

На квартиру Льва Колечицкого мы прибыли немедленно по получении ее координат, но, едва оказались в прихожей, сразу поняли: искать здесь что-либо бессмысленно: опередили. И работали наверняка методично, без спешки, на совесть. Да и понятно: на себя работали, на безопасность свою и благоденствие. Ценностей, естественно, мы тоже не обнаружили: два тайника пустовали, исчезли несколько картин — пустые рамы валялись на балконе; видеоманитонфон с кассетами тоже был изъят: провода его подключения тянулись от телевизора к пустой нише.

Покойный жил широко. Собственно, этот единственный вывод мы и унесли из бывшей его обители. Опросы соседей ничего не дали: Лев сторонился их, даже на порог к себе не пускал. Перспективным материалом представлялась лишь куча пустых пыльных бутылок с балкона. Если Лев пил не в одиночку, на посуде могли сохраниться кое-какие отпечатки... Во всяком случае, просчет «рубивших концы» здесь виделся, если только не их уверенность, что экспертиза порожней посуды нам ничего не даст. Так или иначе — бутылками я решил не брезговать.

Командировка Лузгина в Ростов оказалась продуктивной: подтвердила личность Колечицкого, обозначила специфику его деятельности по сбыту краденого. Кроме того, шепнул Лузгину тамошний уголовничек, будто имелся у покойного дружок-автомашер, легко достававший любые запчасти и виртуозно производивший сложнейшие ремонты. Некто Толик. Дал уголовничек и общее описание Толика, с которым как-то по пустяковому делу — требовался распредел «Жигулей» — он встретился, будучи в Москве. Вал был приобретен по спекулятивной цене, но данный факт значения не имел. А вот описание Толика сходилась с портретом человека реального — Анатолия Воронова — хозяина одного из гаражей в кооперативе. И в подручных у него числился Михаил Коржиков, таксист.

Воронова и Коржикова мы бережно пасли — этаких овечек, вернее, волчишек в овечьих шкурах. Понимаем: они — всего лишь пещки, но через них открываются пути ко многому, и спугивать волчишек — не резон. Начальство соглашалось с моей осторожной тактикой, но, соглашаясь, напирало тем не менее: надо начинать посадку, куда не кончилась весна. Объектом требований такого рода обычно выступал Коржиков. Благодарный объект, действительно. Но недоступный. Прямых улик на него до сих пор не имелось.

Препоручив этих двух голубчиков Лузгину под опеку, я взял билет до Баку.

Местные коллеги из водной прокуратуры — люди щедрые, деликатные и гостеприимные, прислали за мной машину.

С коллегой, назвавшимся Изиком, прошли в один из портовых закутков.

— Ну вот, смотри, дорогой... — Гид откинул брезентовый полог с носа лодки, вытаскивая на берег. Даже не лодки — скорее баркаса, причем размеров внушительных — на такой посудине в случае кораблекрушения мог бы спастись экипаж эсминца. — На таких плавсредствах наши браконьеры и промышленляют. Ничего? — Больно здорова ладья, — отозвался я.

— Судно на суше — как чайка в клетке, — цветисто возразил Изик. — Специфики не знаешь, к «казанкам», видать, привык. Понятно: у вас — речки, у нас — море, у вас — рыбка, у нас — рыба... Знаешь, сколько белуга весит? Центнеры! Отсюда и габариты, чтоб увезти ее. И не просто, а с ветерком! Лично наблюдай с вертолета.

— Ну, коли вертолеты есть, значит... — сказал я. — Ничего не значит, — вздохнул Изик. — Натянут капроновые чулки на физиономию и жмут себе... Мы летим, они плывут. Снизись не в меру, могут по бакам пальнуть — народ отчаянный — большой риск, большие деньги. Да и море характер воспитывает: капризный у нас Каспий, штормы негаданно налетают, гибнет их, браконьеров, много — снасть-то ведь далеко ставится, километров за двадцать — тридцать, а ходят тянуть ее в ночь... Но я не о том. Тележку видишь?

Тележку... Лодка стояла на массивной, соответствующей ее размерам передвижной платформе. Колесами у платформы служили интересующие меня шасси от «Ту-154» — новенькие.

— Откуда резина, выяснили по номерам? — Пока нет, но сегодня сообщат... Как, ничего работают, а?

— Да что им, покрышки от грузовой машины сложнее было достать? — в недоумении спросил я.

— Э-э, дорогой, — умудренно качнул головой Изик, — от грузовой машины не тот эффект. Во-первых, нагрузка: лодку, полную рыбы, на берег закатить надо, в укромное место, под крышу, а вес какой?

— А шасси, значит, браконьерам поставил Лев Колечицкий?

— Он, — подтвердил Изик. — Опознали его наши подопечные. Икру у них брал, рыбу... В следственный изолятор сейчас поедем, сам побеседуешь.

По дороге в следственный изолятор Изик поведал мне интересную историю. Суть ее заключалась в том, что некто Султанов — молодой, но уже злостный браконьер — убил при дележке вырочки за икру своего подельника. Убил на глазах свидетелей, сразу же сдался милиции и сразу же признался в убийстве. Дело скоренько передали в суд, а суд вынес суровый приговор: к исключительной мере... Тут-то случилось непредсказуемое: убийца — Султанов — сделал заявление: он, во-первых, никакой не убийца, а лицо, взявшее на себя вину своего дяди, который воспитывал его с детства, в доме которого он жил; во-вторых, за признание в убийстве дядя обещал ему полмиллиона, досрочное освобождение и райскую жизнь в колонии с увольнениями на волю. В-третьих, обещания дяди подтвердили как небеспопеченные весьма уважаемые люди, и, наконец, в-четвертых, данный прецедент споры двух мелких браконьеров маскировал промышленный лов осетровых, промышленную их переработку и масштабную реализацию продукции налево.

После долгих проволочек, вполне естественных, ибо нелегко следствию и суду признавать ошибки, как бы ни оправдывались они объективностью обстоятельств, голову дурачка Султанова спасли. Дело пересмотрели. Миллионера дядю арестовали, выдал он ценности, создался в убийстве стропитивого «батрака», пытавшегося шантажировать его; поведал о созданных им бригадах рыбаков, о подпольном балычно-икорном цехе, завуалированном под филиал предприятия по ремонту судов на побережье... Убийство, по его словам, он совершил в припадке вспыльчивости, затмения, однако причина убийства, точнее — подоплека, была иной: полная безнаказанность. К этому дяде, и не без оснований, все местные начальники на поклон ходили, искали расположения... Запугать и подкупить свидетелей, заставить заучить их нужные слова труда не составило. Полмиллиона племянничку он отвалил, не моргнув глазом, причем в присутствии некоего должностного лица, подтвердившего: иди, мол, в тюрьму с чистой совестью, не бойся, считай, зарабатываешь этим деньги, а уж там — вытаским...

Вот такая история, полностью подтвержденная позеленевшим от пережитого ужаса и спертого воздуха камеры Султановым. Кроме того, в нашем разговоре всплыли детали, касающиеся дела, расследуемого мною. Покойного Колечицкого Султанов знал: пару раз по поручению дяди встречал его в аэропорту, а один раз перегружал из грузовой машины, на которой Лев приехал в Баку, шасси для тележки. Вот и все.

Дядя Султанова дал информацию богаче: через Леву он поставил множество вещей на Кубинку — черный рынок города; Лева же частенько брал оптовые партии балыки, икру...

Дядя вел беседу со мной очень откровенно — на откровенность, собственно, он теперь и рассчитывал — много не оставалось... Но главного дядя сказать не мог, не знал: кто именно за Левой стоит.

— Его спроси! — горячо убеждал меня дядя. — Его, шакала, он меня подбивал... Рыба, сказал, давай, большим людям надо! От самолет колеса достанут, мотор для лодки... Его спроси, нашалник!

Дядя рекомендовал верные действия, но неосуществимые, ибо должностное лицо, не дожидаясь ареста, решило уйти в мир иной от тюрьмы и позора.

Описание человека тем не менее дядя дал: невысокий коренастый блондин с серыми глазами, физически очень развитый («один такой лодка без шасси в море затащит!»); лет сорока, одет по-спортивному, но изысканно, держится уверенно, не улыбочив...

Блондин этот, судя по соображениям дяди, подставлял Леву как самостоятельного скупщика, дабы избежать контактов с исполнителями.

— Рефрижиратор приехал, грузим, после — до свиданья. Номер фальшивый, взрь! — убеждал дядя.

— Рефрижератор? — с тоской вопрошал я, предвставляя грядущий объем работы...

— Э, для отвод глаз рефрижиратор! — хитро щурясь, махал дядя рукой. — В военный часть тут же, в Азербайджан, а дальше самолет... Туркмения через море, Грузия через гора...

Вечером, ужиная в доме Изика, я поделился впечатлениями от допроса дяди: в частности, непрозрачными его намеками о самолетах «через море»...

— Бывает, — хмуро согласился хозяин, разминая сигарету. — Недавно до ворот части доезжаем, куда голубчики наши за минуту до того въехали, а в воротах — воин с автоматом наперевес. «Кто такие?» Прокурор, говорю, милиция. «А у меня, — отвечает, — приказ: никого не пускать. Что? Командир где? Занят. Политико-воспитательной работой. Опять же приказ: не беспокоить». И автомат поправляет... Ясно, конечно, в армии — не ангелы, потому и военная прокуратура существует, но пока с ней связаться, глядишь — с аэродрома части самолетик поднялся... а-а! — Он в сердцах ткнул сигарету в пепельницу, переломив ее. — Ну, — сказал, — довольно о плохом. Воскресенье завтра, на дачу поедем, к морю...

— Да что им, покрышки от грузовой машины сложнее было достать? — в недоумении спросил я.

— Э-э, дорогой, — умудренно качнул головой Изик, — от грузовой машины не тот эффект. Во-первых, нагрузка: лодку, полную рыбы, на берег закатить надо, в укромное место, под крышу, а вес какой?

— Да что им, покрышки от грузовой машины сложнее было достать? — в недоумении спросил я.

— Э-э, дорогой, — умудренно качнул головой Изик, — от грузовой машины не тот эффект. Во-первых, нагрузка: лодку, полную рыбы, на берег закатить надо, в укромное место, под крышу, а вес какой?

На сцене пустого зала заводского Дома культуры перед жюри, в составе которого не видно ни одного знакомого лица, с деревянными улыбками прохаживаются девушки, решившие принять участие в московском конкурсе красоты. Известные деятели культуры, приглашенные в жюри, познакомились с тем, как мыслят проводить конкурс его устроители, отказались от своих первоначальных намерений.

Отборочный тур. Пухлощкий комментатор задает девушкам вопросы и отпущивает шуточки, но отличающиеся ни тактом, ни остроумием. Девушки появляются в двух нарядах — платьях и купальниках. Они делают роковые глаза и принимают самые, на их взгляд, соблазнительно-очаровательные позы...

Одна из участниц сказала нам, что, если удастся попасть в десятку лучших, она со своих клиентов будет брать а десяти раз больше... Это, конечно, матушечно, подумали мы. Хотя слегка настоуживало то, что среди участниц — столько юнцов! — школьницы, студентки и... домохозяйки, весьма свободно чувствующие себя под обстрелом мужских глаз...

Что же такое конкурс красоты? Парад ног, бедер, бюстов? Вы полюбуетесь, а вы позавидуете? Что же он должен показать? На Западе его цель — выжать максимальную прибыль, использовать девушек для рекламы товаров, а у нас? Катити прибыль, честно добытая, это замечательно, и тем более странно, что отборочный тур проходил в пустых залах, а вот зато финал стоил зрителям аж по шесть рублей с носа (и тем не менее, по словам устроителей, имеются многотысячные убытки)! Что конкурс, кроме дорогих призов, принесет королеве, фанатисткам? А тем, кому не повезет? Кто поможет им достойно и без обид выйти с освещенного «юпитерами» круга, позаботится о них?

Возможно, кто-то скажет, что это не очень убедительно, но нам слова победительницы Маши Каглининой из ее послеконкурсного интервью показались глубоко символичными: «Огромный бюджет мешал мне видеть, куда идти, руки были заняты, а корона все время съезжала набок. И хоть бы кто-нибудь помог!»

Нет, мы не против конкурсов красоты. Но вот какими они должны быть? Пока ведь — практически копии зарубежных. Помните популярную некогда, но надоевшую своей неизменностью телепередачу «А ну-ка, девушки!»? Это была попытка создать свою, советскую модель конкурса красоты. На каком-то этапе ее создатели в нерешительности остановились, и интерес к передаче иссяк.

Уже стали раздаваться голоса, что в будущих конкурсах следует вообще отменить призы, тогда, мол, многие проблемы отпадут, атмосфера подобных шоу станет чище: борьба будет идти не ради призов, а просто за победу. Но только ли в призах дело?

Мы не готовы сейчас предложить новую модель конкурса, но она нужна. Подумать над этим надо всем — и зрителям, и профессионалам-сценаристам, и постановщикам эстрадных шоу.

Мы смотрели на несовершеннолетнюю королеву и думали: она скоро поедет за границу, у нее теперь есть целый чемодан французской косметики, украшений, ее будут фотографировать для журналов... Какие у нее право, смелые родители, благословившие свое юное чадо выйти на помост в весьма откровенном купальнике на обозрение тысяч людей (а благодаря телевидению — миллионов) во взрослый — не всегда добрый и честный мир. И снова почему-то вспоминался венгерский фильм «Красотки», в котором все в общем-то крутилось вокруг одной мысли: когда без должной подготовки пытаются примерить чужой наряд и второпях адаптировать к своим условиям то, что за рубежом существует по особым — порой жестоким — законам, в итоге может получиться безвкусный авантюризм с довольно грустными последствиями.

Евгений БИЛЬКИС

ТАКОВА «СПОРТИВНАЯ» ЖИЗНЬ

Первый из мира медицины, с кем имеет дело травмированный спортсмен, — свой, командный врач.

Мы немного знакомы с ним по телепередачам футбольных матчей. Энергичный мужчина с увесистой сумкой на хорошем аллюре пересекает зеленый газон и склоняется над поверженным футболистом. Несколько секунд энергичных действий — и происходит чудо воскрешения: будто живой водой окропляет волшебник-доктор бесчувственное тело. Игра продолжается. «Смотрите, как побежал!» — частенько иронизирует в таких случаях комментатор. Если же, несмотря на колдовство врача, игрока уносят с поля на носилках, комментатор произносит речь о вреде грубости. Комментатор всегда прав: клеймит ли грубиянов, порицает ли симулянтов, благодушно ли прохаживается насчет «футбольных хитростей». (Позволим себе это небольшое отступление: ведь способность комментатора разобраться в том, что происходит на поле, влияет на общественное мнение, а общественное мнение, в свою очередь, влияет на то, что происходит на поле, — не все так безобидно.)

Итак, врач. В газетах иногда мелькает информация о вкладе в «общее дело победы» доктора, который одному лишь ему известными приемами ставит на ноги травмированных игроков. Ставить-то он их ставит, но посмотрим, что происходит потом, когда дым сражения рассеивается.

В. Пивцов («Торпедо», Москва). После первой операции врачи велели в течение трех месяцев не нагружать колено. Но я так долго ждать не хотел: конкуренция в команде. Да и помочь надо. Когда тренер просит, и с незажившей травмой играть будешь... А в общем-то мы сами виноваты. Настоять на своем можно: не могу играть — и все! Некоторые так и делают. Но ведь самому играть хочется...

С. Бабенко (баскетбол, «Шахтер», Донецк). Были у меня такие матчи. Думаю, у всех были, кто в команде ключевую роль выполняет. Когда очень нужно команде, люди выходят играть с серьезными травмами. Поддаются уговорам и выходят...

С. П. Миронов, заведующий отделением спортивной и балетной травмы ЦИТО. Вопрос, может или не может спортсмен тренироваться, участвовать в соревнованиях, должен решать врач, а на деле это решает тренер. С моей точки зрения, это абсурд, но такая практика. Причем это касается даже тех спортсменов, которые уже находят-

ся у нас, в ЦИТО. Приведу в качестве примера историю известной гимнастки Мостепановой. У нее было тяжелое повреждение голеностопного сустава. Требовалось проведение длительного, целенаправленного лечения. Наши соображения выслушали и забрали ее на сборы. Это было два с половиной года назад. С тех пор ее имя не упоминается среди участников соревнований...

О периоде восстановления и говорить не приходится. Единичны случаи, когда соблюдаются назначаемые нами сроки лечения. Кто в этом виноват? Врач команды. Но кто он — врач команды? Есть несколько врачей при командах, чей авторитет достаточно высок, их роль в коллективе такова, какая должна быть. В большинстве же случаев это зависимые люди. Они дорожат местом в команде. Им невыгодно идти на конфликт с тренером.

Другой важный момент — низкая профессиональная подготовка врача. У нас, кроме Тартуского университета, нет ни одного специального учебного заведения, готовящего спортивных врачей. Порой в команды идут работать гинекологи, стоматологи, терапевты — кто угодно. Конечно, спортивный врач должен быть широко подготовленным, но если у него нет фундаментальных знаний по травматологии и ортопедии, он не сможет оценить состояние спортсмена, а это приводит к тяжелым последствиям. Вот пример — гандболист Николаев из ЦСКА около трех недель ходил с разрывом ахиллесова сухожилия без установленного диагноза. Когда его оперировали, расстояние между концами разорванного сухожилия было уже семь сантиметров! Это очень осложняет операцию. В Госкомспорте есть управление спортивной медицины, которое призвано обеспечить контроль за здоровьем спортсменов. Я следов деятельности этого учреждения не замечаю... А со стороны видится: врач команды — что-то вроде домашнего доктора, прекрасно знающего своего пациента, понимающего, любящего, изучающего. Врач — друг, советчик, в случае чего — заступник. Но таких, похоже, очень мало...

Хорошо, если в личности тренера сочетаются профессиональная честность, человеческая порядочность и милосердие. Но часто интересы клуба или сборной ставятся выше всего. Порой удивляешься, как спортсмен доверяет тренеру решать сложнейшие вопросы, которые, казалось бы, должен решать только сам. И объяснить это нетрудно. Есть виды спорта, где спортсмены, чле-

ны сборных, носители почетных званий, на самом деле полудети. Тренер их воспитывал с детства, он для них непререкаемый авторитет.

Если тренер исповедует принцип «любой ценой» и ученик это усвоил с детства, то переделать его психологию невозможно. Бывает, спортсмен приходит в команду мастеров, где действует этот принцип, и тогда остается либо следовать ему, либо уходить...

В подавляющем большинстве случаев тренеры — сами в прошлом спортсмены. Знают, что такое играть с травмой, терпеть боль. Знают, что спортсмены бывают разные: один выйдет играть больной и выложится, другой из мухи слона сделает, побережется, себя не растратит. Тут бы врача толкового, но толковые, как правило, и самостоятельные, решать медицинские вопросы желают сами, без участия тренера. Замкнутый круг! Команду надо вести твердой рукой. А твердость, глядишь, переходит в жесткость, а отсюда и до жестокости рукой подать.

Тренер всегда под перекрестным огнем. Спортсмены требуют человеческого подхода, начальство — результатов, публика — зрелищ. Да, это замкнутый круг, по которому мчатся, как заведенные, все действующие лица, но время от времени кто-то из спортсменов соскакивает с этой стремительной карусели, и по касательной — на операционный стол.

Неужели нет тренеров, в которых бы сочетались черты, о которых говорит С. П. Миронов? Владимир Пивцов за десять без малого лет в футболе встретил такого только одного. Валерий Плотников за такой же период — тоже одного, причем подчеркнул, что человеческие его качества были выше профессиональных. Из всех участников разговора в ЦИТО только знаменитая наша прыгунья Тамара Быкова заметила, что ей повезло с тренером.

Страх саднит их душу, пока они, закопанные в гипс, слушают побывальщину, которая всегда в ходу между больными. Часть спортивной жизни, большая или малая, для них позади. Тренер сделал (или не сделал) что мог. Тренер далеко. Далеко и командный врач. Тем, кто в ЦИТО, остается уповать лишь на искусство хирургов. Хорошо Цурбригену — завидует юный сахалинец Дима Бондаренко знаменитому швейцарскому горнолыжнику — в разгар сезона операцию сделали, а через две недели он уже катался...

С. П. Миронов. В «Советском спорте» было напечатано сообщение о том,

что Цурбригену произведена операция при помощи артроскопа на коленном суставе. Через две недели он уже участвовал в соревнованиях. Так вот, я являюсь членом Европейской ассоциации хирургов коленного сустава и артроскопии. В случае с Цурбригеном речь шла об элементарной диагностической артроскопии, которую и мы умеем делать в амбулаторных условиях: через 3—4 дня ребята могут приступать к тренировкам. Никакой операции Цурбригену не делали. Удалили маленький осколок разбитого хряща. Это мы делаем ежедневно.

Бондаренко же сделали одну из самых сложных операций на коленном суставе. Иначе ему пришлось бы бросить спорт.

Мы отстаем в хирургической технике, нет хороших отечественных артроскопов, мы покупаем то, что уже устарело. Первый международный симпозиум по спортивно-балетной травме будет проведен на базе нашей клиники. Инициаторами были американцы, которые считают, что это единственное направление травматологии и ортопедии, где они отстают от Советского Союза.

Познакомившись с этой информацией, Дима Бондаренко, безусловно, повеселел бы. Несколько приподняла бы его тонус также история баскетбольного центрового из соседней палаты Сергея Бабенко. Бабенко «повезло» сломаться в Австралии, но зашитое там сухожилие не срослось, и повторную операцию ему сделали уже в ЦИТО. В родных пенатах, правда, похуже с комфортом. Наверняка Пирмин Цурбриген в швейцарской клинике лежал в одной палате, а не в четырехместной — других палат в отделении ЦИТО просто нет.

Точно так же можно быть уверенным, что зарубежные спортсмены, находясь на лечении, не рискуют по соседним с больницей улицам в поисках съестного. Нашу беседу с футболистами «Днепра» Лютым и Тищенко прервал приход такого посланца, и два игрока олимпийской сборной, деликатно извинившись, принялись с вызывающим сочувствием аппетитом за пончики.

В. Тищенко. Скорей бы домой! Жареной картошки поесть и борщеца!

В. Лютый. У нас такая страна, а не могут построить отдельную клинику для спортсменов! Утром кашка, днем кашка, вечером кашка. Постоянно думаешь о еде. Мы ж привыкли к усиленному питанию! Обойдите всех больных, вам все скажут: «Я лучше заплачу, но буду жить по-человечески, в хорошей

палате». Пусть будут платные больницы, если по-другому не получается.

С. П. Миронов. Мы находимся на дотации Минздрава СССР. Это означает: питание — 1 рубль 1 копейка, фармакологическое обеспечение — 61 копейка в сутки. В своих клубах и сборных они питаются на 15—20 рублей в день. Штангисты, борцы за время, проведенное у нас, теряют в весе по 15—20 кг.

Есть целый ряд препаратов, разработанных для лечения мышечных, сухожильных повреждений, способствующих регенерации суставного хряща. Где все это брать? На какие деньги покупать? Хорошо еще, от врачей сборных нам кое-что перепадает.

Еще проблема. В ЦИТО десять клинических отделений, в кабинеты реабилитации — очередь. Разумно было бы наладить какой-то контакт с первым спортивным диспансером и переводить туда наших больных через пять-шесть дней после операции. От этого выиграли бы сами спортсмены, но ни диспансер, ни Госкомспорт на это не идут.

За годы существования отделения спортивной и балетной травмы здесь накоплен уникальный опыт лечения и изучения весьма специфической патологии. Опыт этот в скором времени будет передан на рассмотрение зарубежных травматологов. Отечественные тоже могут его изучать, но факультативно, ибо нет острой практической необходимости. В стране двадцать институтов травматологии, отделение спортивной травмы — единственное. Это при децентрализации спорта, при том, что во многих сборных вообще нет москвичей. В Москву едут лечиться спортсмены из Ленинграда, Киева, Минска, Тбилиси, Ташкента... В ЦИТО постоянно очередь, теснота. Попасть сюда — удача, в сравнении с которой меркнут неудобства жизни, связанные со скудостью рациона, дисконфортом перенаселенности. Для большинства больных дом далеко, посещение коллег — большая редкость, и дело тут скорее всего не в черствости. Ведь действующие спортсмены, по выражению одного из участников нашего обсуждения, «едут в боевом поезде», а пациенты ЦИТО — в «санитарном». Переносить положение «обозников» — уже само по себе нелегкое испытание. Но что ждет их за порогом ЦИТО?

Вадим Тищенко из «Днепра» у себя дома, утолив двухмесячную тоску по жареной картошке и борщу, будет ждать, как пойдет выздоровление. Его товарищ Владимир Лютый после своей четвертой операции чувствует себя морально и физически готовым к продолжению тренировок. Времени в больнице у него было достаточно, чтобы задуматься о практической стороне своей романтической профессии.

В. Лютый. В феврале этого года я застраховал впервые в жизни. У нас, чтобы получить страховку, знаете, сколько надо помучиться? Десять раз напишем, перепишем, десять раз проверят. Чтобы встретиться со страховым агентом, надо из кожи вон лезть: я его вызвал — он не пришел, а пришел через пять дней — меня дома нет, мы ж на базе живем. Приехал бы сам на базу, спросил: «Ребята, кто хочет застраховаться?» Я считаю, каждый футболист должен быть застрахован на крупную сумму. Хотя бы по страховке получили, пока здесь лежим.

Неплохо, если бы и клуб выплачивал какую-то материальную компенсацию за время лечения. Но это нереально: игрок же не попросит сам: «Выплатите мне компенсацию!» А у нас так: «Не требуют — значит, им не надо».

Для тяжелоатлета Эдуарда Щербакова и те суммы, которые выплачивает своим игрокам хозрасчетный клуб «Днепр», покажутся астрономическими.

Э. Щербаков. Меня хотели оставить в армии, обещали присвоить звание прапорщика. Но, когда сломался, об этом разговора уже не было. Служба моя подошла к концу, меня отправили из спортивной роты в обыкновенную часть. Все планы мои полетели с этой травмой... Да что я! Сергей Ловачев, легкоатлет, заслуженный мастер спор-

та, чемпион Московской Олимпиады! У него травма стопы. Целый год дослуживал как обыкновенный солдат...

Сейчас я при профсоюзах, от них получаю талоны на питание. Если вылезу, буду им нужен...

Саночник Дмитрий Алексеев 18 мая, после месяца, проведенного на больничной койке, должен был приступить к тренировкам. То же самое ожидает Дмитрия Бондаренко после того, как снимут гипс и убедятся, что операция удалась.

Для двух бывших торпедовцев Пивцова и Плотникова пребывание в ЦИТО — смутное время душевной неурядицы, разочарования, обиды.

В. Пивцов. В «Торпедо», если ты сломался и уже команде не нужен, никто тебе ничем не поможет. Ну, может быть, чуть-чуть поддержат, пока ты лежишься. Через три месяца после операции начинают душить деньгами: «Тебе пора играть». Ну, а если совсем играть не можешь, то платят платят, но говорят: «Ищи работу».

Я перешел в «Нефти». Но не прижился. Уровень команды пониже, и потому я все-таки коренной москвич. Но самое главное — мне сделали очередную операцию, надо восстанавливаться, а мне говорят: «Надо играть». И тогда мне позвонил из Кишинева Владимир Александрович Емец, пригласил в «Нистру». Говорит: «Я понимаю, тебе две операции сделали, в высшей лиге нельзя пока играть. У нас понемногу разбегаешься». Я, придя в «Нистру», почувствовал, как они к тренеру относятся, за него выше головы готовы были сыграть. В «Нистру», наверное, ему легче работать, а в высшей лиге у тренера другие задачи: надо быть наверху, не будет нас заставлять, сам не задержится.

В. Плотников. Я подал заявление в Волгоград, ведь уже шесть месяцев не тренируюсь... В «Торпедо» я бы все равно не остался. Когда плохие отношения с руководством, какая уж тут игра! Хоть и говорят: «Давай тренируйся, начинай играть», но я знаю: до первого срыва. Сразу скажут: «Ну вот, опять ты со своим коленом!»

Буду играть в Волгограде... если заявят. Потому что, пока я болел, в «Торпедо» прошло собрание команды. Было сказано, что я отказываюсь играть, потому что ищу легкой жизни. Ребята, я уверен, помалкивали. А кто за меня может сказать, почему я отказываюсь играть: не могу или не хочу? Никто же не знает, что у меня с ногой!

И вот в Госкомспорт идет бумага: «За снижение спортивных показателей...» Откуда в Госкомспорте знают про мою травму? Как старший тренер представит, так и будет. И ничего не поделаешь! Кто вступится?

А на самом деле весь сыр-бор из-за квартиры. Я начинал в Саратове. Там у меня квартира была. Когда в «Торпедо» пригласили, сказали: «Сдавай квартиру в Саратове, получишь здесь». Полгода я отыграл в основном составе, мне дали квартиру. В апреле стали оформлять документы. У меня уже травма была, руководство хотело придержать документы: сначала, мол, вылечись, потом квартиру получишь. Но партгор завода поддержал меня, и квартиру я получил. А теперь мне говорят: «Ты не отработал, сдавай квартиру! Куда переходишь, там и получи!» Но я перехожу в Волгоград с незалеченной травмой. Не уверен, смогу ли я вообще играть. Что же мне теперь — на улице с семьей, с ребенком?

Какая скучная история, не правда ли? Просто хорошо всем знакомая тяжба между учреждением (командой) и специалистом (футболистом) о квартире. Но это жизнь. Любому болельщик подтвердит, что чуть ли не по поводу каждого второго перехода одни и те же слухи: «Ушел, там ему квартиру дают». «Не уйдет: ему квартиру обещают». «Квартиру получил и сматывается!» И еще в этих сплетнях фигурирует в качестве предмета соблазна автомобиль. И пресса то и дело обвиняет в меркантильных интересах этих прагматичных юнцов и ставит им в пример неистреби-

мых романтиков — спортсменов прошлого, которые себе бутсы шили и по вечерам перед матчем сами форму гладили. Но по нагрузкам футбол тех романтиков и этих «искателей легкой жизни» просто несопоставим! В том футболе, если кого «подкуют», стадион заходил от волнения. А в этом, чтобы избежать травмы, в сорочке надо родиться или по воздуху летать.

В 82-м году на санной трассе в Братске сорок (!) спортсменов из шестидесяти стартовавших получили повреждения! Это — современный спорт!

Жена Дмитрия Алексеева не интересуется, какое место занял ее муж, она об одном мечтает: чтобы целым воротился. А надолго ли он возвращается? Два-три дня между сборами и соревнованиями. И так 11 месяцев в году, а отпуск — на лечение. Таков современный спорт!

«Я не могу без спорта», — говорит Дмитрий Алексеев. В Лютый: «Футбол — радость. Все равно буду играть, пусть бьют, пусть что хотят делают». В. Пивцов: «Понимаю, что надо было подождать, долечиться, но играть же хочется...»

Итак, жестокость в спорте. Неизбежно ли это зло? Индустрия спорта будет развиваться. Скорости на санях и горнолыжных трассах будут расти, штанга — тяжелеет, гимнастические упражнения становятся сложнее, футбол, баскетбол — тотальнее. Допинговый контроль станет совершеннее, судейство — строже, инвентарь — качественнее. Не избежит обновления и то, что относится к психологии спорта. Это коснется и спортсмена, и тренера, и врача, хотя риск едва ли сойдет на нет. Потому что остается максимализм молодости, особенности темперамента, личности. Клиника в ЦИТО не будет пустовать, но настроение и перспективы ее пациентов должны стать иными.

С. П. Миронов. Говорят: главное не победа, а участие. Думают и поступают иначе. Случись фиаско — бьют тревогу, ищут стрелочника. Зачем превращать поражение в трагедию? Классный спортсмен должен иметь право на проигрыш. Ни его собственный престиж, ни престиж государства от этого не пострадают.

Политизация спорта — вот корень зла, это социальная болезнь. Идея Олимпиад выхолащивается подсчетом очков, медалей. Государства рассчитывают добиться международного престижа за счет развития спорта. Честь флага, любовь к родине — светлые понятия, но нельзя на них спекулировать!

Многое будет зависеть от модели развития спорта. Пора наконец сказать правду: спорт высших достижений не имеет ничего общего ни со здоровьем, ни с оздоровлением нации, ни с физкультурой. Надо строго очертить роль регламентирующих органов. Госкомспорт должен заниматься тем, что значится в его названии, то есть прежде всего физической культурой, массовым спортом. Пусть какой-то его отдел ведает спортом высших достижений...

Разумеется, предложения доктора Миронова носят общий характер. Организация спортивной жизни — дело очень сложное, тонкое, требующее серьезных размышлений. На мой вопрос о перспективе создания профсоюза спортсменов участники «коллоквиума» ответили... одобрительным молчанием. Потому что далеко это от сегодняшней реальности. Но многое из того, что вчера казалось далеким, сегодня стало самой реальностью.

Спортом живут миллионы. Это и здоровье общества, и его радость. Решать многочисленные проблемы большого спорта необходимо, и начинать надо, видимо, с откровенного разговора, ибо пока в большом спорте — острый дефицит правды и гласности.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы предлагаем нашим читателям продолжить этот разговор. Надеемся, что в нем примут участие спортсмены, тренеры, врачи и, конечно, очень бы хотелось услышать мнение руководства Госкомспорта.

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Кто поможет
молодому
изобретателю?
Исследуем проблему.

Вспоминая 1812 год.
Фоторепортаж.

Наши публикации.
Жизнь и стихи
Бориса Слуцкого.

Спринтер
или стайер?
Рассказ
Юрия Нагибина.

В «Лабиринте».
Размышления
о выставке
молодых художников.

Вокруг взятки.
Размышления
публициста.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

30-я шахматная олимпиада
Под редакцией гроссмейстера
Виктора Чепижного

ПАРАД МИНИАТЮР

Задачи-миниатюры с черным ферзем справедливо выделяются в особый раздел. Столь мощное усиление слабой стороны резко повышает ресурсы защиты, обостряет игру. В сегодняшней подборке — двухходовые миниатюры с черным ферзем.

А. Даниел
1906 г.

Мат в 2 хода

1. Лс6! Ф:d7 2. Лс8х (угроза), 1... Ф:с6+ 2. С:с6х, 1... а5 2. Лабх. Отличным вступительным ходом черному ферзю предоставляется свобода. Но созданная белая батарея оказывается сильнее развязанного ферзя! Все три варианта заканчиваются правильными матами.

Т. Шенбергер
1925 г.

Мат в 2 хода

На все ходы запертого в угол ферзя готовы маты: 1... Ф:h7 2. Ф:h7х, 1... Ф:g8 2. hgKx, 1... Ф:g7+ 2. Ф:g7х. Выжидательного хода нет, и белые вынуждены расширить «клетку». 1. Фf8! Теперь на 1... Ф:h7 мат меняется — 2. g8Kx. Добавляется вариант 1... Ф:f8 2. gfФх. В обоих случаях развязывается белая пешка g7.

Ф. Лазар
1929 г.

Мат в 2 хода

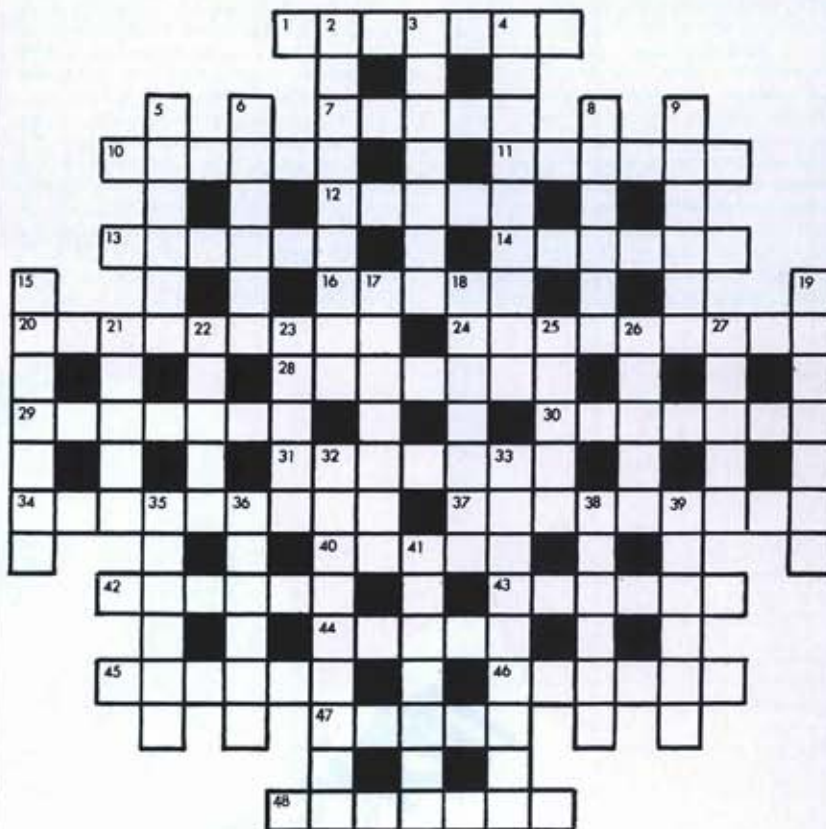
Здесь свобода черного ферзя мнимая — он прикован к защите поля b8. На единственный ход, сохраняющий контроль над ним — 1... Фа8 — следует 2. Фс7х. Однако и белые находятся в цугцванге. Приходится менять игру: 1. Ke7! Фа8 2. Фb6х (1... Фа1 2. Фb8х).

ПОПРАВКА.

В «Смене» № 13 на стр. 4 во второй колонке первую строку третьего абзаца следует читать: «В роковой день 1 декабря 1934 года...»

КРОССВОРД

Составил В. Попов, Чарск Семипалатинской области

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Всякое растение, хорошо переносящее тень. 7. Византийский фунт. 10. Поэма В. Маяковского, о которой А. Луначарский сказал: «Это Октябрьская революция, отлитая в бронзу». 11. Ткань для подкладок, шитья рабочих халатов. 12. Седло для акробатических номеров в цирке. 13. Римский поэт, с одинаковым озлоблением писавший о произволе императоров и вздорности толпы. 14. Тянь-Шань как горы. 16. «Дело ясное, что дело темное». 20. Умеренный темп в музыке. 24. Провинция Эфиопии. 28. Название в Средней Азии гор и хребтов, с которых текут маловодные реки. 29. Спортсменка Ш. Граф из ФРГ сейчас — первая ... мира. 30. Генерал, одержавший блестящую победу

над французами при Клястицах в 1812 году. 31. Модератор в фортепьяно (суть). 34. Датчик температуры из двух разных токопроводящих материалов. 37. Луч света в темном царстве (здание). 40. Название Вьетнама во время войны с французскими колонизаторами. 42. Куст «белизны молочной», к которому лунет пчела в поэме Я. Полонского «Кузничик-музыкант». 43. Игра, остановившая однажды кровопролитное сражение в Нигерии. 44. Пьеса Федерико Гарсиа Лорки. 45. Деревенский холодильник. 46. Основоположник литовской советской хореографии. 47. Жители университетского города на Иртыше. 48. Драва, Дунай, Сава, Тиса (житель страны).

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Ползающий гребневик, впервые открытый А. Ковалевским. 3. Бельгийский портовый город, известный курорт. 4. Линия на карте, характеризующая отклонения от нормы той или иной величины. 5. Чайка, самые крупные колонии которой в СССР обитают на мысу Городецкий и острове Харлов (побережье Кольского полуострова). 6. Звание поэта И. Мятлева в заграничном походе русских войск против Наполеона. 8. Румынский композитор, замечательный пианист и скрипач. 9. Ближайшая родственница могоара. 15. Расхождение денег, сил, средств. 17. Один из машинных языков. 18. Строй стихов, свойственный каждому настоящему поэту. 19. Самый первый способ печати. 21. Африканская антилопа. Стадо ради безопасности часто объединяется с цесарками. 22. Содержимое консервной банки (вес). 23. Эквадорский пи-

сатель, один из создателей современного латиноамериканского романа. 25. Римский поэт, казненный Нероном. 26. Сталь, родина которой — Индия. 27. Надменный, чванливый чиновник. 32. Обсерватория Тихо Браге на острове Вен. На ее строительство датский король израсходовал «больше бочки золота». 33. Одна из самых крупных бабочек нашей фауны. Летает днем на лугах, лесных опушках и полянах. 35. Каррарский камень, из которого М. Антокольский высек статуи «Иван Грозный» и «Петр Великий». 36. Этнографическая группа русских, называющая пеньные барашки на волнах — соловцы (отсюда название Соловецких островов). 38. Угломерный прибор, изобретенный в 1731 году англичанином Гадлеем. 39. Съедобный гриб с шипами под шляпкой. 41. Цветок, «пахнущий» поэзией.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

5. Дункан. 6. Валери. 8. Ества. 11. Формула. 12. ...чувство... 13. Георгий. 14. Джонс. 17. Щигры. 18. Аиссе. 19. Абрис. 26. Зильберштейн. 27. Урарту. 29. Мрамор. 30. «Солидарность». 34. Будри. 35. Летун. 38. Оброк. 40. ...земля... 41. Румфорд. 43. Коногон. 44. Леньность. 45. Пятка. 46. Отелло. 47. Сайгак.

По вертикали:

1. Анемона. 2. Цапля. 3. Валуи. 4. Шекспир. 5. Дрожжи. 7. Изверг. 9. Смех. 10. Воробейник. 12. Чилим. 15. Симбиоз. 16. Псарь. 20. Озимь. 21. ...Клаас... 22. Этнография. 23. Француз. 24. «Ирисы». 25. Ружье. 28. Жачев. 31. Чугун. 32. Яблоко. 33. Холодец. 36. Недолга. 37. Клотик. 39. Трюк. 41. Рояль. 42. Бекас.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

Смена '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1472) СЕНТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН (заместитель главного редактора)
- Борис ДАЮШЕВСКИЙ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Андрей КУЧЕРОВ
- Альберт ЛИХАНОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Сергей ПОПОВ (ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.
Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда», «Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.08.88.
Подписано к печати 16.08.88.
А 01867. Формат 70×108¹/₈.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 025 000 экз.
Заказ № 2889.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Н аши читатели, наверное, обратили внимание на то, что в последнее время все больше писем мы выносим на страницы журнала. Наиболее интересные из них становятся отправными точками для журнальных дискуссий. Наверняка вы помните читательский разговор в «Смене» на тему «Почему я одинок?», вызвавший поток писем. Много откликов приносит почта и на недавно опубликованных у нас два письма, в которых ставился вопрос о том, почему мы становимся озлобленными, почему милосердие незаметно уходит из нашей жизни.

Ваши письма — барометр общественного мнения. Мы с радостью отмечаем, что в последнее время читательские письма в «Смену» стали острее, социальнее, смелее. И что

очень важно, критика во многих из них носит конструктивный характер. И еще деталь — меньше стало анонимных посланий.

Нам пишут и о недостатках в работе комсомола, и о необходимости ограничения возраста руководителей, и о «дедовщине» в армии, и о зажиме критики в коллективе, и о ценах... Читательская корреспонденция помогает нам в выборе тем для публикаций. Напечатанный в этом году по вашим просьбам цикл очерков о лидерах комсомола 20—30-х годов вызвал большой интерес у читателей. Мы обязательно продолжим публикации материалов на исторические темы, постараемся рассказать о политических деятелях, малоизвестных исторических событиях.

В будущем году продолжит свою

работу наш «Институт молодежных проблем». Читатели смогут встретиться с представителями различных молодежных групп и самостоятельных объединений, с комсомольскими лидерами, узнать их точку зрения на происходящие в нашей жизни процессы. Выступят в «Смене» и молодые руководители, молодые депутаты, которые расскажут о своих проблемах, о том, как они отстаивают интересы молодежи.

Мы стараемся реализовать в журнале все наиболее интересные читательские идеи. Так, в частности, идя навстречу многочисленным просьбам любителей современной музыки, мы решили со следующего года проводить на страницах «Смены» хит-парады самых популярных песен и групп. Мы ждем ваших предложений по это-

му поводу. Давайте посоветуемся, как лучше вести такую рубрику, с какой регулярностью, как сделать ее предельно объективной, как удовлетворить вкусы поклонников всех музыкальных направлений.

Если вы не хотите отставать от жизни и хотите быть в курсе самых интересных и важных дел, которыми живет советская молодежь, выписывайте «Смену». Напоминаем, что в розницу журнал поступает в весьма ограниченном количестве и шансы купить его в киоске «Союзпечати» очень малы.

24 журнальные книжки — годовой комплект — стоят 8 рублей 40 копеек. Подписка на полгода — 4 рубля 20 копеек, на три месяца — 2 рубля 10 копеек. Наш индекс 70820.

До встречи на страницах «Смены»!

СМЕНА 89

Фото Валерия КАМЫШКО и Игоря ГАВРИЛОВА